

A close-up photograph of a woman with long, wavy brown hair. She is holding a large, vibrant red flower with many petals in her right hand. Her face is partially visible, looking down towards the flower with a slight smile. She is wearing a black strap top. The background is a plain, light-colored wall.

ЛУИЗА
РОЗЕТТ

признания **БЕЗ ПЯТИ**
МИНУТ ПОДРУЖКИ

Art of Translation

У Роуз Царелли большие планы на второй курс — все будет по-другому. В этом году она собирается стать талантливой певицей с убийственным голосом, невероятной девушкой с модным лучшим другом, и она не собирается позволять Джейми Форту обвести себя вокруг пальца...а ещё она собирается быть сестрой, пропускающей звонки, дочерью, которая может думать только о собственной боли, «хорошей девочкой», снова попавшей в эпицентр скандала (потому что никакое благодеяние не остается безнаказанным), и, возможно, худшей из всех... без пяти минут подружкой. Когда все рушится, перестань искать удачу и найди себя.

Луиза Розетт

«Признания без пяти минут подружки»

гомофоб (сущ.): боязнь гомосексуализма

(см. также: Плавательные Гиганты, и половина Юнион Хай)

— ПРЫГАЙ, ГОМИК! ПРЫГАЙ!

Именно так и закончилось лето.

В любом случае, символично.

Я нахожусь на этой вечеринке всего шестьдесят секунд, но самодурство плавательных гигантов уже настолько подавляет, что кажется, будто у меня и не было детоксикации от учебного года в виде летних каникул.

Хотя лето можно и не считать каникулами, если проводишь его, складывая вещи в Гар или на психотерапии. Со своей мамой. Разговаривая о том, что ты имела полное право действовать за ее спиной и создавать мемориальный сайт для папы.

Который умер.

Очевидно. Поэтому, памятник.

— Давай, гомо! Вперед!

Задний двор Майка Даррена битком набит школьниками всех уровней кастовой системы Юнион Хай, но очевидно, что это вечеринка в честь посвящения нового участника плавательной команды. Пока Майк расхаживает с важным видом, проверяя количество пива в бездонных красных пластиковых кружках, которые достались только самым хорошеньким девчонкам, когда они проскочили через коридор из бамбуковых факелов, Мэтт Хэллис и остальные плавательные гиганты выстроились в ряд на краю бассейна, как пожарная команда. Пловец-новичок, одетый в красное поло, закатанные белые джинсы и мокасины без носков, стоит на трамплине для прыжков, пятясь от них и с каждым сантиметром становясь все ближе к концу, и каждую секунду смотрит вниз, на воду. Мэтт церемонно поднимает руку в воздух, а затем демонстрирует свои лидерские качества, за которые его выбрали капитаном команды, несмотря на то, что он десятиклассник: делает первый выстрел, швыряя свою пивную кружку в новичка.

Благодаря тому, что Мэтт — раздражающе талантливый спортсмен, родители которого оплатили ему все лето в тренажерном зале, бросок получился безупречным, хоть в него и было вложено смехотворное количество силы. Удар чуть не сбивает новичка с ног, а пиво выплескивается на его блондинистую голову и стекает по его щекам, носу и шее, заливая его идеально отглаженную рубашку. Его ноги слегка дрожат от силы удара, и он раскачивает трамплин. На долю секунды я думаю, что он упадет — мокасины и все такое — в овально изогнутый бассейн с синими полосами света, переливающимися под водой. Он разводит руки в стороны и удерживает равновесие, и насколько я могу судить по облегченному выражению его лица, он думает, что уцелел и издевательства оказались не такими уж серьезными.

Он медленно опускает руки и вызывающе делает шаг к пожарной команде. Но выражение облегчения пропадает с его лица, когда прихлебатели Мэтта поднимают свои кружки, чтобы последовать примеру их лидера.

— Прыгай или умри, гей! — кричит Мэтт, и пьяное нечеткое произношение делает его речь еще менее интеллигентной, чем обычно, что не так-то просто. Кружки летят в новичка,

как пулеметная очередь, и он, качаясь, отступает назад, размахивает руками и пытается как-то избавиться от пива, попавшего в глаза и в рот. Он оступается и падает спиной в воду. Гиганты аплодируют и кричат, когда с него слетают мокасины и приземляются на поверхность воды.

По иронии судьбы начинает играть «Take it Off» Ke\$ha.

— Что мы здесь делаем? — спрашивает Трейси, стоящая рядом со мной и наблюдающая, как ее бывший парень гордо расхаживает по кругу, давая пять своим друзьям. Мне приходит в голову, что именно на таких вечеринках Мэтт проводил время прошлым летом, перед девятым классом, и, возможно, как раз это сделало из того милого парня, каким он был в восьмом, полного придурка.

Я смотрю на свою лучшую подругу. Год назад она могла говорить лишь о том, что не может дождаться, когда будет ходить на вечеринки вроде этой в своей форме чирлидера с парнем-пловцом. Теперь она одета, как нормальный человек — ну ладно, очень модный нормальный человек — и даже не помнит, почему она вообще хотела здесь оказаться.

Я так горжусь ею.

— Мы появимся на самой большой тусовке этого лета, и во вторник придем в десятый класс с гордо поднятыми головами, — говорю я, цитируя ее.

— Какая глупая идея, — отвечает она.

Новичок выбирается из бассейна без посторонней помощи. Он немного дрожит в мокрой одежде и, возможно, пытается сообразить, что он должен делать — нанести ответный удар, уйти или взять бутылку пива и притвориться, что все круто. Вокруг него образуется свободное пространство радиусом около 10 футов, как будто жертва плавательных гигантов — это заразное заболевание. Он берет полотенце с плетеной подставки и пытается высушить свою рубашку.

— Он выбрал неправильную команду — во всех смыслах, — говорит Трейси. — Хотя быть геем — не совсем выбор, — быстро добавляет она, повторяя то, что наша учительница по здоровью в прошлом году, мисс Масо, вдалбливала в нас, не боясь увольнения за утверждение таких фактов, которые некоторые люди считают мифами о гомосексуализме. Насколько мы можем судить, мисс Масо — единственный учитель в Юнион Хай, по-настоящему заинтересованный в том, чтобы давать детям полезную — и достоверную — информацию.

Мэтт, спотыкаясь, останавливается, чтобы поцеловать Лену, нового капитана команды чирлидеров, с которой он занимался сексом большую часть прошлого года. В то же время он заявлял, что он девственник, чтобы заставить Трейси — его девушку на тот момент — переспать с ним.

Что, в конце концов, она и сделала.

Я украдкой смотрю на Трейси, чтобы понять, волнует ли ее, что Мэтт и Лена целуются на глазах половины Юнион, но она на них даже не смотрит. Она наблюдает за новичком, который склонился над водой с одним из сачков на длинной ручке, которыми чистят бассейн. Он ловит свою обувь и вытаскивает ее, всю промокшую, из воды.

— Из-за хлора эта кожа станет просто мусором. Господи, похожи на Gucci, неужели это они?

Я уже готова напомнить своей модной подружке, что вряд ли отличу мокасины Gucci от буханки хлеба, когда перед нами внезапно появляется Кристин. В своей форме. С помпонами.

— Трейси! Ты не можешь уйти! Мы не можем без тебя это сделать! — пронзительно кричит она. Точнее, пронзительно скрипит. У Кристин, единственной, кроме Трейси, девятиклассницы, попавшей в прошлом году в «Отряд», голос прямо как из ночного кошмара. Более того, на чирлидерской вечеринке у Трейси в честь Хэллоуина, она нарядилась в какую — то странную дьявольскую фею с противными маленькими крылышками, торчащими на спине. Такой образ ей очень подходит.

— Теперь, когда Регина совсем ушла из отряда... — Кристин умолкает, и ее взгляд устремляется ко мне, словно это я виновата, что Регина Деладдо в прошлом году превратила мою жизнь в ад, а потом ее выгнали из отряда, хоть она и должна была стать новым капитаном.

Интересно, стала бы должность капитана вершиной карьеры Регины Деладдо в старшей школе? А может, и во всей ее жизни? Я пытаюсь вызвать в себе симпатию к ней, но не могу. Сложно чувствовать что-то, кроме глубокой неприязни, к человеку, который провел полгода, делая надписи «Сучка 911» на всех моих партах и шкафчиках после того, как я забила тревогу на вечеринке в честь встречи выпускников.

Вместо этого Регина должна была писать «Похитительница Парней» — ведь на самом деле она за это на меня злилась. Не то, чтобы я похитила ее парня. Просто он мне понравился. И мне показалось, на какую-то минуту, что я ему тоже нравлюсь.

Но оказалось, что я просто идиотка. Потому что Джейми Форта я не нравлюсь.

Откуда я узнала? Было два способа. 1: Я не видела его и не общалась с ним все лето — ни разу с тех пор, как Регина отправила его за решетку, когда он собирался взять меня на свой выпускной. Последнее, что я получила от Джейми Форты — записка, которую передал его лучший друг Энджелю, где было написано: «Роуз. Как я и говорил. Я не подхожу для тебя. Я другой. Поверь мне. Веди себя хорошо».

Что бы это ни значило.

2: Джейми стал моим другом только потому, что мой брат Питер попросил его это сделать. Питер переживал за меня, когда уехал в колледж — а, возможно, он на самом деле переживал за мою маму. Как бы то ни было, Питер хотел, чтобы кто-нибудь «присматривал» за мной. Что Джейми и делал.

А потом... было несколько поцелуев.

Но он не мой парень. Я думаю, его записка довольно ясно это объясняет.

Кем тогда считать парня, который расстался с кем-то другим и пригласил тебя на выпускной? Который целый год наблюдал за тобой? С которым у тебя был лучший первый поцелуй за всю историю поцелуев?

Я могу видеть каждую секунду того поцелуя, как будто я смотрю кино. Это случилось на парковке во время встречи выпускников. Он был на дискотеке с Региной. А я была с Робертом. Но, тем не менее, каким-то образом мы с Джейми, в конце концов, оказались в одной машине. И тогда он меня поцеловал. Этот старшеклассник, в которого я влюбилась с первого взгляда, увидев его играющим в хоккей, когда я училась в седьмом классе.

Это было невероятно.

Это было единственным хорошим событием с тех пор, как мой папа погиб прямо перед началом моей учебы в Юнион Хай.

Я скучаю по Джейми. Я скучала по нему все лето, несмотря на то, что старалась не делать этого. Какой смысл скучать по тому, кто явно говорит, что он тебе не подходит?

— В этом году? — говорит Кристин Трейси с немного маньяческим видом, словно ее

привычный мир рухнет, если она не уговорит Трейси. — Мы хотим, чтобы ты стала нашим хореографом! Разве это не классно? То есть, смотри, прошлый год был провальным. Но в этом году мы собираемся танцевать по — настоящему, с самыми горячими движениями.

Кристин говорит так, будто хореография — это новое понятие для чирлидерской команды.

— Я вам не нужна, — говорит Трейси. — Не похоже, что мы — команда для соревнований. Даже с хореографом мы по — прежнему будем скакать в некачественной синтетике»

Кристин хмурится — похоже, ее серьезно оскорбила мысль о том, что чирлидеры всего лишь «скачут».

— В чем проблема, Трейс? В том, что Лена с Мэттом? Они же просто спят друг с другом. Не похоже, что она его «девушка с большой буквы Д. — Говоря это, Кристин рисует помпонами в воздухе маленькие кавычки, а мне хочется схватить их и выбросить в бассейн.

Интересно, на самом ли деле я дернулась, чтобы сделать это, потому что Трейси бросила на меня быстрый взгляд. Трейси много разговаривала со мной о моей анти — чирлидерской позиции, напоминала, что не все чирлидеры похожи на Регину, приводя в пример себя и группу других милых и умных девочек из прошлогодней команды. Хотя я и поняла ее точку зрения, мне все еще не удалось расстаться с идеей о том, что в целом, чирлидеры — отстой.

Я признаю, что такая точка зрения может демонстрировать недостатки моего характера, и я согласна с этим.

Кристин говорит наигранным льстивым голосом:

— Трейс, поговорим наедине секундочку, хорошо? Служебные дела, — гавкает она на меня и берет Трейси под руку. Трейси смотрит на меня и демонстративно закатывает глаза, Кристин тянет ее к террасе, и «конский хвост» из ее густых светлых волос решительно покачивается. Моя рука машинально устремляется к моим волосам, которые делают то же, что и всегда — бессильно свисают на плечи, прямые, редкие и мышино — коричневые.

Я достаю подержанный iPhone, который отдал мне Питер перед отъездом в Тафтс, хоть и знаю, что у меня нет новых сообщений. Единственный человек, который когда — либо звонил мне или присылал смс на этот телефон — Трейси. И мама, конечно же. Но если и есть нечто, что я узнала о таких телефонах — это то, что они помогают выглядеть занятым, когда тебе абсолютно нечего делать.

Обычно, если я пытаюсь казаться занятой, я открываю приложение со словарем и готовлюсь к предварительным экзаменам, до которых осталось шесть недель. В этом году будут лишь пробные экзамены, но я должна круто разделаться с ними, чтобы показать маме, что способна получить стипендию и отправиться в колледж. Даже если она никогда не увидит страховое возмещение, которое обещала папина компания, однако почему — то так и не удосужилась выплатить. Но мысль о том, что меня застукают на вечеринке за подготовкой к экзаменам, несколько ужасает, поэтому я открываю «Фото» и продолжаю свой проект — удаляю все изображения, которые Питер оставил в телефоне, отдав его мне.

Сначала я была недовольна тем, что мама настаивала, чтобы Питер отдал мне свой старый iPhone — который выглядит так, словно им не раз играли в футбол — вместо того, чтобы разрешить мне купить новый на мои собственные деньги. Но когда я впервые подключила телефон к ноутбуку, и компьютер спросил, хочу ли я удалить с него все данные, я поняла, что в телефоне Питера содержатся все виды информации о его жизни. А он

перестал делиться ею со мной с той минуты, когда ступил на территорию колледжа и завел девушку.

На его телефоне более 800 фотографий, и мой план — просмотреть все до единой, прежде чем я освобожу место для своих. Надеюсь, это даст мне представление о том, как у него плохи дела. На данный момент я узнала, что он курит и много пьет, и фотографирует, как его друзья курят и много пьют. Полагаю, сюрпризов тут нет.

Я пролистываю десять фотографий друзей Питера, которые гораздо лучше проводят время на вечеринке, чем я сейчас. Затем поднимаю взгляд, вижу людей, которые общаются с другими человеческими существами, чувствую себя дебилом и решаю найти что — нибудь выпить.

Я проталкиваюсь через стайку девятиклассниц, собравшихся вместе в целях безопасности, пока плавательные гиганты кружат вокруг них как акулы, и нахожу дорогу к ведру со льдом, наполненному всеми сортами напитков, которые мне еще не разрешается употреблять, и газировкой. Мне требуется целая минута, чтобы отыскать диетическую колу, зарытую подо льдом. Когда я ее наконец вытаскиваю, я почти не чувствую свою руку.

— Может, лучше возьмишь Red Bull и водку, Роуз?

Мне понадобилась пара секунд, чтобы узнать Роберта — возможно, потому что у него более счастливый вид, чем я привыкла видеть за четыре года. А может, и потому что он отрастил волосы и выглядит как — то... круче. Или причина в том, что он обнимает одну из самых хорошеньких девушек, которых я когда — либо видела, и она улыбается. Ему. Как будто он бог.

— Холли, это Роуз Царелли. Роуз, знакомься — это Холли Тэйлор. Она недавно переехала из Лос-Анджелеса. — Я прекращаю разглядывать красивую новую девочку, заметив у Роберта еще пару особенностей: он назвал меня Роуз, а не Розы — а он звал меня так со дня нашей первой встречи в шестом классе, — и он потягивает свой напиток так, словно находится на приеме в роскошном загородном клубе, а не на пивной вечеринке на заднем дворе.

Когда я уже не могу больше тянуть время, я обращаю внимание на Холли. Можно подумать, я не понимаю, что не стоит обмениваться рукопожатиями на вечеринке старшеклассников, но меня немного пугает количество красоты передо мной, и поэтому я протягиваю руку как неуклюжий ботан. Холли грациозно делает то же самое и даже не вздрагивает, когда моя рука — ледяная и мокрая после моей арктической экспедиции за диетической колой — прикасается к ее.

Она не только хорошенькая, но и благородная. Неудивительно, что Роберт ходит с такой идиотской ухмылкой.

— Привет! — говорит она. Ее зубы шокирующего, ослепительного белого цвета, и это сразу же вызывает у меня ощущение, что в моих зубах застрял шпинат. — Я новенькая в Юнион. Мой папа преподает драматическое искусство в Йельском университете.

У меня в голове немедленно возникает ответ: «А я не новенькая в Юнион. Моего папу разорвало на куски в Ираке». Это сопровождается картинками в стиле фильмов ужасов, которые я теперь не могу выбросить из головы.

— Привет, — даже слишком жизнерадостно говорю я, пытаюсь прогнать из головы кровавую бойню. Я знаю, что должна рассказать Холли какую-то интересную информацию о себе, но я не уверена, что именно это может быть.

Совершенно точно, не информация о папе. Ничто не прекратит общение быстрее, чем

рассказ о твоём отце, убитом самодельным взрывным устройством в Ираке.

У Холли, как выясняется, абсолютно идеальные, длинные и супергустые темные волосы, которые выглядят так, будто уложены профессионалами. У нее большие карие глаза, не могу даже сказать, пользуется ли она косметикой, и она улыбается так, словно зарабатывает этим на жизнь. На ней множество серебряных украшений, которые бренчат и позвякивают при каждом ее движении, и она настолько миниатюрная, что я практически перестаю вдыхать, чтобы казаться поменьше.

— Роуз — это... подруга, о которой я тебе рассказывал, — многозначительно добавляет Роберт, чуть поколебавшись перед словом «подруга». Холли кивает, и мне становится интересно, что он ей рассказывал — «я всегда думал, что люблю Роуз» или «в прошлом году Роуз обращалась со мной, как с дерьмом» или «у Роуз умер папа». — Мы с Холли были друг против друга на кастинге для летнего шоу в драматическом кружке, — говорит Роберт. — У ведущего актера интрижка с ведущей актрисой — полное клише, правда? — Он улыбается ей и целует кончик ее идеального носа.

Если бы Роберт не стоял здесь, обнимая Холли, я бы никогда и ни за что не поверила, что она — его девушка. Во-первых, у Роберта есть проблемы с честностью — ему нравится то, что он изображает, больше, чем действительность. Во-вторых, Холли Тэйлор, похоже, птица не его полета. Точнее, более высокого полета. Но вот они — сплетенные друг с другом, обнимающиеся и образующие настоящую пару.

— Ты видела шоу, Роуз? Робби был лучшим Джо за всю историю «Проклятых Янки». — Холли буквально сияет, глядя на Роберта.

— А Холли была самой горячей Лолой, — говорит он, ухмыляясь так, будто она — единственная девушка в мире.

Ярываюсь между раздражением от того, что она называет его «Робби», и стыдом за те часы, которые потратила в начале лета на мечтания о получении роли Лолы. Прошлой весной, после того, как мы с мамой сходили в оперу на «Богему», я решила, что хочу стать певицей. Не оперной певицей, хотя этим летом я обнаружила, когда никого не было рядом, что могу петь по-настоящему громко. Просто... певицей. Какой-нибудь. Поэтому я задумывалась о прослушивании для летнего мюзикла в Юнион Хай. На сцене я хотела спеть от всего сердца в роли Лолы — чертовки в красном платье и на каблуках — и заставить всех увидеть меня в совсем новом свете. Но сейчас, стоя рядом с человеком, который на самом деле сыграл Лолу, я вдруг почувствовала себя настолько униженной, что мне захотелось в тот же миг уйти с вечеринки. Я имею в виду — как я могла быть такой тупой? Лола красива и сексуальна, и основное качество ее характера — она может соблазнить любого и получить что угодно. Даже ее главный номер называется «Лола получает все, что захочет».

А я не могу даже заставить парня, который мне нравится, перезвонить мне.

Стоя перед Холли Тэйлор в наряде, который подобрала для меня лучшая подруга из своего гардероба, я болезненно осознаю, что я не Лола.

— Папа Холли играет в театре, снимается в кинофильмах и на телевидении, — говорит Роберт, явно гордясь тем, что использует слово «кинофильм», а не «кино». — Ты бы его оценила.

Холли выглядит смущенной и быстро меняет тему.

— Чем ты занимаешься, Роуз?

— Роуз — бегун. А еще она играет на валторне, — за меня отвечает Роберт, как будто я — детсадница, которой нужна похвала за ее выбор печенья на полднике.

Это выводит меня из себя.

— На самом деле, в этом году я не играю на валторне. Я пробуюсь на роль в мюзикле, — отвечаю я Холли.

Роберт мог бы получить «Оскар» за серию выражений лица, сменившихся за следующие пять секунд. Сначала испуганное, затем ошарашенное, затем раздраженное, затем взволнованное, и наконец — наигранно счастливое. Чувствую себя так, словно одержала победу или что-то вроде того.

Я была уверена, что это будет расценено как пустяк.

— Ты прослушиваешься? Классно! — говорит Холли. — Может, мы все будем выступать вместе. Сейчас ставят «Что бы ни случилось». Знаешь его? Ты, наверно, будешь Рено Суини! Умеешь танцевать степ? Рено — это лучшая роль. Хотя Хоуп — тоже классная роль. Оо, но там же есть еще одна смешная... как ее зовут? У нее этот классный номер, да, детка?

А когда Холли поворачивается к Роберту, я вижу Регину. Она с Энтони Паррина, огромным хоккеистом, с которым она встречается только, чтобы разозлить Джейми. На долю секунды я беспокоюсь об ответном ударе. Но потом чувствую просто... стыд.

После того, как Регина отправила Джейми в тюрьму, я наконец решила рассказать директору Чен, что Регина преследовала меня с теми надписями. Директор лично остановила Регину и Энтони у входа на выпускной. Я слышала, что Регина, в синем обтягивающем платье с блестками и на 10-сантиметровых каблуках, закатила такую истерику, что ее высокая прическа развалилась. Для этого нужно было постараться, учитывая, сколько лака для волос она использует. Ее отстранили от занятий, выгнали из чирлидерской команды, не допустили до экзаменов, и ей пришлось идти на летние курсы, чтобы она могла окончить школу в этом году.

Мысль о том, что Регина с позором покинула выпускной, вызывала у меня улыбку несколько часов. Потом это стало вызывать жалость, как будто это я натравила на нее директора. А я ведь так и сделала.

Когда Регина поворачивается ко мне, мое первое побуждение — сделать очень важный телефонный звонок. Но на самом деле, неважно, что я делаю, потому что она меня не замечает. Она пристально смотрит на новичка, которого теперь оттесняют к дому плавательные гиганты, вооруженные садовым шлангом и заявляющие, что помогут ему отмыть одежду от хлорки.

Энтони так громко хохочет, что некоторые гиганты оглядываются, чтобы посмотреть, кто издает такой шум. Когда их взгляды падают на Регину, они даже отступают, словно пытаются отстраниться от происходящего, боясь встретиться с Гневом Регины. Но Регина стоит неподвижно, с застывшим лицом.

— Будешь, Роуз? — слышу я, как спрашивает Холли.

Выдыхая дым, Холли протягивает Роберту самокрутку. Дым образует что — то вроде нимба над ее головой, а я решаю не напоминать Роберту, как его мачеха однажды сказала, что навсегда выгонит его из дома, если он еще раз вернется домой с запахом травы.

Роберт затягивается и возвращает косяк Холли, намеренно пропуская меня.

— Роуз — не такая девушка, — говорит он, снисходительно мне подмигивая.

Мне хочется ударить его. Я даже обдумываю эту возможность — хоть мамин терапевт, Кэрон, и говорила, что я должна начать обуздывать свои жестокие побуждения и перенаправлять их в «позитивное русло» — когда из толпы раздается рев.

Мэтт отобрал шланг у своих товарищей по команде и направил струю воды так, что она бьет новичку прямо в рот. Он задыхается и отплевывается, пытаясь отклониться от струи, чтобы вдохнуть немного воздуха, но Мэтт направляется к нему, поднося шланг все ближе и ближе ко рту новичка, как будто собирается совсем его туда засунуть.

Внезапно застывшее лицо Регины дрогнуло. Пара шагов, и она оказывается перед Мэттом, отталкивает его назад и отбирает у него шланг. Она вырывает у него шланг, обрызгав компанию девятиклассниц, которые с пронзительным криком разбегаются в разные стороны, поднимая руки, чтобы защитить волосы. Мэтт приземляется на пятую точку, не вполне понимая, что происходит.

— Кто это? — спрашивает Холли, ее большие карие глаза уже покраснели от травки.

— Роуз тебе все про нее расскажет, правда, Роуз? — холодно говорит Роберт.

Мэтт хватается за шланг, лежащий на земле, и изо всех сил старается встать, чуть не падая в бассейн. Он забывает про направление струи и заливает свои ботинки.

— Конрад, ты что, собрался позволить своей сестре испортить твое посвящение? — спрашивает он, не спуская глаз с Регины.

Его сестре? Боксерская груша этой вечеринки — брат Регины?

Мэтт переводит взгляд на Конрада.

Конрад не произносит ни слова.

Мэтт направляет на него шланг.

Регина бросается к Мэтту, но Энтони хватается за ее руки и разворачивает в другую сторону. Он уводит ее, она не сопротивляется — у нее пустое выражение лица и ослабшее тело, он что-то говорит ей на ухо, а в его темных глазах застыло жесткое выражение.

Не могу поверить, что Регина уходит, когда плавательные гиганты обливают ее брата. Если кто-то и сможет им противостоять, то это она. Что она делает?

Мэтт и два гиганта хватают Конрада и с силой швыряют его в бассейн, несмотря на то, что он все еще задыхается. Как только Конрад погружается в воду, Мэтт выплевывает финальную фразу: «Гомик!», затем теряет к нему интерес и удаляется. Его безмозглые прихлебатели плетутся за ним.

— Что это за гомофобия? — спрашивает Холли, глядя на Роберта в ожидании ответа. — На Востоке всегда так?

— Особенность Юнион, — отвечает Роберт. — Идем отсюда.

— Мм, может, мы должны что — то сделать? — говорит она, поворачиваясь к бассейну.

— Мы просто оставим его здесь, а ты слишком обкуренная, чтобы плавать, дорогая, — отвечает Роберт. Меня практически тошнит — по нескольким причинам, а не только из — за того, что Роберт называет свою девушку «дорогая», как кинозвезда 1940-х. — Парень — пловец, — продолжает он. — Уверен, что он и без нашей помощи найдет дорогу на поверхность бассейна.

— Ладно, — неопределенно говорит Холли.

Я следую за ее взглядом на воду и вижу, что Конрад прилагает нулевые усилия, чтобы выплыть — точнее, даже меньше, чем нулевые. Он позволяет себе тонуть.

— Увидимся, Роуз, — говорит Роберт и берет Холли за руку.

Я смотрю на кружку, которую все еще держит Роберт.

— Подожди, ты же не сядешь сейчас за руль, да? — спрашиваю я.

На мгновение я вижу старого Роберта — того, кто всегда ждал моего одобрения, даже

после того, как я перестала его одобрять. Однако новый Роберт быстро возвращается.

— Сегодня Холли поведет винтажный Мустанг.

Я смотрю на Холли, которая снова выглядит смущенной, а потом — на Роберта.

— Так она слишком обкуренная, чтобы плавать, но не чтобы водить?

— Все нормально, — говорит Холли. — Мы просто дойдем пешком до моего дома. —

Холли снова поглядывает на бассейн. — Круто, что мы познакомились, Роуз! Увидимся во вторник в школе, — добавляет она, а Роберт вытягивает ее из толпы, которая абсолютно не проявляет интереса к тому, что Конрад Деладдо сознательно топится в бассейне.

Хотя, честно говоря, утопиться — неудивительная реакция на первую вечеринку в Юнион Хай.

Я должна что-то сделать.

Дело в том, что после прошлого года мне хочется остаться в тени, ведь я точно не собираюсь снова стать убийцей вечеринки.

К тому же, он тонет не по-настоящему — просто прикалывается.

Правда?

Я смотрю на бассейн. С того места, где я стою, его не видно.

Жду пару секунд, что он всплывет. Жду еще пару секунд.

Ничего.

Я подхожу к краю бассейна и смотрю в воду. Конрад все еще идет ко дну, как будто его тянет вниз какая-то сила, которую я не вижу. Он смотрит на меня и, похоже, наши глаза на какой-то момент встречаются. А потом он закрывает глаза.

Я встаю на колени и тянусь к воде, чтобы дать ему руку, но я, конечно же, не достаю до него. Наклоняюсь еще немного, и происходит неизбежное.

С другой стороны бассейна Трейси зовет меня по имени, но уже слишком поздно. Кто-то толкает меня за плечи, и я лечу лицом вниз к сверкающей голубой воде.

Моя первая мысль — я испортила шелковый топ (только сухая чистка) Трейси, который она одолжила мне, заставив практически поклясться на крови, что с ним ничего не случится.

Моя вторая мысль — я не осознавала, какой шум на этой вечеринке долбил по мозгам, пока не оказалась в бассейне. Под водой так спокойно — вся музыка и крики теряются за звуком моего пульса и крови, бегущей в венах. Идеально.

Уже больше года я не чувствовала такого покоя. Через некоторое время после смерти папы у меня начались странные приступы, которые мама назвала паническими атаками — для меня они больше похожи на атаки ярости. Теперь они, в основном, прекратились, но иногда, как гром среди ясного неба, когда я делаю что-то абсолютно нормальное, я вдруг вижу эти безумные жестокие картинки. Я не контролирую это.

Здесь, под водой, я не чувствую, что такое может произойти. Может, мне нужно провести всю жизнь, болтаясь в бассейне.

Конрад выглядит так, будто чувствует то же самое. Но он может так выглядеть еще и потому, что уже синеет от нехватки кислорода.

Я подплываю к нему и тянусь к его руке. Он отдергивает ее и дает мне один палец.

Вот вам и подводное спокойствие.

И что я должна с ним делать?

Хватаю его за руку и тяну изо всех сил. Сначала Конрад сопротивляется, но потом сдается. Когда мы вырываемся на поверхность, толпа людей у края бассейна наблюдает, как хладнокровно Трейси практически рвет на куски Мэтта, который был тем, кто толкнул меня.

Я знаю это, даже без повторного просмотра ситуации.

— ... и вытащишь ее и этого новичка из бассейна, или я сама туда тебя толкну.

Из толпы раздается громкий хор «Ого!». Мэтт слишком пьян, чтобы решиться на какой-нибудь ответный удар, поэтому делает то, что ему сказано — ковыляет к краю бассейна и тянется к Конраду. Конрад вылезает из бассейна во второй раз меньше, чем за час, когда кто — то отталкивает Мэтта в сторону, снова отправляя его на землю, и протягивает руку. Конрад смотрит вверх и то ли смеется, то ли фыркает, как будто ему противно.

— Иди помогай своей девушке с комплексом спасителя, — говорит он. — И оставьте меня, черт возьми, в покое.

Я пытаюсь сообразить, что это за девушка с комплексом спасителя и почему ей нужно помогать, когда меня вытаскивают из бассейна — насквозь промокшую, с размазанной тушью, в просвечивающем шелковом топе и белых бриджах — и ставят на землю. Прикосновение теплых рук к моим рукам кажется знакомым, и я моментально понимаю, кто это. Но хоть я и ждала все лето, чтобы увидеть его снова, мне требуется несколько секунд, прежде чем я поднимаю взгляд и смотрю на красивое и взбешенное лицо Джейми Форта.

разногласие(существительное): конфликт; разлад; борьба
(см. также: основное состояние в Юнион)

То неловкое чувство, когда стоишь на дорожке на пивной вечеринке, полностью одетая, но насквозь промокшая и закутанная в безразмерное полотенце, и разговариваешь — или не разговариваешь, в зависимости от ситуации — с парнем, которому ты или нравишься, или нет, и которого ты не видела несколько месяцев, а он стоит рядом с твоим злейшим врагом, а она — или его бывшая девушка или нет. Добавьте сюда еще разгуливающую неподалеку мокрую жертву дедовщины в Юнион Хай и нескольких зрителей, и получится самый натуральный цирк с тремя аренами.

Я дрожу и жду, когда Трейси принесет наши вещи, чтобы отвезти меня домой. Джейми Форта стоит в двух шагах от меня, и он выглядит совсем по-другому. Загар, рельефные мышцы рук, волосы темно-золотистого цвета — похоже, он провел все лето на пляже. Он выглядит... красиво.

Я воображала множество вариантов развития событий на случай, когда снова увижу Джейми, но никак не думала, что он будет меня игнорировать, а последние несколько минут он это и делает. Хотя с чего я взяла, что он будет вести себя по-другому, ведь он и так все лето меня игнорировал?

Он не перезвонил мне после того, как отсидел ночь в тюрьме, и ему не позволили вернуться в школу, чтобы закончить учебный год. Через несколько недель я начала думать, что он был плодом моей фантазии. Я практически убедила себя в том, что так и было, пока не подумала о поцелуе. Тот поцелуй был самой реальной вещью на свете — я никоим образом не могла его вообразить.

И это возвращает меня к вопросу — почему он не позвонил. Это просто выводит из себя.

Однако неважно, насколько обиженно или разозленно или как-то еще я себя чувствую, Джейми выглядит поразительно, и я не могу перестать его разглядывать.

Регина тоже, и это замечает Энтони Паррина, который идет по дорожке, возвращаясь на вечеринку после похода за пивом.

Похоже, он не особо счастлив от увиденного.

Энтони опускает на землю коробку с пивом, которую удерживал на своем массивном плече, и с видом собственника обнимает Регину.

— Ну что, уголовник, ты сегодня без своих каторжников? — говорит он Джейми. — Ах да, они же отправляют несовершеннолетних детишек на дорожные работы. Я тебе как — то посигналил на трассе, ты был в маленьком оранжевом жилете, и даже рукой мне не помахал, — продолжает Энтони, издевательски строя печальную гримасу.

Не могу сказать, правду ли говорит Энтони, потому что лицо Джейми похоже на маску. Папа Джейми — полицейский, коп, который оставил сына на ночь в тюрьме, чтобы преподать ему урок — и я не удивлюсь, если он отправил Джейми на исправительные работы, чтобы он провел все лето под палящим жарким солнцем, заделывая выбоины на городских дорогах.

Я смотрю на Регину. Она твердо и пристально смотрит на Джейми, словно пытается что

— то ему этим сказать, но Джейми не сводит глаз с Энтони. Понятия не имею, говорил ли Джейми с Региной о том, что она сделала. Но они живут совсем рядом друг с другом — возможно, это и отвечает на мой вопрос.

— Что, нечего сказать, Форта? — наезжает Энтони.

У Джейми и Энтони есть несведенные счета. Джейми играл в хоккей в команде «Юнион» вместе с Питером, пока его не выгнали за то, что на важном матче «Юнион» против «Вест Юнион» он ударил Энтони клюшкой по шее. Я видела, как это случилось, и всегда думала, что это было просто глупым оскорблением соперника. Но теперь я начинаю понимать, что здесь замешано что — то большее.

И Энтони встречается с Региной, с которой Джейми вырос и... что именно? Она ему нравилась? Он с ней встречался?

Любил ее?

Джейми медленно поворачивается к Регине, до последнего момента не сводя глаз с Энтони. Когда его внимательный взгляд встречается с ее, его лицо становится обеспокоенным. Как он может так переживать за нее после того, что она сделала? Что происходит?

— Ты в порядке? — Джейми тихим голосом спрашивает Регину, как будто они стоят на этой дорожке только вдвоем. На лице Регины опять появляется это странное, пустое выражение, а Энтони сжимает ее в объятиях еще крепче и улыбается, будто выиграл приз.

— У нее все отлично, — отвечает за нее Энтони. — А вот Конрад выглядит не так хорошо. Он издает что-то вроде сдавленного смешка.

Энтони — полный дурак.

Джейми отворачивается и видит, как Конрад ходит взад-вперед на одном месте, а вода все еще капает с его закатанных джинсов.

— Конрад, — зовет его Джейми.

Конрад замирает.

— Пошел на хрен, не говори со мной.

— Не ругайся на Джейми, — предупреждает Регина. В первый раз за весь вечер я слышу ее голос.

— О, отлично, Гина, заступайся за парня, который обращается с тобой, как с дерьмом. А мне нужно называть тебя «мамочкой»?

Конрад дрожит в своей мокрой красной рубашке, с которой бегут на его белые джинсы розовые потеки. Его взгляд падает на Энтони, и я надеюсь, что Конрад будет держать рот закрытым, для его же блага. Не могу сказать, слезы на его лице или вода из бассейна, но общее воздействие одинаково — в линяющей рубашке и с перепуганным лицом он выглядит немного не в своем уме.

— Забери его домой, — говорит Джейми Регине.

— Знаешь что, Форта? — перебивает Энтони. — Ты больше не будешь говорить, что ей делать.

Джейми делает шаг к Энтони.

— Теперь ты будешь?

— Джейми, хватит вести себя так, словно тебе на нас не насрать, — рывкает Конрад.

— Следи за своей речью, я сказала, — говорит Регина.

— Все нормально, ребятки, не заставляйте меня отправлять вас в ваши комнаты, — Энтони вдруг кажется недовольным и уставшим. — Я отвезу вас домой. Только салон мне не

залеите.

— С чего это я должен садиться в твою машину? Ты даже больший урод, чем Джейми.

— Конрад, если не прекратишь нести всякую чушь про Джейми...

— А почему ты защищаешь Форта, Регина? — спрашивает Энтони.

Я могу ответить. Потому что она его любит.

Но она, конечно же, не собирается признаваться в этом Энтони.

Регина снова умолкает. Энтони хватает ее за руку — достаточно жестко, чтобы кожа изменила цвет — и заставляет ее повернуться к нему. На какой-то странный момент мне очень хочется вырвать ее руку из его.

— Отпусти ее, — предупреждает Джейми.

— Иди на хрен, Форта, — говорит Энтони. Он делает шаг к Джейми, его груди вздымаются, а глаза горят от бешенства.

Джейми не двигается с места. Мне приходит в голову, что тот, кто недавно освободился от исправительных работ, скорее всего, не позволит себе снова попасть в беду. Я должна встать между ними, как Джейми в прошлом году встал между мной и Региной. Но судя по тому, как Энтони только что схватил ее, присутствие девочки между ним и человеком, которого он хочет ударить — не лучшее средство устрашения. Вместо этого я лишь выпаливаю первое, что пришло мне в голову.

— Конрад, твоя рубашка замарала брюки.

Все смотрят на меня, а Конрад — на свои брюки. Теперь на них уже большое розовое пятно, а не отдельные полосы.

— Как символично, — говорит он.

— Мы с Трейси можем отвезти тебя домой, если хочешь их постирать, пока они совсем не испортились.

Стирка? В такой момент я говорю о стирке штанов? Что со мной не так?

Он фыркает.

— Ты — первая причина того, что все стало так хреново, — говорит он, с отвращением махая рукой на Регину, Джейми и Энтони. — Я лучше пойду пешком.

— Стой, стой, стой, — говорит Энтони, глядя на Конрада. — О чем ты говоришь? Кто причина того, что все хреново?

Конрад указывает подбородком в мою сторону.

— Она.

Энтони указывает на меня, его выпученные глаза чуть не выскакивают из черепа.

— Это мелкая девятиклассница Форта? Девчонка, которая с воем прибежала к директору?

Он выглядит так, словно не может сообразить — засмеяться или ударить меня. Мысленно я отвечаю ему, что сейчас я уже в десятом классе — в общем-то, такое всегда происходит после девятого класса, если сдаешь экзамены. Но на самом деле, я в прострации и в полном замешательстве. Мне и в голову не приходило, что когда-нибудь я окажусь лицом к лицу с «адам на льду», хоккейной звездой «Вест Юнион», и мне придется держать ответ за то, что его выгнали с выпускного после того, как он претерпел все трудности снятия коньков и надевания смокинга.

Интересно, встанет ли Джейми на мою защиту, если Энтони решит убить меня прямо здесь и сейчас.

— Мэтт только что отрубился, — говорит Трейси, выходя из — за угла дома с нашими

сумками. Она бросает взгляд на теперь розовые брюки Конрада и заметно поеживается. — Это был Marc Jacobs? — Затем она смотрит на его лицо. — Ты в порядке?

Кажется, я жду, что Конрад с благодарностью улыбнется Трейси и скажет «спасибо» в ответ на вопрос, но он свирепо смотрит на нее как на идиотку.

— А похоже, что я в порядке? — спрашивает он.

Мне хочется сказать ему, что я знаю, каково быть мишенью. Но я понимаю, что это не одно и то же. Я целовалась, с кем не следовало. А что касается Конрада, он просто был собой на вечеринке команды — команды, участником которой он по идее должен стать.

— Тебя кто-то отвезет домой? — спрашивает Трейси.

— Почему все у меня это спрашивают? — огрызается он.

— Наверно, потому что никто не хочет снова вылавливать тебя из бассейна, — говорит она.

— Ну, я не сяду в машину ни с кем из них, — отвечает он, имея в виду Джейми и Энтони, которые до сих пор стоят лицом к лицу уже практически вплотную друг к другу.

В то же время становится абсолютно невыносимо видеть Джейми таким — разве это странно? — абсолютно угнетающе понимать, что он защищает не меня, и абсолютно ужасно думать, что учебный год еще даже не начался, а Джейми уже попал в ситуацию, которая может повлечь за собой серьезные проблемы.

— Отлично. Я тебя отвезу, — говорит Трейси. Никто не двигается. Трейси оглядывает нашу милую маленькую компашку, а потом замечает Джейми. Она поднимает брови от удивления и, возможно, одобрения его новой и улучшенной версии (клянусь, позже она так и скажет — «Джейми 2.0»). Около бассейна она его даже не заметила, поскольку была слишком занята перебранкой. Не отрывая от него глаз, она спрашивает:

— Роуз, ты со мной или...?

Джейми отворачивается от Энтони и во второй раз за вечер наши взгляды встречаются — точнее, во второй раз с июня. В его выражении лица я не обнаруживаю ни единого намека, что мы с ним заодно.

Это тоже ново.

— М-м... — красноречиво начинаю я.

Джейми смотрит на Регину и говорит:

— Звони, если понадобится. — Он одаривает Энтони еще одним долгим и жестким пристальным взглядом, а Энтони показывает зубы в чем-то вроде ухмылки. Джейми уходит по дорожке. Регина наблюдает за Джейми, в ее глазах вспыхивает отчаяние, словно ей не хочется ничего сильнее, чем уйти с ним. Энтони поднимает коробку пива, стоящую у его ног, кладет руку ей на плечи и тащит пиво и Регину обратно на вечеринку.

Джейми садится в машину, хлопает дверью так громко, что срабатывает сигнализация кроссовера, перед которым он припарковался, и трогается с места.

Я смотрю, как его задние фары становятся все меньше и меньше.

В первый раз я села в старую зеленую машину Джейми, когда он подвез меня до дома на третий учебный день в прошлом году. Он сделал это только потому, что Питер попросил его за мной присматривать, но тогда я об этом не знала и подумала, что наверно (лишь наверно!), я показалась Джейми Форта милой или вроде того. Это было пугающей перспективой. Я все время бормотала как идиотка.

Когда я поняла, что Джейми знал, где я живу, хоть я и не говорила, у меня в животе все подскочило, как на американских горках. Я сидела близко к нему, и поэтому так нервничала,

что не могла составить внятное предложение, зато умудрилась запомнить каждую деталь этой поездки. В машине был запах, как бывает после дождя. Капот был отполирован чем-то блестящим, и когда на него падал солнечный свет, сияние становилось таким ярким, что делалось больно глазам. Сидения и пол были настолько чистыми, что с них можно было есть. Было очевидно, что Джейми любил свой автомобиль.

Теперь, когда я об этом думаю, я могу поклясться, что Джейми сильнее заботится о своей машине, чем о большинстве людей в своей жизни.

Возможно, даже сильнее, чем вообще о людях.

И уж точно, сильнее, чем обо мне.

— Я уже сказал, что не сяду с ней в машину.

Конрад, стоя рядом с красным Prius'ом, который папа Трейси подарил ей в июле, на шестнадцатый День Рождения, показывает на меня. Трейси закатывает глаза и наклоняется, чтобы немного убрать мусор с заднего сиденья. Трейси не радуется, что я называю ее журналы мусором, но их топчут ногами и садятся на них, вырывают, загибают и помечают страницы, поэтому, на мой взгляд, они — мусор. Год назад все вращалось вокруг Teen Vogue и Lucky, но в этом году Трейси читает Vogue и Elle, среди которых периодически попадает InStyle, «потому что не у всех одежда от-кутюр».

Благодаря моему надежному приложению для подготовки к экзаменам я потихоньку узнала, что выражение «от-кутюр» означает модели, изготовленные по специальному заказу и относящиеся к высокой моде. Должна признать, что в моем словарном запасе есть пробелы на некоторые темы. Папа — мистер Словарь собственной персоной — был бы не доволен. Но уверена, что наличие этого приложения для подготовки в моем телефоне имело бы большое значение для моего искупления в его глазах.

— Конрад, — говорит Трейси, вылезая с заднего сиденья, чтобы убрать журналы в багажник: — Роуз из-за тебя оказалась в бассейне. Поэтому постарайся быть хоть немного благодарным. Садись, — командует она, показывая на практически чистое заднее сиденье и одновременно выбрасывая несколько потрепанных GQ. — Кстати, мне нравится твоя обувь. Когда придешь домой, набей их бумажными полотенцами, чтобы высохли в правильной форме. Это Gucci, правда? А брюки Marc Jacobs, да?

Конрад даже не дрогнул.

— Хватит обсуждать мою одежду. Ты меня смущаешь.

Трейси выглядит шокированной, как будто не может представить себе мир, в котором Конрад не хочет говорить о моде. Думаю, здесь дело не столько в стереотипах, сколько в том, что Трейси забывает — не всех так глубоко и страстно волнует мода, как ее. Все, с чем бы она ни связывалась, целиком меняет ее мировоззрение. Так было с чирлидерством в прошлом году. И, к сожалению, с Мэттом.

То, что Мэтт ее бросил после того, как она потеряла с ним девственность, стало лучшим событием в жизни Трейси. Ну ладно, не лучшим. На самом деле, это было страшно. Но как только она набралась сил, чтобы признать, каким ничтожеством стал Мэтт, она поняла, что потратила так много времени на переживания из-за того, что он — и все остальные — о ней думают. Она поклялась никогда не делать этого снова, и с тех пор не возвращается к старому. Ее помешательство на моде — это не просто журнальчики и прелестная внешность.

Трейси хочет в будущем стать дизайнером или редактором модного журнала или... еще кем-то. По ее словам, обучение уже началось. Она читает все модные журналы, которые попадают ей в руки, подписана на около двадцати разных блогов и проводит больше времени на Lookbook, чем большинство геймеров — за игрой в «Call of Duty 17» или во что они там играют.

Я ей завидую. Она нашла свое призвание и уже представляет, как к нему идти.

На самом деле, если я задумываюсь об этом, я не так уж далеко от нее — по крайней мере, в понимании своего призвания. Мне нужно просто... начать этим заниматься.

Когда я думала о прослушивании для «Проклятых Янки», я пела перед зеркалом и обнаружила, что выгляжу как полный фрик. Когда мамин мозгоправ Кэрон спросила, почему я не пошла на кастинг после того, как сказала, что пойду, я лишь пожала плечами. Тогда она заявила, что у меня депрессия.

Блестяще, правда? Но мисс Головоломка в чем — то оказалась права. Я была полна энтузиазма перед прослушиванием. И разочаровалась — в себе — когда сбежала, поджав хвост. Так что я собираюсь на кастинг для «Что бы ни случилось», хоть я и выгляжу как самый извращенный извращенец, когда пою.

— Что ты делаешь со всей этой хренью? — говорит Конрад, глядя на выпуски GQ, которые выбросила Трейси.

— Мне нравится мода, — отвечает Трейси с некоторым раздражением, собирая журналы и складывая их на верх стопки. Она запикивает все журналы в багажник и достает плед из чудовищного дорожного аварийного набора, который купил для машины ее папа — содержимого этого комплекта хватит, чтобы пережить несколько стихийных бедствий одновременно. — Держи, — говорит она, протягивая ему плед.

Конрад заворачивается в него и, бросив на меня еще один неприязненный взгляд, залезает на заднее сиденье. Трейси громко захлопывает багажник и садится за руль. Я с трудом застегиваю ремень через мое мокрое полотенце, когда Конрад опять начинает.

— Так ты из чувства вины достала меня со дна бассейна?

Трейси кидает беглый взгляд на Конрада через зеркало заднего вида.

— Если кто-то и должен чувствовать вину, то это твоя сестра. В прошлом году она была маньячкой — психопаткой.

— А я слышал другое, — бормочет он.

— У каждой монеты две стороны, — отвечаю я.

— Правильно, давай послушаем твою сторону. Как кто-то вроде тебя мог увести у моей сестры парня?

Вопрос Конрада звенит в моих ушах, и я выключаю кондиционер, который заработал на полную мощность, когда Трейси завела машину. Я стучу зубами, потому что моя кожа все еще мокрая. Надеюсь, мама не будет ждать меня, когда я приду домой. Если мне придется объяснять ей, каким образом я оказалась в бассейне полностью одетой на вечеринке, она, наверно, позвонит Кэрон, чтобы назначить экстренную полуночную сессию. Такая уж у нас Кэтлин.

Мысленно я называю маму по имени — Кэтлин. Почему-то я от этого чувствую себя лучше. Можно сказать, менее «депрессивно».

— Эй? — говорит Конрад, ожидая ответа.

Если бы я была другим человеком, я бы рассматривала это как возможность — Кэрон любит так называть сложные ситуации. Возможность рассказать свою версию истории или

что — то типа того.

Но на самом деле, это просто отстойно — слышать от Конрада один из вариантов главного вопроса, которым я задавалась большую часть лета: что вообще мог такой горячий парень, как Джейми Форта, найти в ком — то вроде меня?

— А я думаю, вопрос в том, как ты оказался в бассейне с плавательной командой, которая пытается тебя утопить? — спрашивает Трейси.

— Ой, я тебя умоляю. Я видел на YouTube видео с твоим посвящением в прошлом году, как ты притворялась Бейонсе — в одном лифчике, на морозе после встречи выпускников. Мне не стоит объяснять тебе всю эту хреновину.

Трейси не понимает, что происходит. Конрад дает ей достойный отпор, а она к такому не привыкла.

— Танцевать на парковке и чуть не быть убитым своей командой — немного разные вещи, не думаешь? — спрашиваю я.

— Быть натуралом в Юнион и быть мной в Юнион — немного разные вещи, не думаешь? — передразнивает он высоким девчачьим голосом, совсем непохожим на мой. Потом он вздыхает — скорее раздраженно, чем расстроено. — Твой бывший сделал со мной все возможное, потому что при мысли о том, что я увижу его голым в раздевалке, с него штаны от страха слетают. Боже, что за чертов штамп.

Трейси не реагирует. И я тоже. Мисс Масо не одобрила бы нашу неспособность поддержать человека, который только что сказал нам о своей ориентации. Даже, если он сделал это таким тщательно отработанным способом, чтобы мы почувствовали себя предельно глупо.

Конрад неверно истолковывает наше молчание.

— Я гей, — с раздражением говорит он.

— Мы знаем, — отвечает Трейси ледяным голосом.

— Хочешь сказать, что у кого-то в Юнион есть гей — радар? Я в шоке, — ворчит Конрад. — Хотя если он у кого-то и есть, то это у девочки с архивом выпусков GQ и Vogue в багажнике ее Prius'a. Как же в Юнион все банально. — Конрад наклоняется вперед, упираясь коленями в мое сиденье сзади. — Итак, Роуз — тебя ведь так зовут? — вы с Джейми вместе, или он как всегда мрачный-и-задумчивый, «вот-он-я, а-вот-меня-нет», когда он время от времени показывается у тебя на пороге и делает что — то сексуальное, чтобы убедиться, что ты все еще в полной готовности и ждешь его?

Мы с Трейси потрясенно молчим, но причины у нас разные. Я уверена, что ее не удивляет моя неспособность справиться с Конрадом, но Трейси очень редко не может дать хороший отпор. А еще я восхищена умением Конрада находить больное место и вонзать в него нож. Это дар. Должно быть, передается по наследству.

Я вдруг начинаю злиться. Уверена, что Конрад действительно был унижен перед половиной Юнион Хай, но он не имеет права отыгрываться на мне, особенно, после того, как я одетая бросилась за ним в бассейн. Ну ладно, меня толкнули. Но суть в том, что я была достаточно близко к краю, потому что собиралась нырнуть.

Мне еще не приходит в голову готовый саркастичный ответ, но глубоко внутри уже что — то зарождается. Я делаю вдох и произношу это.

— Я понятия не имею, что происходит с Джейми, потому что мы не общались с тех пор, как твоя сестрица с прибабахом отправила его в тюрьму за совершение просто ужасающего преступления — попытки пойти на выпускной с кем-то вроде меня.

Трейси отрывается от дороги и смотрит на меня. Она даже останавливается, чтобы показать мне поднятые большие пальцы. Чувствую, как колени Конрада снова упираются мне в спину.

— Так Джейми ни разу за все лето тебе не позвонил? После того, как кинул тебя с выпускным? — Он опять издает злобный смешок, который больше подошел бы взрослому человеку. — Ого, как равнодушно. Ну, он был занят — гонялся за Гиной на летних курсах. — Конрад делает паузу, хорошо понимая, что такой информации у меня не было. — Она, конечно, тоже была занята — вешалась на этого тупоголового Энтони, чтобы побесить Джейми. И это сработало. В итоге он хочет ее вернуть. «Не ведаем, какую сеть себе плетем». Это Шекспир? Думаю, Шекспир.

— Сэр Вальтер Скотт, — поправляю я, стараясь, чтобы это звучало невозмутимо, хотя у меня в голове все перепуталось.

Значит, Джейми все лето избегал меня и тусовался с Региной. Чудесно. Что ж, по крайней мере, теперь я знаю, почему он не хочет иметь со мной ничего общего. Видимо, путь к сердцу Джейми лежит через отправку его в тюрьму. Надо запомнить.

Но как насчет Энтони Паррина? Если Регина хочет, чтобы Джейми вернулся, а теперь и Джейми хочет ее вернуть, что она делает с Энтони?

Все это настолько выше моего понимания, что даже не смешно.

— Куда мне ехать? — нетерпеливо спрашивает Трейси у Конрада.

— Заезжай на Холм Барри и поворачивай налево. Мой дом в середине квартала. Рядом с Форта, — специально добавляет Конрад.

Мы замолкаем — какое облегчение. Выезжаем из элитного района Юнион, где стоят огромные дома с идеально подстриженными ярко — зелеными газонами, и попадаем в соседний квартал, где дома гораздо меньше — некоторые симпатичные, некоторые — не очень. Проезжаем мимо дома с темной металлической обшивкой, американским флагом над входной дверью и плакатом «Поддержим наши войска», приделанным под окнами и практически сияющим в темноте из-за направленных на него прожекторов. Если бы не Конрад, я бы попросила Трейси остановиться, чтобы сделать фото для Вики, которая выкладывает на мемориальном сайте ее сына фотографии плакатов в поддержку армии со всей страны.

Кэтлин ненавидит, когда я так говорю, но Вики — моя подруга. Ее сын, сержант Трэвис Рамос, был одним из тех, кто погиб с моим папой, когда взорвалась их автоколонна. Я нашла мемориальный сайт Трэвиса прошлой осенью, и он вдохновил меня — через некоторое время — начать создавать сайт для папы. Однажды ночью, когда я не могла уснуть, я написала комментарий на сайте Трэвиса, объяснила, кто я, и спросила, каким образом — и стоит ли — создать свой сайт. Так я познакомилась с Вики.

Она ответила мне по электронной почте, привела множество причин, почему мемориальный сайт — отличный способ почтить память человека. Именно Вики предложила запустить сайт на первую годовщину взрыва, и именно Вики сделала рассылку по всем своим контактам о том, что открыт сайт, посвященный Альфонсо Царелли — таким образом, я получила сотни комментариев в годовщину. Оттуда я узнала, что папа принял решение остаться в Ираке на год, а мне он обещал вернуться домой через полгода.

Несколько дней я была немного заиклена на этих комментариях, но мы с Вики много переписывались, и она помогла мне. Она понимала, через что я прохожу.

На следующий день после годовщины мама зашла в мою комнату и устроила сцену из-за

Вики, заявляя, что я не должна расходовать свои «эмоциональные ресурсы» на взрослую скорбящую женщину. В тот момент я поняла, что мама читает мою электронную почту, ведь ей совсем несложно это сделать — когда я училась в средней школе, она создавала мой почтовый аккаунт, и я никогда не меняла пароль. Даже не думала, что это потребуется.

В тот день она устроила двойную психотерапевтическую сессию.

Честно говоря, я думаю, что мама ревнует — потерю папы я больше обсуждала с Вики, чем с ней. Возможно, я именно поэтому не поменяла пароль, как только обнаружила, что она читает мою почту. В некотором смысле, мне нравится, что она ревнует.

Просто иногда легче говорить с человеком, которого ты не знаешь в реальной жизни.

Когда мы остановились перед жилищем Деладдо, мне потребовалась ровно секунда, чтобы определить, в каком из домов живет Джейми. Дом слева от Деладдо идеально отремонтирован и разукрашен огнями, как на 4 Июля. Пока мы медленно ехали по улице, я разглядела телевизор на стене и собаку, прыгающую вверх — вниз по дивану, лающую и неистово извивающуюся.

Дом справа от Деладдо небольшой и обшарпанный. Газон выглядит неряшливо из-за проплешин, где не растет трава. Коричневые ставни уныло свисают с петель, а белая краска на доме отслаивается и падает на полумертвые кустарники, создавая эффект грязного снега. Водостоки набиты сухими листьями и ветками, которые словно растут из самого дома. Свет не горит — кажется, никого нет дома.

Вот где Джейми живет со своим папой.

Этим летом Джейми исполнилось восемнадцать. Теоретически он не обязан больше здесь жить. И учитывая, что сделал его отец, когда его арестовали, трудно поверить, что ему хочется здесь находиться. Но я готова поклясться, что Джейми не оставит папу одного, пока не будет вынужден это сделать.

Джейми может быть лояльным к ошибке.

Интересно, что бы сказала мама Джейми о том, как отец оставил его на ночь в тюрьме.

В прошлый День Благодарения в ресторане я видела отца Джейми на расстоянии, и он казался куда более заинтересованным футбольным матчем, чем общением с Джейми. Я почти ничего о нем не знаю — знаю, что он коп и что какое-то время он был немного сумасшедшим. Из-за этого Джейми пришлось несколько месяцев жить у Деладдо, о чем я стараюсь не думать, потому что это меня бесит.

Но о матери Джейми я знаю еще меньше. Только то, что она не жила с Джейми и его папой, потому что находилась в каком — то учреждении в районе Бостона. Еще знаю, что вскоре после ее смерти Джейми выгнали из хоккейной команды.

И тогда он стал одним из пациентов моей мамы.

Да, я очень везучая дочь подросткового психолога, который сам проходит терапию. Неудивительно, что я любой ценой избегаю общения с ней.

Меня выводит из себя, что моя мать больше знает о Джейми, чем я. Хотя, с этой точки зрения, так же можно сказать о любом, кто контактировал с Джейми этим летом — кассир в продуктовом магазине, парни, с которыми он ремонтировал дороги, инспектор по надзору за осужденными.

Регина.

— Что я должен сделать с этим пледом? — спрашивает Конрад, отстегивая ремень безопасности. Не успевает Трейси ответить, как входная дверь Деладдо открывается. Оттуда выглядывает женщина, а ее рука застывает над защитной сетчатой дверью, будто она не

уверена в своих действиях. Она рукой прикрывает глаза от яркого света фар рядом с ее крыльцом, чтобы лучше нас разглядеть.

— Вот блин, — бормочет Конрад. Он запускает руки в волосы и смотрит на свои испорченные брюки и красную рубашку, которая теперь выглядит так, словно ее неудачно покрасили.

— Просто оставь здесь, — отвечает Трейси.

Не говоря ни слова, Конрад вылезает из машины, достаточно сильно хлопает дверцей и идет к дому. Я наблюдаю за ним и вижу, что он меняется физически, как будто старается стать невидимым. Он пригибает голову и смотрит на землю, натягивает рубашку на брюки, насколько это возможно, потом бросает это и прячет руки в карманы. Женщина удерживает сетчатую дверь открытой, и он боком проскальзывает в нее, чтобы не дотронуться до нее и не дать дотронуться ей. Она что-то спрашивает, и он так трясет головой, проходя мимо нее, будто от этого зависит его жизнь. Она смотрит, как он поднимается по лестнице, прыгая через ступеньки, и когда он исчезает из ее поля зрения, поворачивается к нам. Она снова поднимает руку, чтобы прикрыть глаза, а потом нерешительно машет нам перед тем, как медленно закрыть дверь.

искупить(глагол): исправить то, что было сделано неправильно
(см. также: Джейми... просит прощения?)

— Мэтт — настоящий садист.

— Трейс, — говорю я, притворяясь шокированной. — Ты наконец-то открыла то словарное пособие, которое я тебе дала почти год назад?

Она закатывает глаза.

— Он такой и есть.

Мне так и хочется напомнить Трейси, как я почти весь прошлый год говорила ей, что Мэтт превратился в садиста и придурка, но мы так прекрасно ладим, и последнее, что мне хочется сделать — сказать «я же тебе говорила». Хоть мне и очень хочется это сказать.

Трейси достает из комода супер — мягкие леггинсы и синюю футболку, которые мне очень нравятся, и протягивает мне.

— Держи. И не забудь про несмываемый кондиционер. Нет ничего хуже для волос, чем хлор. У Мэтта волосы все время были как солома.

— Гадость, — говорю я, стягивая через голову ее шелковый топ. Я понимаю, что он испорчен — теперь это не шелк, а скорее пенопласт. Как только я его снимаю, Трейси мчится с ним в ванную, чтобы начать особый ритуал стирки в раковине с использованием «деликатного» средства — я и понятия не имела, что такое существует — которое находится в черной бутылочке в форме корсета.

— Мне правда жаль твою кофточку, — говорю я, медленно следуя за ней. Ненавижу ванную Трейси. Я стараюсь ею не пользоваться, потому что она наполнена зеркалами — здесь в буквальном смысле нельзя убежать от себя, если не залезешь в душ. А смотреть на себя — не самое любимое мое занятие. Этим летом я даже сняла зеркало с обратной стороны дверцы моего шкафа, потому что я постоянно проверяла свои волосы и лицо — не изменились ли они, наконец, в лучшую сторону?

Это так и не случилось.

У Трейси, наоборот, есть то, что Кэрон бы назвала «здоровым чувством самоуважения». Она постоянно смотрится в зеркало, чтобы убедиться, что ее образ хорошо смотрится со всех сторон, а прическа и макияж производят максимальный эффект. Когда я наблюдаю за ней в такие моменты, я не думаю, что моя лучшая подруга поверхностна, как думала раньше. Вместо этого у меня возникает мысль: каково это — смотреть на себя с удовольствием? Я имею в виду — не то, чтобы я ждала, что взгляну в зеркало и увижу Жизель. Но должно же быть что-то между «Я так прекрасна» и «Я так ужасна». Правда?

Что — то должно быть.

— Не переживай из — за кофточки, — говорит Трейси и полощет ее в воде, рисуя восьмерки, снова и снова. К сожалению, я не могу сказать, что она просто не хочет меня расстраивать. Я знаю, что для нее это абсолютно убийственно — ее блузка изуродована, а она даже ни разу ее не надела.

— Я куплю тебе новую, если эта испортится, хорошо?

— Угу. Если эта испортится, Мэтт купит мне новую. И еще купит новые брюки Конраду.

— Да, желаю удачи с этим, — говорю я.

— Мне надо пригрозить, что позвоню его матери. Я ей всегда нравилась. Могу поспорить, что она будет очень рада узнать, как он пытался для прикола утопить новичка. — Она вытаскивает блузку из раковины, нюхает ее и снова погружает ее в воду. — Шантаж может сработать. А если не сработает, я по крайней мере, расскажу его родителям, что он занимается сексом, а его способ предохранения — сказать девушке: «Это твоя забота».

Я смотрю на Трейси в зеркало.

— Я думала, ты говорила, что вы пользовались презервативами.

Трейси вздыхает. В прошлом году этот разговор повторялся снова и снова, когда Мэтт пытался убедить Трейси начать принимать таблетки, а я говорила, что она должна заставить его пользоваться презервативами.

— Мы пользовались, Роза. Но лишь потому, что они у меня были. Он думает только о себе. Оно того не стоит. Радуйся, что ты еще девственница. — Она показывает на флакон, стоящий на краю раковины, зная, что я, конечно же, о нем уже забыла. — Не забудь про несмываемый кондиционер.

Трейси закрывает за собой дверь, оставляя меня в зеркальной комнате в бюстгальтере и свободных белых бриджах, которые я у нее одолжила — я не смогу засунуть свои бедра бегуна в ее обтягивающие джинсы, даже если намажу их кулинарным жиром. Я поворачиваюсь лицом к шторке для душа и стягиваю с себя влажную одежду, стараясь даже мельком не смотреть на себя — как-то нет желания разглядывать свое голое тело, задаваясь вопросом — странно ли то, что я все еще девственница.

Я пятнадцатилетняя ученица старшей школы, десятого класса — не должно быть странным, что у меня еще не было секса. Но почему-то, когда Трейси обращает внимание на мою девственность — а это происходило не один раз после того, как она переспала с Мэттом — мне кажется это странным.

Как только вода становится достаточно горячей, я встаю под нее как минимум на 10 минут, чувствуя, как меня наполняет тепло. Это самое теплое чувство после того, как Джейми вытащил меня из бассейна, его руки обожгли мою кожу, а его глаза практически пылали от гнева.

Он злится на меня? Это ведь он меня бросил, как я напоминаю себе все время. Так из-за чего он тогда бесится?

Кэрон говорит, что я должна прекратить ощущать во всем свою вину. А следом она спрашивает, чувствую ли я свою вину в смерти папы. Когда мы доходим до этой части, мама всегда выглядит так, будто ее сейчас вырвет.

Я закрываю воду и вытираюсь, по — прежнему стоя за шторкой. Затем я надеваю леггинсы и футболку и пробегаю мимо зеркал с максимально возможной скоростью.

Трейси сидит на полу, придирчиво пробираясь через Vogue с маркером в одной руке и стикерами Post-it в другой. Я сажусь рядом с ней и принимаюсь за работу над старым номером Elle, осторожно вырывая страницы, которые Трейси пометила загнутым уголком.

Понятия не имею, почему она выбрала именно эти страницы — на мой взгляд, все модели и наряды выглядят одинаково. Но как строго объяснила Трейси, когда я впервые помогала ей с журналами, каждый образ — это отдельное произведение искусства, которое необходимо изучать. Когда я взглянула на нее скептически, она напомнила мне о монологе Мэрил Стрип из «Дьявол носит Prada», где она опускает ниже плинтуса Энн Хэтэуэй за то что та смеется над толпой журнальных редакторов, пытающихся описать особый оттенок

синего на ремне. Я знаю эту речь, которую она имеет в виду — когда я первый раз ее услышала, я взглянула на моду, как на вид искусства, а раньше я никогда не думала о моде в таком ключе.

Пока я играю роль ассистента Трейси, я оглядываю комнату. Год назад я бы сидела на лохматом оранжевом коврикe, а она расположилась бы в кресле-мешке, спрашивая, стоит ли ей спать с Мэттом. Теперь тот коврик сменился гладким черным ковром с серыми линиями, напоминающими по форме цветы, а на месте кресла-мешка стоят два светлых кресла из пластика. И мы занимаемся чем-то, имеющим смысл — по крайней мере, имеющим смысл для нее.

Честно говоря, я не совсем понимаю, чем мы занимаемся.

Стены у Трейси покрыты журнальными страницами и фотографиями из блогов, но они не просто наклеены наподобие коллажа, как в большинстве девчачьих комнат. Одну стену она целиком покрасила специальной магнитной краской и вешает на нее картинки с помощью крошечных магнитиков, каждый день меняет их местами и добавляет разноцветные стикеры. Иногда она пишет на стикерах слова или фразы, например, «Пузырьки!» или «Синее небо»; иногда — просто буквы.

Если я спрошу ее, чем она занимается, она ответит лишь, что совсем скоро я пойму.

В этом году мы не собираемся иметь секреты друг от друга, но она выглядит такой счастливой, когда я спрашиваю о ее проекте, что я решаю не напоминать ей о секретах.

— Ну что, Питер уехал в школу? — Трейси вскакивает, исчезает в ванной и возвращается с несмываемым кондиционером, который я забыла нанести на волосы.

Я киваю.

— Вернулся к... как там ее зовут? К этой богатенькой идиотке?

Трейси, — которая влюблена в моего брата большую часть ее жизни, — знает, как зовут девушку Питера. Она просто не может заставить себя произнести ее имя. Я ее понимаю. Я иногда тоже через силу произношу имя этой девушки.

— Да, вернулся к Аманде. — Я беру у Трейси флакон и выдавливаю на ладонь немного кондиционера. Он пахнет свежими, только что сорванными, помидорами. — И я уверена, что она просто не может дождаться, чтобы с ним обдолбаться, — добавляю я, и это забавно звучит из моих уст — по множеству причин.

Мне трудно думать о том, что Питер принимает наркотики. Никогда не думала, что мой брат станет одним из парней, которые подсаживаются на наркотики из — за того, что на них сидит его девушка.

Кэрон говорит, что причины, толкающие людей к наркотикам, «часто очень запутанные». Это одна из вещей, не вызывающих моментальный одобрителный кивок моей мамы. Мама и Кэрон очень хорошо друг друга знают — они вместе проходили практику — поэтому я обычно чувствую себя против них, когда Кэрон говорит, а мама постоянно кивает как китайский болванчик. Но когда Кэрон заговаривает о «запутанной мотивации Питера для употребления», мама становится очень тихой и смотрит в пол.

Не думаю, что здесь есть что-либо запутанное. Я считаю, он делает это, потому что Аманда от него этого хочет, а он отчаянно пытается ее впечатлить, потому что у него никогда в жизни не было такой красивой девушки. Хотя, если подумать, у него вообще никогда не было девушки.

— А как у Питера дела? — спрашивает Трейси после паузы, задуманной для того, чтобы вопрос казался более легкомысленным, чем есть на самом деле. — Ты с ним говорила?

Я качаю головой.

— Ну, ты собираешься ему звонить, да? Проверить, как он?

— Когда-нибудь.

— Ты все еще злишься.

Я киваю.

— Ты, наверно, должна переживать, а не злиться.

— А может, тебе стоит самой ему позвонить, если ты так сильно хочешь с ним поговорить, — поддразниваю я.

— Не то, чтобы я хотела с ним поговорить, — слишком быстро говорит она, хотя мы обе знаем, что она хочет, — просто я переживаю. — Она впивается в меня своим самым серьезным взглядом. — И ты тоже должна.

Примерно за неделю до возвращения в школу Питер и Аманда приезжали в гости. Летом они работали в отеле на острове Мартас-Виньярд, и первое, что я заметила — они совсем не выглядели так, словно все время были на солнце. Какой смысл ехать на Мартас-Виньярд разбираться со злобными и требовательными гостями отеля, если не собираешься ходить на пляж?

Потом я подумала, что они, наверно, просто сознательно защищались от солнца. Аманда вообще, похоже, хотела сохранить свою бледную кожу такой бледной, насколько возможно.

Но это не объясняло мешки у них под глазами.

Мы с мамой впервые встретились с Амандой, и я особо к этому не стремилась. Мне все еще претило, что она пригласила Питера к себе домой на прошлый День Благодарения, хотя знала, что это наш первый праздник без папы. Когда Питер позвонил и сказал мне, что не приедет домой, он меня очень расстроил.

Итак, Аманда и Питер приехали на подержанном серебристом Мерседесе с откидным верхом, который ее отец — который, кстати, тоже мозгоправ — отдал ей, когда купил новую машину, и они выглядели так, будто не мылись неделями. Когда я что-то сказала об этом маме, она ответила, что студенты колледжа так и живут. Что-то насчет протеста против навязанных родителями правил гигиены, который начинается, когда они покидают дом.

Аманда, безусловно, хорошенькая — от этого никуда не денешься, и неважно, что Трейси считает ее суперхудой, а ее голову — слишком большой для ее тела. Она одевается в мешковатую одежду, создающую впечатление, что у нее нет денег, но это настолько хорошо смотрится, что понимаешь — деньги у нее точно есть. У нее очень длинные светлые волосы и зеленые глаза, и она похожа на сонную кошку, когда улыбается.

Или на обдолбанную кошку.

Несколько дней после их приезда я на самом деле верила, что они очень — очень много работали, и Питер слишком истощен, чтобы разговаривать. Он едва снисходил до того, чтобы заметить мое существование, пока не сказал, что отдает мне свой старый iPhone, потому что Аманда подарила ему новый. Это было на третий день после приезда.

Для некоторых братьев и сестер нормально не разговаривать, но не для нас. Мы с Питером были по-настоящему близки. Он всегда присматривал за мной, и даже у всех на виду относился ко мне хорошо. Может, потому что у нас разница — четыре года. Когда мы были маленькими, мы не соперничали из-за игрушек, а когда стали старше — из-за друзей.

Я могла обратиться к нему практически в любой ситуации, если мне требовался совет. А когда он приехал домой с Амандой, я собиралась рассказать ему, что нервничаю перед

возвращением в Юнион после того, как сломала Регине жизнь. И о том, что мне нужны реальные «стратегии преодоления трудностей» вместо тех, к которым Кэрон и мама пришли на терапии — в них я должна была рассказать Регине, как ее действия меня обидели, заполнив пробелы в предложении: «Регина, когда ты... пробел..., я чувствую себя... пробел».

Первый — и единственный — раз я засмеялась на терапии, когда попыталась представить себя говорящей это предложение Регине.

В любом случае, бесполезно было обращаться к Питеру за советом о чем бы то ни было, пока он расхаживал с таким огромным самомнением. Отдав мне свой дурацкий iPhone, он потрепал меня по голове и назвал «мелкой». А Аманда с печальным видом одарила меня странной улыбкой и сказала, что я просто невыносимо милая. «Пит, а на что это похоже — иметь младшую сестру?» — заявила она прямо передо мной таким голосом, который большинство людей используют, говоря о щенятах, котятах или младенцах. «Ой, ты только посмотри на нее — такая сладенькая. Это, должно быть, так весело!»

Конечно, теперь я понимаю, что тогда они оба были абсолютно обдолбаны. Единственное, чего я не знаю — что они еще употребляли, кроме травки.

На самом деле это последнее о чем я хочу говорить.

— Так Джейми поздоровался с тобой сегодня? — спрашивает Трейси.

На самом деле, это вторая — последняя вещь, о которой я хочу говорить.

Я покачала головой, даже не глядя на нее. Она потянулась, чтобы включить альбом «Feist», который она крутит без остановки с тех пор, как я его посоветовала, и больше ничего не спросила.

Я лежу на низенькой кровати Трейси, используя каждый трюк, который я знаю, чтобы заснуть, когда слышу это.

Сначала я даже не распознаю звук.

А потом узнаю. Это мой телефон вибрирует.

Кто-то звонит мне.

Я смотрю на часы. Час ночи.

Я смотрю на Трейси, которая засыпает примерно за три секунды и может проспать все что угодно. Она в отключке.

Я наощупь ищу телефон, который так вибрировал, что сполз с коврика, а теперь практически скачет вверх-вниз на деревянном полу и, наверно, будит весь дом.

Когда я сжимаю его рукой, знакомый спазм подкрадывается к горлу. Сердце начинает дергаться и пропускать удары, а дыхание становится поверхностным. По идее, как только человек распознает симптомы панической атаки, он может побороться с ними и взять под контроль. Я еще не освоила это великое искусство, но сейчас, по крайней мере, часть моего мозга остается рациональной, пока дыхательные пути стремятся закрыться, и вместо вопля: «Я умираю?» она спрашивает: «Почему сейчас?», а это уж точно более конструктивный вопрос.

Кэрон бы сказала... О, забудь про Кэрон. Я уже устала все время мысленно ее слушать. Такое ощущение, что она заползла в мою голову и установила там целую кучу автоматических сценариев реагирования на разные вещи. Мне не нужно, чтобы она говорила, почему я на грани панической атаки — я и так знаю, почему. Потому что если

один звонит другому в час ночи, на это есть одна причина — что-то не так. Ужасно и отвратительно не так.

Теперь телефон вибрирует в моей руке, и всеми фибрами души я ощущаю, что этот звонок связан с Питером. Наверно, Аманда врезалась на своем дурацком модном кабриолете в столб, Питера выбросило из машины, он ударился головой об дерево, и сейчас мертв или парализован. А может, они были на вечеринке, и он переборщил с этими дурацкими наркотиками, на которые она его подсадила.

Все, что я знаю, — это если бы Питер оставил бы меня наедине с Кейтлин, я бы никогда, никогда не простила его.

Я пытаюсь сделать глубокий вдох, наклоняюсь и затем смотрю на телефон.

На нем написано не «Госпиталь Массачусетса в Бостоне».

На нем написано не «Мама».

На нем «Джейми».

Я моргаю. Я сплю.

Этого не может быть. Или может?

— Алло? — шепчу я, голос грубый и скрипучий от нехватки воздуха.

Сначала пауза. Потом:

— Привет.

Как только я слышу его голос, я снова чувствую руки Джейми на моих руках. Тепло начинает проделывать свой путь по моей шее, через лицо, под волосы. Оно убирает спазм из горла и легких, и все как будто снова раскрывается, и появляется некое чувство, наполняющее все тело.

— Привет, — умудряюсь произнести я.

— Ты в порядке, после того что сделал Халлис?

— Я... — Я стараюсь казаться спокойной и нормальной, как обычно, но меня настолько смущает, что он был свидетелем моего падения в бассейн, злит, что он мне не звонил, и так радуется, что я с ним говорю, что я едва могу составить внятное предложение. Не знаю, с чего начать. Что я должна сделать — так это повесить трубку. Но я больше двух месяцев ждала этого звонка.

Мне нужно все прояснить.

— Можешь спуститься? — спрашивает он.

— Сейчас? Подожди... куда?

— На улицу.

— Я не дома, — говорю я.

— Я знаю.

— Ты... Как?

— Роуз.

— Я не могу просто...

— Пожалуйста.

Ого. Никогда раньше не слышала от Джейми слово «пожалуйста». Мой желудок делает маленькое сальто. Так сложно сказать «нет» Джейми Форту. А сказать «нет», когда он говорит «пожалуйста»... Интересно, сможет ли хоть одна девушка это сделать. Хотя я и думаю, что он совсем не имеет права звонить мне в час ночи, заставляя вставать и идти на улицу просто потому, что он хочет меня видеть, я вылезаю из постели и надеваю свою мокрую обувь. Ненавижу его власть надо мной.

Но это еще и волнующе. Или... как бы это сказать. Горячо, наверно.

Да. Горячо.

И я знаю, что это глупо.

Но все эти горячие штучки для меня в новинку, и они кажутся мне непреодолимыми.

— Хорошо, постараюсь, — говорю я. Но он уже положил трубку, будто знает, что я уже на полпути к двери.

Что я делаю? Я же видела, как сегодня он встал на защиту Регины. Определенно между Региной и Джейми что-то есть, и неважно, что говорит или думает Энтони Паррина. Но ведь меня он тоже защищал.

Я должна поговорить с ним. Чтобы распутать этот клубок раз и навсегда.

Да, с Джейми Форта так и бывает. Достаточно одного разговора, и все становится предельно ясно.

Угу.

Я знаю, что выбраться из комнаты Трейси, не разбудив ее, не будет проблемой, но понятия не имею, как пройти мимо ее родителей. Трейси все время так делает, но я не представляю, каким способом. Предполагаю, что если меня поймают, я просто разревусь и скажу, что хожу во сне после смерти папы, и никому даже в голову не придет меня расспрашивать.

Папа не говорил только правду — так почему я должна?

Я делаю пару шагов и уже понимаю, что мне не стоило обуваться. Обувь не только громко стучит по деревянному полу, она еще и пропитана водой, от чего ноги хлюпают и издают странные всасывающие звуки. Я снимаю обувь, оставляю ее на полу и выхожу на цыпочках в коридор.

Входная дверь находится внизу. Я хватаюсь за перила и спускаюсь, держась как можно дальше от центра каждой ступеньки, потому что они скрипят. Я оказываюсь внизу без единого звука, и меня встречает зеленая лампочка, горящая рядом с входной дверью.

Сигнализация.

Давным-давно кодом к системе была дата рождения Трейси — 0729. Но они могли поменять его. А если я попытаюсь сняться с охраны с неправильным кодом, сигнализация сработает?

Когда телефон снова вибрирует у меня в руке, у меня чуть не начинается сердечный приступ. Я выключаю вибрацию и смотрю на экран. Это смс с текстом: «0729».

Я улыбаюсь.

Трейси — не самый большой фанат Джейми, и похоже, у нее не такой крепкий сон, как я думала, — но она помогает мне в любом случае. Уверена, что ей даже не потребовалось выглядывать в окно, чтобы узнать, кто мне звонил.

Я набираю код, выхожу на улицу, проверяю, не захлопнулась ли за мной дверь... и вижу его. На другой стороне улицы, облокотившегося на дверцу его зеленой машины и ждущего меня.

Он красивый.

Я нет.

Я босиком, в леггинсах и футболке, так же известной как пижама. Понятия не имею, на что похожа моя прическа, на мне нет косметики, потому что я два часа назад стерла все старания Трейси ее дорогущим средством для снятия макияжа.

И что? Голос в моей голове говорит: «Он не твой парень».

«Он мог бы... Ты не знаешь, что он не твой парень», — говорит другой голос.

«Не будь идиоткой. Он все лето не хотел иметь с тобой ничего общего. Забудь его. Ты не должна была даже выходить».

«Почему ты всегда так безнадежна? Это же отстойно».

И тут, будто двух враждующих голосов у меня в голове недостаточно, к разговору присоединяется Кэрон и советует не обращать внимания на этот шум и просто быть в настоящем моменте.

Ненавижу признаваться в таком, но это хороший совет.

Ноги несут меня вперед, пока я не оказываюсь прямо перед Джейми. Он пристально, не моргая, смотрит на меня своими идеальными глазами орехового цвета с золотистыми проблесками. Где-то внутри себя я обнаруживаю уверенность, чтобы молчать и не нарушать тишину. Он позвонил мне, попросил выйти — он должен заговорить первым.

Я столь же пристально смотрю на него, скрестив руки на груди. Молчание все длится и длится. Он начинает выглядеть немного неловко. Это даже лестно.

— Спасибо... За помощь Конраду сегодня, — наконец начинает он. Я все еще не произношу ни слова. Думаю, это первый раз, когда я одерживаю верх над Джейми. За все время. — Роуз, слушай, извини, — говорит он с таким раскаянием, что мне приходится прикусить язык, чтобы не сказать ему: «Все отлично, не переживай из — за этого».

Вместо этого я говорю:

— Почему ты не звонил?

— Ты получила мою записку?

— Ту, в которой ты говоришь, что мне не подходишь? Что ты другой? Эту? — мои слова звучат враждебно. Джейми на миг опускает взгляд на землю, а потом смотрит в темное небо.

— Да, — говорит он и замолкает. Я не хочу, чтобы он так делал — когда Джейми молчит, он исчезает. Хоть он и стоит прямо перед тобой, до него никак не достучаться, сколько ни пытайся. Я слишком долго ждала эту возможность. Я заставляю себя снизить враждебность.

— Ты же знаешь, что Энджело мне ее передал, — говорю я настолько спокойно и нейтрально, насколько могу.

— Поэтому я не звонил.

Я качаю головой и делаю шаг вперед, чтобы сделать мою точку зрения предельно понятной.

— Если я тебе не нравлюсь, Джейми, так и скажи. Тебе не придется шифроваться и писать записки о том, что дело не во мне, а в тебе. — Враждебность возвращается. Мой голос становится более злым и обиженным, чем мне хочется. Но я не могу сдерживаться.

— Кто сказал, что ты не нравишься мне?

— Ты. Ты отправил мне записку, которая ничего не объяснила, а потом игнорировал меня все лето. А сегодня ты даже не поздоровался. Ты вытащил меня из бассейна, но выглядел взбешенным. И, в конце концов, ты до сих пор со мной не разговариваешь. Это значит, что я тебе не нравлюсь. Даже более того, это значит, что ты меня не уважаешь. А если ты меня не уважаешь, тогда у меня нет на тебя времени.

Враждующие голоса в моей голове в шоке замолчали. Я наконец высказала Джейми все, что думала последние несколько месяцев, и как же здорово видеть, что он не ожидал такого от сладенькой маленькой Роуз, которая всегда была так добра к нему. Да, отлично, смотри, Джейми Форта. Сладенькую маленькую Роуз заменила новая Роуз, и она не позволит тебе

тратить ее время.

Оказывается, Джейми не единственный 2.0 в нашем городе.

Мой план — театрально удалиться, оставить его, не говоря ни слова, но едва я разворачиваюсь, Джейми хватает меня за руку и поворачивает лицом к себе. Он делает шаг ко мне, оставляя между нами около дюйма пространства. В странной и волнующей череде событий меня это даже не пугает.

Мне нравится эта тема 2.0.

— Я бесился из-за Хэллиса — из-за того, что он сделал с Конрадом — и из-за тебя, что ты оказалась в бассейне, — говорит он. Я вижу — он говорит правду, но не всю. В его глазах видно что-то еще, но я вдруг обнаруживаю, что слишком горда, чтобы спрашивать — что именно. Я не собираюсь упрямить его рассказывать мне свои секреты. Если он хочет быть молчаливым и загадочным, это его дело.

— О, ты бесился из — за моего поведения? А ты вообще кто? Мой телохранитель? Мой парень, о котором мне нельзя рассказывать? — требовательно спрашиваю я. — Просто разберись в себе, Джейми, и перестань ко мне лезть.

На его лице отражается боль, как будто я его ударила, а потом его губы неожиданно встречаются с моими, быстро и жестко, и весь воздух вылетает у меня из легких. Его поцелуй за наносекунду пронзает все мое тело. Он берет меня за руки, разворачивает, практически отрывая от земли, и ставит рядом со своей машиной, прижимая меня к водительской двери своим телом, а его язык скользит по моим губам и во рту. Похоже, он так же долго, как я, ждал, когда это случится снова.

Но это не может быть правдой.

Я всего лишь девочка с бредовыми мыслями, которая влюбилась в парня, который... сейчас целует меня так, словно от этого зависит его жизнь.

Его руки обнимают меня, и они ощущаются совсем по-другому — не так, как в последний раз, когда мы целовались. Он не просто стал сильнее, он крепкий и надежный, как кирпичная стена. И я чувствую, что он на 100 % настроен целовать меня, а не отвечать на поцелуй. Одна его рука в моих волосах, а другая скользит по пояснице. У меня в прямом смысле слова подкашиваются ноги, как у каких-то дурацких принцесс из сказок. Давным-давно я бы только радовалась красиво ослабевшим ногам, но прямо здесь и сейчас, в этот момент, это лишь раздражает 2.0.

Джейми не должен делать это снова. Он не должен появляться, овладевать моим телом на время поцелуев, а потом исчезать. Я думаю о том, что сказал Конрад — что Джейми объявляется, когда ему угодно, и целует девушку, чтобы ее одурачить.

Прямо сейчас он это и делает?

Я уже готова заставить его прекратить, когда его рука на моей спине находит край футболки и проскальзывает под нее, прикасаясь к обнаженной коже так, как никогда раньше. Моя голова запрокидывается к машине, а все тело начинает дрожать. Мы оба застываем на долю секунды, когда одновременно понимаем, что на мне нет бюстгалтера. Я не уверена, хорошо или плохо, если парень это обнаруживает — что это говорит о девушке, если она не надевает бюстгалтер, когда целуется с парнем около его машины посреди ночи? Что-то? Или ничего?

Медленно — мое тело практически вибрирует, умоляя его прикоснуться к тем местам, к которым он не собирался — он проводит рукой вниз и вокруг моей талии и тянет меня вперед, зарываясь лицом мне в шею. У него все тот же приятный аромат свежести, но

появилось и еще что-то новенькое — что-то только его. Когда он отступает назад, освобождая меня от веса его тела, я поднимаю голову и открываю глаза. Я не могу отдышаться, но замечаю, что его дыхание тоже немного сбито — когда мой взгляд опускается на его джинсы, я понимаю, почему.

Мое лицо горит от смущения. Я не верю в это. После всех раздумий о том, что между нами ничего нет и что я все придумала, выясняется, что я была неправа.

Джейми так же возбуждается при поцелуях со мной, как я при поцелуях с ним.

Я чувствую прилив... чего-то. Сил? Но это чувство тонет в океане замешательства и страха. Что мне теперь делать? Я должна что-то сделать с его... состоянием? А если не сделаю, то я динамщица? Или я обязана что-то предпринимать, только если я официально его девушка? А если это так, то что конкретно от меня требуется?

Подождите... когда доходит до этого, обязательств не существует? Ты просто делаешь то, что тебе приятно и ничего кроме?

Именно это мисс Масо вбивала нам в головы в прошлом году. На уроке здоровья все это было наполнено огромным смыслом. Теперь это не кажется таким понятным.

Я осознаю, что разглядываю джинсы Джейми слишком долго, чтобы выдать свой внимательный взгляд за простой интерес к случившемуся.

Заставляю себя поднять глаза на его лицо, ожидая от него смущения или извинения, но он лишь пристально смотрит на меня с тем же непоколебимым видом, словно все, что случилось — абсолютно нормально. Видимо, так оно и есть. Хотя я не могу представить, что такие дела когда — либо станут для меня нормальными. Скорее наоборот, все это напоминает одно большое шоу придурков.

Он запускает руку в волосы и трясет головой, как будто он и на этот раз сделал то, что не должен был. И 2.0 приходит в бешенство.

— Дай я угадаю. Ты уже жалеешь об этом, да? — Точно. Прикасаться ко мне — это полная и абсолютная ошибка.

Он качает головой.

— Тогда что? — эти американские горки сводят меня с ума.

— Я не собирался делать этого...

— Не беспокойся, Джейми. Ты не должен объяснять...

— Должен. Есть много того, что я должен объяснить, — говорит он, его взгляд прикован ко мне.

Тот факт, что он знает — он задолжал мне несколько объяснений — уже что — то значит. Мой гнев начинает улетучиваться. Но где его черт носил все лето? Потребовались месяцы, чтобы додуматься до этих объяснений, о которых он сейчас говорит? Пузырь с моим гневом снова надувается. Хотя... а если так и было, и ему требовались месяцы? Не каждый умеет объяснять свои чувства. Нужно иногда давать людям поблажки. Теперь мой гневный пузырь просто спокойно висит, не зная, что делать. И вдруг вся эта ситуация кажется мне... забавной.

— Ты только что сказал, что собираешься что-то мне объяснить? Серьезно? — поддразниваю я. — То есть, я наконец-то получу парочку настоящих объяснений от Джейми Форта?

После секундного смущения на его лице появляется легкая улыбка, и я чувствую сдвиг. Не знаю, как нормально это объяснить. Как будто мы всегда были на разных уровнях, причем он стоял выше меня. Но теперь эти уровни сблизились, и мы уже не так далеко друг

от друга. Мы почти — но не совсем — на одном уровне.

Наверно, по-другому можно сказать, что у Джейми не все карты козырные. А у меня теперь есть несколько козырей, и мне это нравится.

— В следующую субботу, — говорит он.

В следующую субботу? В следующую субботу? То есть вечером субботы?

— Ужин, — добавляет он.

В прошлом году мое общение с Джейми происходило тайно, в его машине в различных отдаленных местах. Но мы никогда не проводили время вместе в присутствии других людей.

— Ты наконец собрался показаться со мной на публике? — говорю я, притворяясь удивленной. — Нам лучше не рассказывать об этом никому, а то мы теперь оба окажемся в тюрьме.

Его улыбка становится чуть шире, и он смеется — своим красивым, восхитительным смехом, который кажется мне вознаграждением, когда бы я его ни слышала. У меня от него чуть голова не кружится. И меня осеняет, что Джейми нравится, когда я над ним подшучиваю. Вот почему у нас почти сравнялись уровни. Потому что я его поддразниваю.

— Не могу поверить, — говорю я. — Я и Джейми Форта на настоящем свидании.

— Ты не должна продолжать говорить Джейми Форта, Роуз.

— О, а я уверена, что должна. В такие великие моменты, когда обещаются объяснения и анонсируются публичные выходы, очень важно называть тебя полным именем. Обстоятельства обязывают.

Его улыбка заставляет меня хотеть сесть в его машину и уехать с ним куда угодно. Немного пугающе чувствовать такое к кому-то. Заставляет задуматься, не собираешься ли ты сделать что-то, чего на самом деле не хочешь, и стоит ли это делать. Я имею в виду, я несколько месяцев не видела Джейми и не говорила с ним, и после одного поцелуя и пары безумных моментов, я готова снова ощущать его руки на своей обнаженной коже. Потому что это потрясающе. Это чувство вмещает... все.

Полагаю, суть в том, что хоть я это и чувствую, я не сяду с ним в машину. Но почему? Лишь потому, что сейчас поздняя ночь, я ночую у подруги и не хочу проблем с ее родителями или чтобы у нее были проблемы? Или все потому, что я достаточно себя уважаю, чтобы не срывать с места посреди ночи с парнем, который даже не потрудился хоть раз позвонить мне за все лето?

Я отхожу от машины, чтобы показать ему — и себе — что сейчас вернусь в дом.

— Я позвоню тебе, — говорит он.

— Поверю только когда увижу, — отвечает 2.0. Проходя мимо него, я чувствую себя дерзкой, пусть даже в сказанном мной не было смысла — как ты можешь увидеть, если кто — то тебе звонит? Но меня это не волнует. Я оборачиваюсь — Джейми все еще улыбается, словно он увидел меня в другом свете. В новом свете. И ему это нравится.

Стоило мучить себя все лето ради одного такого взгляда.

откопать(глагол): раскрыть или выяснить.
(см. также: подвергнуться допросу с пристрастием на терапии)

— Ты понимаешь, в чем здесь загвоздка, Роуз?

Я хочу сказать, что загвоздка в том, что в субботу утром я должна есть блинчики с лучшей подругой и рассказывать ей о ночных событиях с Джейми, а не сидеть на кушетке психотерапевта со своей мамой на субботней утренней терапии. Но я уже говорила, что сарказму здесь не место.

Офис Кэрон симпатичнее, чем мамин. Кушетка помягче, обивка покомфортнее, да и вид из окна интереснее. В комнате немного пахнет чем-то вроде мокрой собаки, но я люблю собак, поэтому меня это не очень волнует. Не то, чтобы я когда-то видела собаку Кэрон... Я время от времени слышу, как она что-то вынюхивает за закрытой дверью, но на этом все. Насколько мне известно, это просто аудиозапись собаки, а запах — какое-то странное благовоние. Мама говорит, что психотерапевты идут на всевозможные ухищрения, чтобы сделать свои офисы более комфортными для клиентов. Этой цели служит даже использование нейтральных цветов — они должны помочь пациентам сосредоточиться.

На мой взгляд, единственный недостаток черно-коричнево-кремового офиса Кэрон — то, что в нем происходит. А происходит это в нем раз в две недели, в субботу — а иногда чаще, в зависимости от уровня драматичности в нашем доме — с июня.

— Загвоздка? — повторяю я, стараясь продемонстрировать им, что я почти не слушаю.
— Проблема, — говорит Кэрон, подчеркивая слово «проблема», как будто мне нужен синоним к «загвоздке». Если она думает, что меня смущает значение слова «загвоздка», а не перемалывание этой темы в очередной раз, она совсем забыла моего папу, которого хорошо знала. Папа начал показывать нам с Питером карточки со словами, когда мы еще говорить не научились.

Кэрон и моя мама выглядят так, словно они сестры. Обе высокие с темно-каштановыми волосами и светло-голубыми глазами, очень худые и носят то, что я бы назвала «одежда мозгоправа» — природных тонов, которые сливаются с мебелью в офисе, с ярким ожерельем или шарфом. Может быть, это их униформа. Обе носят очки в черепаховой оправе — мама тратит много времени, чтобы ее прическа бросалась в глаза, а Кэрон всегда акцентируется на лице. Думаю, вы бы поняли, что сейчас они отличаются друг от друга энергетикой. Кэрон спокойна, а мама выглядит абсолютно нервной, как будто усиленно борется за право держать под контролем некоторые вещи. Такие вещи, как я.

— Ты понимаешь, почему у твоей мамы проблемы с мемориальным сайтом? — спрашивает Кэрон. — Почему она хочет, чтобы ты его закрыла?

Я знаю, что должна сказать «да» — в конце концов, мы ходим вокруг да около этой темы на протяжении всего лета. И я могу это сделать, потому что технически я понимаю эту проблему. Я сделала нечто очень публичное, и сделала это без маминого разрешения, используя семейные фотографии с папой. Но я не понимаю, почему наличие сайта, посвященного папе, настолько сводит ее с ума. Я думала, она будет счастлива, когда увидит все фото, которые я отсканировала и загрузила, все цитаты, которые я опубликовала, и раздел «Слово Дня» с его любимыми словами.

Но она не была счастлива. Она была в бешенстве. А когда она поняла, что меня даже не волнует ее бешенство и что если она хочет закрыть сайт, ей придется сообразить, как сделать это самой, был адский скандал.

Думаю, маму больше всего раздражает в этом сайте предложение посетителям открыто высказывать свое мнение. Я запустила сайт, и могу вносить изменения, но не могу предсказать, какотреагируют люди. А выясняется, что туда заходят самые разные люди, которые хорошо знали папу, и кое-что говорят о нем. Маме это не нравится, поскольку она не может контролировать все, что они пишут.

А мне именно это и нравится.

— Роуз, ты еще с нами? — спрашивает Кэрон. Она обычно дает мне около трех секунд на раздумья, а потом делает замечание с намеком на то, что я невнимательна.

— Нет, мне кажется, я не совсем это понимаю, — вру я.

— Проблема, Роуз, — говорит мама, а ее напускное спокойствие лишь показывает, как ее беспокоит этот разговор, — в том, что ты действовала за моей спиной после того, как я специально тебя попросила так не делать, и втянула в это Питера, когда взяла его кредитную карту.

— Ты можешь сказать Роуз, как себя чувствуешь из-за этого?

— Преданной. Преданной в момент особой уязвимости.

Мне хочется закатить глаза, но я знаю, что из — за этого мама может опять почувствовать себя преданной в момент особой уязвимости. Не то, чтобы меня не беспокоило ее чувство преданности, я просто думаю, что у нее смешные причины для этого.

Может, это и значит, что меня оно не беспокоит. Я точно не знаю.

— А еще это меня пугает, — продолжает она. — Многие люди зарабатывают на тех, кто скорбит. А у Роуз теперь какие — то взаимодействия с людьми, о которых она раньше никогда не слышала, а они заявляют, что знали ее отца. Это опасно во многих смыслах, включая эмоциональный.

— Можешь объяснить Роуз, что ты под этим понимаешь?

Что ж, снова ринемся, друзья, в пролом. Эта цитата Шекспира подходит для нашей вечной истории.

— Роуз открыла сайт в годовщину смерти ее папы в июне. В течение нескольких часов на сайте появилось около пятидесяти комментариев о нем. Некоторые — хорошие, некоторые — странные, некоторые были от людей, которые явно совсем не знали Альфонсо и просто хотели придать себе важность и быть к этому причастными. Это для каждого было бы невероятно больно и смущающе, а для девочки — подростка, которая потеряла отца — особенно. Роуз три дня тогда не выходила из своей комнаты.

Это не совсем верно. Я выходила, чтобы воспользоваться туалетом и перекусить.

— Я просто читала комментарии и отвечала людям, — говорю я. — Не такое уж важное занятие.

— Это лишь часть того, что ты делала, Роуз. Ты также переживала эмоциональную травму в результате всей этой информации, которая на тебя навалилась и не сочеталась для тебя с человеком, которого ты думала, что знаешь...

— Кэтлин, — говорит Кэрон своим особым голосом. Это какой-то код, который они придумали, потому что каждый раз, когда Кэрон так произносит ее имя, мама выглядит виноватой и прекращает говорить.

Что такого в том, что я контактирую с людьми, которых мы не знаем, но они знали

папу? И что, если парень, который провел с ним около двух дней в Ираке, написал о том, как они пили пиво вместе и назвал папу «редкой птицей»? Почему это считается менее достоверным, чем мой рассказ о том, как он впервые показал мне свои 20 томов Оксфордского словаря?

Я не знаю, как мы с Кэтлин до такого докатились. Я чувствую, что все было хорошо, а потом внезапно все изменилось. В прошлом году в мой День Рождения у нас был откровенный разговор, и казалось, что наконец-то все между нами будет нормально. Она извинилась за то, что «оставила меня с моим горем», объяснила, что ей нужна помощь, и спросила, пойду ли я с ней на терапию. Я сказала, что подумаю.

Какой же это было ошибкой! Через два месяца я запустила папин сайт, и, когда я отказалась принимать душ, просидев несколько дней за компьютером, она практически потащила меня за мои сальные волосы на первый прием к Кэрон.

— Итак, Роуз, когда ты слышишь, как твоя мама говорит о чувстве преданности и страхе, что ты чувствуешь?

Этот вопрос возникал и раньше, но я полагаю, что не отвечала на него правильно. Возможно, сегодня у меня получится сказать правду.

— Я чувствую недовольство, — отвечаю я. Этот ответ очень отличается от моего обычного. — Я чувствую себя плохо.

Брови Кэрон взлетают вверх.

— Недовольство? — очень медленно повторяет мама.

— Я не понимаю, почему мы продолжаем говорить об этом. Это начинает раздражать.

— Мы продолжаем говорить об этом, потому что ты отказываешься закрыть сайт, хоть ты и неспособна объяснить, почему хочешь продолжать над ним работать, когда контакты с теми людьми тебя явно расстраивают.

Те люди. Она имеет в виду Вики.

Сегодня утром я получила от Вики письмо по электронной почте. Она напоминает, что мне нужно повеселиться в последние выходные перед началом учебного года во вторник. Вики время от времени напоминает о себе, присылая короткие вдохновляющие высказывания или отсканированные фотографии — это часть ее проекта, в котором она сканирует каждое фото, сделанное ею до появления цифровых камер. Она присылает мне только свои забавные фотографии — например, с Хэллоуина или других вечеринок — где она делала из своих волос нечто большое и безумное. Вики из Техаса, и она парикмахер, поэтому у нее огромный опыт создания пышных причесок. Каждый раз, когда она присылает мне новое фото, на нем оказываются самые пышные волосы из всех мною увиденных. Когда я сказала ей, что у меня самые никудышнейшие, необъемнейшие, наипрямейшие и самые наискучнеейшие волосы за всю историю человечества, она ответила, что мне нужно «со всех ног мчаться» в Техас и дать ей поработать над ними. «Когда я с тобой закончу, милая», — написала она, — «ты сама себя не узнаешь».

Вики вырастила сына — сержанта Трэвиса — и дочь в одиночку. «Хорошая одинокая христианка» — так она себя описывает. Она никогда не говорила мне об отце ее детей, хотя я читала письмо, которое написал папа Трэвиса, а она опубликовала его на сайте. И она почти не рассказывает о дочери. У меня есть ощущение, что они практически не общаются. Но она любит писать о Трэвисе и всегда заканчивает письма словами: «Твой папа наблюдает за тобой, так же как мой Трэвис наблюдает за мной. Благослови тебя Бог, милая».

Меня воспитывали агностиком, граничащим с атеистом, но есть что-то в том, как Вики

пишет: «Благослови тебя Бог» — это дает мне чувство защищенности от всех ужасных вещей, которые творятся в моей голове и вне ее. Когда Вики говорит, что молится за меня, я верю ей, хоть и не думаю, что есть Бог, который обращает на нас внимание. Но мне нравится, когда она так говорит, потому что я знаю — она думает, что он там, наверху.

Конечно же, я не могу рассказать что-либо из этого маме.

— Меня не расстраивают контакты с теми людьми. И все-таки, почему ты так ненавидишь Вики? — спрашиваю я.

Кэтлин вздыхает, словно она самый уставший человек за всю историю.

— Я даже не знаю Вики, Роуз. Я просто чувствую, что ты даешь ей больше, чем она тебе. И если честно, сейчас тебе не нужно заботиться о ком-то, кроме себя.

— Роуз, ты чувствуешь, что заботишься о Вики? — спрашивает Кэрон. Мама внимательно на нее смотрит. Кэрон, к ее чести, не сводит взгляд с меня и не замечает эти убийственные лучи, которые исходят из глаз Кэтлин.

— Мы просто переписываемся о разных вещах. Она присылает мне забавные фотографии своих причесок. Разве это забота о ком-то — отправлять друг другу мейлы?

— А когда она делится личными подробностями о том, как справляется со смертью ее сына? — вмешивается мама, и это звучит ревниво и покровительственно одновременно. — Она взрослая женщина. Она не должна обременять ребенка своими чувствами под видом помощи.

— Я не ребенок, Кэтлин, — говорю я.

Я зажимаю рукой рот. Я не собиралась называть маму «Кэтлин» в лицо. Ну, как бы то ни было, намеренно не собиралась. Не могу себе представить, что это хорошо закончится.

Мамино лицо несколько раз меняет цвет, и я чувствую, что из ее ушей готов пойти пар, но она делает все возможное, чтобы не дать этому произойти. Я на самом деле чувствую себя плохо. Я сделала это не специально. Просто вырвалось.

Наверно, обидно слышать, как твой ребенок зовет тебя по имени, хотя не могу точно сказать, почему.

Но почему я должна беспокоиться о ее чувствах?

— Потому что есть такая штука, как обычная человеческая доброта, — говорит один из голосов у меня в голове.

Кэрон наблюдает за мамой, чтобы понять, хочет ли она обратить внимание на случившееся. Когда становится ясно, что мама поступает правильно с моральной точки зрения, Кэрон спрашивает:

— Роуз, тебе легко писать Вики о своих чувствах?

Мне не нравится говорить о Вики здесь, как будто вся загвоздка в ней.

— Я не задумываюсь над этим — просто пишу. Она задает вопросы, я отвечаю, а потом я задаю вопросы. Не вижу здесь ничего неправильного. Она просто печальная женщина с погибшим сыном. А я «депрессивная» девочка с погибшим папой.

Мама закрывает глаза и крутит обручальное кольцо на пальце. Потом она наконец говорит:

— Пожалуйста, не говори так о своем отце.

— Как? Он погиб, поэтому я и говорю, что он погиб. Разве мы не за этим здесь собрались — чтобы вслух проговаривать все, что хотим?

— То, как ты это говоришь, Роуз. Ты говоришь тоном, непочтительным к твоему отцу и предназначенным для того, чтобы шокировать и обидеть меня. И я знаю, зачем ты это

делаешь...

— Кэтлин, — снова говорит Кэрон, с чуть большим нажимом, чем раньше.

На этот раз мама закатывает глаза, а я нахожу это довольно забавным. Похоже, ее уже тошнит от того, что Кэрон говорит ей, что она может, а что — нет. Она пристально смотрит в окно и выглядит... безнадежной.

— Почему вы все время останавливаете ее, если мы должны быть такими открытыми? — спрашиваю я Кэрон. Мама смотрит на меня.

— Иногда твоей маме сложно сохранять терпение, а это значит, что ситуация становится немного нечеткой...

— Роуз, просто скажи мне, почему для тебя так важно поддерживать этот сайт при том, что он может вызвать у тебя панику в любой момент, — перебивает мама, которой очевидно не понравилась тема, которую подняла Кэрон. Я заметила, что на лице Кэрон промелькнуло раздражение.

Я знаю, что маме и Кэрон кажется, будто я скрываю от них эту информацию, но я просто еще не нашла правильный способ сказать правду. К примеру, если я говорю: «Иногда я чувствую, что сайт — единственное, что связывает меня с папой», Кэтлин может спросить, почему она не связывает меня с ним. Я не знаю, как ответить, чтобы ее не обидеть. А еще, когда я создавала сайт, мне нравилось, что это мой способ прямой связи с папой, не через нее или кого-то еще. И когда я запустила его, и посетители начали публиковать на нем разные вещи, он стал моим любимым способом связи с папой. И я определенно не могу это сказать.

Поэтому я пришла к самому простому ответу:

— Для меня важно поддерживать сайт, потому что я узнаю о папе то, чего не знала раньше.

Мама настолько расстроена этим, что с трудом может спокойно усидеть на кушетке.

— И что же ты можешь узнать о твоём отце от людей, которые едва были с ним знакомы? — рявкает она.

Я огрызаюсь в ответ:

— Ой, не знаю даже, наверно, то, что он собирался остаться в Ираке на целый год.

Ее раздражение превращается в шок. Она качает головой, а потом говорит Кэрон:

— Видишь? Именно такую информацию Роуз не должна выдергивать из контекста.

— Кэтлин, ты исключаяешь Роуз из разговора. Говори ей, не мне.

Мама несколько секунд пристально смотрит в потолок, затем поворачивается ко мне и пытается очень спокойно задать вопрос:

— Кто тебе это сказал?

— Не ты. И не он, — бормочу я. — Он говорил, что останется там всего на полгода.

— Не было времени тебе рассказать, — говорит мама, ее глаза наполняются слезами. — Он принял это решение прямо перед тем, как это случилось. Кто тебе сказал? — снова спрашивает она.

— Один из парней, с которыми он работал. Он написал, как был рад, когда папа сказал, что подписал контракт на большее время, потому что игра в шахматы с папой была одной из вещей, делающих жизнь там сносной.

Мама опять начала качать головой.

— Он чувствовал, что это стоило того в финансовом плане, Роуз. Взрослым приходится рассматривать все факторы, чтобы принять решение.

Я знаю, что мама ощущает себя виноватой, так как она приветствовала решение папы поехать служить по контракту в Ирак. А еще я знаю, что она подталкивала его к этому, потому что он потерял работу инженера, в Ираке можно было хорошо заработать, а она бесилась из-за нехватки денег на оплату обучения в колледже. Было бы хорошо и умно, и великодушно уйти от этой неприятной темы.

Но я не могу. Просто не могу. Мне нужно насыпать немного соли на рану. Точнее, схватить солонку, снять с нее крышку и вывалить всю соль на ее израненную душу.

— Он чувствовал, что это того стоило? Или ты?

Слезы, наполнявшие ее глаза, текут по щекам, она встает, одергивает свою коричневую юбку-карандаш и поправляет шелковую блузку персикового цвета. Этот комплект всегда вознаграждается комплиментами от Трейси, и она надевает его, когда ей нужна помощь, чтобы почувствовать себя лучше.

— Я беру перерыв, — говорит она Кэрон и тянется за носовым платком, лежащим на журнальном столике, который завален художественными книгами о фотографии. — Я вернусь.

Уверена, что если бы мама не была мозгоправом, Кэрон не разрешила бы ей просто выйти. Меня бы точно заставили остаться в комнате.

За мамой закрывается дверь, а я чувствую себя отвратительно. Мне действительно нужно было это говорить?

Да, Роуз, тебе действительно нужно было это говорить. Иначе ты бы это не сказала. Это очевидно.

Кэрон грустно мне улыбается и что-то быстро помечает в своем большом желтом блокноте.

— Итак, во вторник в школу, — говорит она после недолгого молчания.

Я киваю.

— Как ты себя чувствуешь из-за этого?

Пожимаю плечами.

— Ты переживаешь из — за того, что увидишь Регину после каникул?

Удивительно, что Кэрон это спросила. Она, вроде как, нарушила протокол, заговорив о Регине во время семейной сессии, когда Кэтлин не было в комнате.

— Не совсем, — говорю я. Кэрон наклоняет голову, выражая замешательство, поскольку в прошлый раз ей удалось вытянуть из меня признание, что я нервничаю из-за встречи с Региной. — Я уже, вроде как, ее видела.

— Ты, вроде как, ее видела? Что это значит?

— На вечеринке.

— Ты была на вечеринке? — спрашивает она с чуть более довольным видом, но старается выглядеть спокойно. — И как там было?

— Меня столкнули в бассейн.

Кэрон внимательно меня разглядывает, как будто я могу говорить неправду.

— Тебя столкнула Регина?

— Нет. Мэтт. Бывший парень Трейси.

— Тебя, должно быть, это разозлило, — говорит она. — Ты была в состоянии контролировать свою реакцию?

Этот вопрос меня смущает. Она спрашивает, была ли я в состоянии держать себя в руках на вечеринке. Наверно, я не должна ее винить, исходя из того, как я в прошлом году наехала

на Регину на беговом отборе. Несмотря на все мои усилия доказать обратное, теперь я — один из тех «ненормальных» подростков с эмоциональными проблемами, которые всю мою жизнь входили и выходили из маминого офиса. Никуда от этого не денешься.

— Ты хотела его ударить?

— А вы бы хотели?

Кэрон натянуто улыбается.

— Но ты не хотела?

— Я бы с удовольствием побила его — по очень-очень-очень многим причинам — но там происходило нечто другое.

Она кивает, словно ее это впечатлило. Не уверена, должно ли это впечатлять.

— Более важные вещи?

— Плавательные гиганты пытались кое-кого убить.

— Это преувеличение? — На ее лице отражается неподдельное беспокойство.

Я качаю головой.

— Они в прямом смысле слова пытались утопить пловца-новичка.

— А почему?

— Потому что они психически нездоровы, — говорю я.

— Кто конкретно был плавательным гигантом? — спрашивает она.

Что — то в этом разговоре начинает казаться мне ловушкой.

— Все парни из команды, — отвечаю я, не желая называть имена. Не то, чтобы я хотела защитить этих ничтожеств, но я завязала со стукачеством — это я себе пообещала. Больше никакой беготни к взрослым.

И как получилось, что я оказалась в таком положении, где взрослые приходят ко мне за информацией?

Мама выбрала именно этот момент, чтобы вернуться в комнату. Ее опухшие глаза говорят о чем-то, совсем непохожем на ее неестественную улыбку, словно приклеенную на лицо. Могу сказать, что она пробовала поправить макияж, но потом сдалась, потому что сделала только хуже. Проблема в нашей коже — если все идет не так, она становится красной и пятнистой.

— Кэтлин, мы говорили о том, как у Роуз идут дела в отношении контроля над ее характером. — Мама смотрит на меня, потом на Кэрон, а потом обратно, с таким видом, словно что-то пропустила. — Так у тебя недавно были панические или гневные атаки, Роуз?

— Есть новая проблема — бессонница, — говорит мама.

Мне не нравится, когда она отвечает за меня. К тому же, она неправа. Проблема не в бессоннице, а в ужасающих и бредовых вещах, которые я не могу прекратить воображать, когда у меня бессонница.

У меня проблемы с отключением мозга.

Папа всегда так говорил, когда я спрашивала, почему он утром выглядит таким уставшим.

— У меня проблемы с отключением мозга, когда пытаюсь уснуть. Он все работает, даже если я хочу, чтобы он успокоился.

— У тебя бессонница? — спрашивала я. А он отвечал, бегло просматривая заголовки местной газеты: — Если быть точнее, я у бессонницы.

Никогда не понимала, что он имел в виду — до недавнего времени. Теперь я провожу полночи, пялясь в потолок и стараясь избавиться от жестоких образов, которые приходят

мне в голову. Но вместо того, чтобы рассказать это Кэрон, я не свожу глаз с сандалий, которые уговорила купить меня Трейси на лето. По мне лучше созерцать сандалии, чем говорить о моем безумном воображении.

— В прошлом году бессонница была небольшой проблемой, но после годовщины ситуация ухудшилась, — продолжает мама. — До этого был большой прогресс.

Я и не догадывалась, что за мной следят на предмет прогресса. Но, конечно, так и было. Если твоя мама — мозгоправ, разве за тобой постоянно не следят на предмет прогресса?

— Роуз, у нас осталось несколько минут. Ты можешь рассказать нам, что происходит в твоей голове, пока ты не заснешь?

— Просто... всякое. — Я чувствую, что мама готова встать на дыбы. Она ненавидит неопределенные ответы.

— Ты можешь прояснить это «всякое»? — спрашивает Кэрон. Это не звучит снисходительно, но я все равно не хочу ей отвечать. Я не знаю, откуда берутся эти образы или что их вызывает. Я могу думать о чем-то нормальном, что происходило днем — например, как я переходила дорогу, идя в аптеку. И вдруг появляется огромная фура и врывается прямо в меня. Повсюду кровь, кишки и конечности.

Но если я это скажу, мне придется ходить в этот офис ежедневно до окончания колледжа.

— Она может ответить на вопрос, который я задала перед тем, как она вышла из комнаты? — спрашиваю я.

Кэрон поворачивается к маме с едва ощутимой примесью нежелания это делать.

— Кэтлин? Ты ответишь на вопрос Роуз?

Безо всяких фанфар, она отвечает.

— Решение принял твой отец. — Я вижу по ее лицу, чего ей стоило сказать это — она чувствует себя так, словно предала его.

И поэтому я понимаю, что она сказала правду.

— Папа обещал, что будет дома через полгода. Он сказал, что вернется раньше, чем я пойду в старшую школу.

Мама снова смотрит на свое кольцо и крутит его. Когда она поднимает глаза, у меня перехватывает дыхание из — за печали на ее лице.

— Папа говорил, что если он подпишется еще на полгода, он получит огромное вознаграждение. Он спросил, что я думаю, и я сказала, что решать ему. Он ответил, что хочет остаться на благо семьи. — Я вижу, как она нервничает, по ее рукам — она снимает и надевает кольцо, сама того не осознавая. — Я думаю, вплоть до того момента он чувствовал себя... в относительной безопасности.

С меня хватит. Мой мозг отказывается это принять, и я официально заканчиваю терапию на сегодня. Я достаю телефон из кармана, притворяясь, будто что — то проверяю, чтобы мне не пришлось реагировать на сказанное мамой.

— Роуз, в следующий раз мы сможем побольше поговорить о решении Альфонсо, — говорит Кэрон, а я едва ее слышу. Я чувствую, что они ждут моего ответа, но я не могу посмотреть на них. Просто не могу.

Мама наклоняется, чтобы взять сумку, и встает.

— Спасибо, Кэрон, — говорит она. Обычно, когда она благодарит Кэрон, это звучит так, словно она прекрасно провела время и в восторге от всего, чем мы занимались вместе. Но сегодня это прозвучало сокрушенно и измученно. На самом деле.

— Как дела у Питера? — тихо спрашивает Кэрон, словно я не расслышала, потому что смотрю на экран телефона. Уголкем глаза я вижу, что мама мельком глянула на меня, чтобы понять, обратила ли я на это внимание, а потом быстро мотнула головой, смотря на Кэрон.

Кэрон открывает нам дверь, и мы с мамой выходим из офиса, не глядя друг на друга.

Когда мы садимся в машину, мама около минуты просто всматривается в ключи в ее руке.

— Что не так? — спрашиваю я.

Она смотрит на меня, и я вижу свои глаза. Никогда не замечала, что у нас совершенно одинаковые глаза. Папа обычно называл мои «васильково-синими с маленькими белыми цветочками». Интересно, говорил ли он это ей.

— Он хотел сам тебе сказать. После его смерти я не видела причин поднимать эту тему, потому что это уже неважно. Но я прошу прощения, если ты чувствуешь, что я тебя обманывала.

Я хочу сказать:

— Все нормально. — Иногда меня удивляет, как сложно говорить вещи, которые должно быть легко говорить. Прямо сейчас я не ощущаю злости на нее, но почему-то я до сих пор не могу отпустить ситуацию.

Мне это в себе не нравится.

— Смотри, Роуз, давай на минутку сменим тему. Не хочу ставить тебя между двух огней, но у тебя есть новости от брата?

Я качаю головой.

— Нет. Но он не так уж долго молчит, мам.

Она обдумывает это, а потом заводит машину. Мне бы хотелось ей соврать, но у меня нет новостей от Питера. Совсем никаких.

Полтора года назад в нашей семье было четыре человека. Теперь у меня такое ощущение, что мы с мамой остались одни — настолько запутавшаяся парочка, что нам приходится ходить на терапию, чтобы разобраться, как распутать свои узлы.

Словно она может читать мои мысли, она сжимает мою руку и говорит:

— У нас все будет нормально, Роуз.

Это звучит почти так же уверенно, как я себя чувствую.

потенциал: возможность развития во что-то хорошее
(см. также: первый день десятого класса)

Когда я была маленькой, первый день учебного года был для меня великим днем. Все было новым. Начинаешь заново, в новой одежде, с новыми ручками и карандашами, чистыми тетрадями, в которых еще никто не писал, с учителями, которых никогда не встречал — все должно было случиться в будущем, но пока ничего не происходило.

Этим утром, пока собиралась, я почувствовала это зудящее возбуждение. Это чистый лист, время обновления. Роуз Царелли сбрасывает старую кожу, и все видят, как появляется новая красивая бабочка — бабочка, которая путает метафоры, но все же это бабочка. Прощай, стеснительная странная девочка, которая тоскливо бродит, таская за собой валторну и беговые кроссовки, связанные друг с другом; здравствуй, непредсказуемая, но волнующая, девушка с великолепным певческим голосом, у которой крутые друзья — и возможно, парень — старшеклассник — и главная роль в мюзикле. Да, может, она не величайшая модница, но ее лучшая подруга — самая стильная девчонка во всей «Юнион Хай», так что и ей достается кое — что крутое. И да, возможно, в прошлом году она влезла в этот грязный конфликт с Региной Деладдо из-за Джейми Форты, но ее папа погиб в Ираке, поэтому люди должны быть с ней любезны.

Но постойте, разве не эта девушка оказалась в бассейне на вечеринке у Майка Даррена?

Я практически смеюсь. Даже когда я выдумываю, что люди обо мне говорят, я не могу оставаться позитивной. Я имею в виду, кому это надо? Зачем заморачиваться с выдумками, если от этого не становится лучше?

Направляюсь на кухню, где мама, которая уже в офисе с клиентом, оставила мне записку и тост с арахисовым маслом. В записке сказано: «Отличного первого дня!» Когда мама собирала для меня обеда в младших классах, она обычно клеила стикеры на салфетки и писала записки. Я заставляла себя дотерпеть до обеда, чтобы прочитать ее записки и посмотреть, какие стикеры она выбрала. Это было моей любимой частью дня.

Трейси сигналит с улицы, и от волнения я ощущаю легкую нервную дрожь. Больше никакой ходьбы пешком в школу — у моей лучшей подруги есть своя машина.

Перекидываю через плечо новую замшевую сумку — Трейси заставила меня пообещать, что я никогда не буду больше носить рюкзак — и то, как она удобно держится на руке, придает чувство взрослости, когда я иду к машине. Трейси бегло осматривает меня и кивает в знак одобрения моего образа, который мы обсуждали прошлым вечером. Пока что десятый класс начинается довольно хорошо.

Через пять минут, когда мы стоим на светофоре прямо перед школой, это чувство начинает исчезать. Над нами маячат массивные здания, которые больше не выглядят такими безобидными, как мне казалось этим летом, когда я ходила мимо них в «Гар». Теперь они кажутся большими и какими-то... нехорошими, если это вообще возможно.

— Перенаправь свои мысли, — говорю я себе, используя технологию для борьбы с паникой, которой меня научила Кэрон. — Сосредоточься на чем — то простом и хорошем.

А это — старая песня Патти Гриффин, которую я в последнее время репетирую. Она называется «Моисей», и это первая песня с ее первого альбома. Я думаю, что это самая

красивая песня из всех, которые я слышала. Япела ее прошлым вечером, хотя должна была репетировать для прослушивания на роль в «Что бы ни случилось». Я пою совсем не похоже на Патти, и меня это беспокоит, поэтому я подпеваю ей, чтобы было гармоничнее. Я слышу ее в голове, и она вырывается у меня изо рта. И звучит неплохо.

Когда пою, я обычно теряю счет времени — может пройти час, а я буду думать, что прошло пять минут.

Я это обожаю.

Загорается зеленый, и Трейси поворачивает направо, а потом налево, и въезжает на стоянку, которую школа делит с торговым центром, где разрешается парковаться ученикам. Мне становится интересно, какие учителя у нас будут в этом году, и я понимаю, что технология перенаправления работает. Меня больше не окружают мрачные мысли.

Стоит это запомнить.

Мы кружим в поисках места — осталось 10 минут до звонка, а на парковке почти все занято. Так как я всегда ходила в школу пешком, я никогда не была на этой парковке до звонка. И не знала, как это зрелищно.

Никто не заходит внутрь. Очевидно, все ждут до последней секунды. Многие девочки расчесывают волосы, красятся, сравнивают наряды, пишут смс и делают вид, что не смотрят на парней. Парни или едят, или бросают друг другу мяч — или то, что они отобрали у кого — то, чтобы использовать как мяч — и делают вид, что не смотрят на девочек. Их явно не волнует, что с их лиц капает пот, а рубашки измазаны еще до того, как они зашли в класс. Они думают, что выглядят разгоряченно.

Наверно, неплохо быть парнем — они кажутся не такими застенчивыми, как девочки. Например, той ночью Джейми совсем не выглядел смущенным из — за того, что возбудился, когда мы целовались.

Я отворачиваюсь, чтобы Трейси не видела, как я краснею.

Приходится признать, что один из лучших моментов в начале учебного года — то, что я, возможно, буду видеть Джейми хотя бы раз в день. А может, чаще — смотря, что случится на нашем совместном ужине.

Когда у нас будет свидание.

— Это не свидание, — напоминаю я себе. Никто не говорил о свидании.

Когда Трейси заезжает на нечто, похожее на последнее свободное место на парковке, и я выхожу из машины в самый идеальный сентябрьский день, я ощущаю еще один проблеск возможностей — в этом году может случиться что-то хорошее. Стоя на этой парковке, где из магнитолы гремит Radiohead, а солнце так сильно отражается в крышах машин, что все кажутся вибрирующими в такт музыке в отдельных пузырях серебристого света, я чувствую — возможно (всего лишь возможно), я смогу что — то сделать с собой в этом году.

Роуз 2.0

— Трейс! Роза! Всем привет!

Пронзительный крик Стефани прорывается через шум на парковке. Мы с Трейси не видели Стефани все лето — ей пришлось провести три месяца на ферме своего папы в южном Иллинойсе из-за той встречи выпускников. Тогда ее мама чувствовала себя такой виноватой в разводе, что почти не наказала Стефани, которая напилась до отключки и оказалась в больнице. Но когда наступило лето, она собрала вещи Стефани и отправила ее тратить драгоценное время с коровами и свиньями. Стефани была на грани нервного срыва из-за этой поездки, заявляла, что там нечего делать и не с кем общаться.

Зато теперь достаточно одного взгляда на Стефани Трейнер, чтобы понять, что она сделала за это лето: повзрослела, стала открытой и хорошенькой. Гораздо более хорошенькой.

Трейси так же ошарашена, как я, но она хотя бы визжит в ответ от восторга, что видит нашу подругу после этих долгих месяцев. А я просто стою с отпавшей челюстью и думаю, что еще одна из моих подруг намного симпатичнее меня, и это просто маленькое чудо, что она вообще заговаривает со мной на парковке в первый учебный день. Мне стоило бы прямо сейчас затеряться в толпе и не замечать, что она пытается привлечь мое внимание. Это пошло бы на пользу нам обоим.

— О, Боже! Привет-привет-привет! — Она хватается Трейси и меня, и пытается обнять нас одновременно. Я едва достаю головой до подбородка Стефани. — Девчонки, я так по вам соскучилась!

— Стеф! Ты посмотри на себя! Выглядишь потрясающе, — говорит Трейси, делая шаг назад, чтобы лучше рассмотреть эту уверенную в себе фотомодел, которая сменила нашу когда-то миниатюрную и болезненно стеснительную подружку. — Чем тебя там папа откармливал? У тебя, похоже, модельный рост!

— А, я просто на каблуках, — говорит она, поворачивается и поднимает ногу, чтобы показать нам свои туфли с безумно высокой танкеткой. — Я не такая высокая. — Когда она снова оборачивается к нам, она сразу же начинает сутулиться, чтобы стать ниже. Такая уж она девочка — лучше ей будет некомфортно физически, только чтобы кому-то другому не было плохо.

— Где ты купила эти туфли? В них ноги смотрятся как трехметровые! — Теперь Трейси ходит вокруг Стефани кругами, как будто Стефани участвовала в шоу по преобразению внешности и только сейчас показала свой новый облик.

— Ой, замолчи, — говорит Стефани и краснеет так сильно, что ее лицо становится таким же, как ярко-рыжие волосы.

— Холщовая танкетка идеальна для этого времени года. Дизайнерские? — пока Трейси говорит, она достает из сумки iPhone и фотографирует туфли Стефани. Стефани выглядит немного озадаченно, но когда она быстро смотрит в мою сторону в поисках объяснения, я лишь пожимаю плечами и пытаюсь не жалеть, что надела балетки, в которых ноги похожи на маленькие дома на колесах. А еще на мне джеггинсы, которые не делают чести невысокой девушке с бедрами бегуна.

Меня осеняет, что Трейси могла выбрать для меня наряд, который хорошо бы смотрелся на ней, но она забыла принять во внимание наши очень разные типы телосложения.

— Стеф, как ты в этом смогла выйти из дома? — спрашиваю я. — Я имею в виду, если бы такое лежало у меня в шкафу, мама бы взбесилась.

— У мамы новая работа. Она уходит раньше меня, а приходит позже, поэтому я могу одеваться, во что хочу! На самом деле, это ее туфли — она меня убьет, если узнает, что я их надевала. Но теперь у нас одинаковый размер! Это офигенно! Заходите как-нибудь ко мне — пошаримся в ее шкафу.

Трейси практически зеленеет от зависти. По ее мнению, мама Стефани — одна из немногих, чей шкаф действительно достоин набега на него.

В школе раздается предварительный звонок, и все мы начинаем двигаться, подобно стаду, к главному входу, влекомые силой притяжения очередного учебного года. Я решаю, что школа похожа на конвейерную ленту в жестоком кино. Тебя привязывают к ней, и

неважно, как ты вырываешься, ты просто движешься к циркулярной пиле, готовой искромсать тебя на кусочки.

Видите? Пять минут назад парковка была оазисом возбуждения, потенциала и возможностей. А теперь мне видятся убийственные циркулярные пилы. Какого черта со мной опять это происходит?

— Ну что? Как дела, девчонки? Вы обе такие хорошенькие, и стройные, и загорелые. Вы, наверно, все лето ходили на пляж? Я так вам завидую. Купаться рядом с фермой совсем не весело — да там вообще невесело, рядом с фермой! Там есть какие-то места для купания, но знаете, нет океана или типа того. А парни... о, Боже. Вы не поверите, что такие бывают. Они пахнут сеном, и неважно, сколько раз они примут душ или какой одеколон на себя выльют. Но знаете что? В Южном Иллинойсе они вырастают такими большими!

Стефани хихикает и просто идеально взмахивает волосами, что привлекает завистливый взгляд идущего рядом чирлидера. Я вижу, как она оценивающе рассматривает Стефани, пытаюсь решить, стоит ли приглашать ее на отбор в команду, который будет сегодня после уроков. Разве это не прекрасно? Стоило мне подумать, что Трейси бросила чирлидинг, чирлидинг запустил свои когти в Стефани.

— Розы, как твоя мама? Как Питер?

Я пытаюсь сочинить простой ответ на эти сложные вопросы, когда появляются Майк Даррен и Мэтт Хэллис, которые выходят из новенькой белой спортивной машины Мэтта. Они оба выглядят так же самоуверенно, как обычно, пока Майк не видит Стефани — он внимательно смотрит на нее, а потом спотыкается об свои же ноги. Он хватается за открытую дверь машины и пялится на нее, раскрыв рот и стараясь устоять на ногах.

Стефани, похоже, паникует, сразу же хватается за прядь своих длинных рыжих волос и накручивает ее на палец. Этот жест — практически единственное, что дает мне понять — Стефани, которую я знала всего пару месяцев назад, просто исчезла.

— Эй, Трейнер, как дела? Давно тебя не видел, — говорит он, пытаюсь скрыть свое удивление и замешательство. — Как там Айова?

— М-м, Иллинойс. Отлично. А ты хорошо провел лето?

— О, да, было офигительно. Ты пропустила классную вечеринку позапрошлым вечером, — говорит он, как будто вечеринка плавательной команды, где чуть не утопили Конрада, была важнейшим событием его лета. Не понимаю, как Стефани могла встречаться с Майком, так же, как не понимаю — как Трейси могла встречаться с Мэттом.

— Да, было убойно. Роуз лучше всех провела время, — говорит Мэтт, а его взгляд прикован к длиннющим голым ногам Стефани. Трейси раздраженно вздыхает. — Любишь хорошо проводить время в воде, да, Роуз?

— Розы, ты занялась плаванием? — спрашивает Стефани.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Когда Мэтт чуть не падает от смеха, Стефани поворачивается ко мне с извиняющимся взглядом, понимая, что она попалась на крючок, но не совсем понимая, как именно. А Майк совсем запутался — смеяться ему вместе с Мэттом или встать на сторону Стефани.

Я оттаскиваю Стефани в сторону, чтобы рассказать ей, что произошло на вечеринке у Майка, когда замечаю машину Джейми. Он занимает свободное парковочное место недалеко от школы, которое мы почему-то пропустили — может, там был знак «занято» — а потом из машины выходят Джейми, Регина и Конрад. Конрад перекидывает через плечо большую сумку, как можно скорее уходит от них и один направляется к школе. Мне

становится нехорошо, когда я думаю, насколько отстойно одному приходиться в школу в первый учебный день в девятом классе, особенно, после того, что случилось в нем в пятницу вечером. Но я вспоминаю все, что он наговорил в машине Трейси, и мне делается легче.

Наблюдаю — побежит ли Регина за Конрадом, но она остается рядом с Джейми. Она могла бы взять его за руку — настолько близко они находятся друг к другу, когда вместе идут в школу.

Напоминаю себе, что я — та, у которой свидание с Джейми в субботу вечером.

Но возможно, у нее будет свидание с Джейми в пятницу вечером.

Словно почувствовав на себе чей-то взгляд, Джейми смотрит через плечо на парковку. Когда его глаза останавливаются на мне, он задирает подбородок и слегка улыбается. Не уверена, стоит ли поздороваться или помахать рукой или еще что-нибудь, и упускаю возможность сделать хоть что-то — пока я размышляю, он отворачивается.

Где 2.0, когда она так нужна?

— Господи, Роуз, ты все еще помешана на этом придурке? — говорит Мэтт. — Разве он не должен был окончить школу в прошлом году?

— Можешь подождать и начать быть дураком после обеда? Пошли, — говорит нам Трейси. Мы идем следом за ней, оставив Мэтта и Майка.

— Эй, Стеф, спасибо за письма и смски, которые были летом, — кричит ей вслед Майк.

Уши Стефани краснеют, но она отвечает ему:

— Да, Майк, кто бы говорил! Ты точно знаешь, как заставить девушку чувствовать себя особенной. — Затем она демонстрирует великолепный, завершающий разговор, взмах волосами и гордо удаляется на своей безумной танкетке, а мы с Трейси пытаемся за ней угнаться.

— Так что я пропустила этим летом? — с ухмылкой спрашивает Стефани. — Вам придется помочь мне это наверстать до звонка.

Я была занята выдумыванием ужасных событий поздними ночами, сохла по Джейми Форту и вела борьбу за поддержание моей привлекательности на мало-мальски среднем уровне — не скажу же я это вслух. А Трейси начинает краткий обзор ее лета. Входя в здание, мы окунаемся в море нравов старшей школы, нравится нам это или нет.

Все катится к чертям еще до начала первого урока.

Мы с Трейси и Стефани сидим рядом в кабинете английского. Входят Роберт и Холли.

— Роуз! Скоро прослушивание! Ты готова? — она перекрикивает очень громкие разговоры наших одноклассников.

Я решительно мотаю головой, чтобы дать ей понять — нет, вообще-то, не готова. Я настолько не готова, что это даже не смешно. Я могу подпевать «Моисею» снова и снова, но Патти Гриффин уж точно не ценится в театре мюзикла. Я не выбрала шестнадцать тактов из своей любимой популярной мелодии и не посмотрела видео, которое опубликовал театральный педагог, чтобы все могли ознакомиться с базовыми танцевальными движениями перед прослушиванием.

Короче, я все откладываю подготовку. Похоже, мой план — просто появиться и надеяться на свое вдохновение.

Не лучший способ достижения целей.

Пока Холли что-то болтает о том, как она абсолютно уверена, что у меня прекрасно получится, входят Мэтт и Майк. Майк прыгает на первое попавшееся свободное место, делая все возможное, чтобы не смотреть на Стеф, а Мэтт замирает, когда видит Холли. Роберт замечает, что Мэтт видит Холли, быстро тянется через свою парту, берет ее за руку и мягко тянет к себе. Холли, не имеющая понятия о том, что происходит, начинает объяснять Роберту, что они должны поработать со мной после школы, чтобы я смогла «реально зажечь» на прослушивании. Роберт кивает и вместе с тем осторожно усаживает ее рядом с собой, подальше от Мэтта, который так и смотрит на нее, будто хочет ее съесть.

— Кто это? — спрашивает Трейси.

— Это Холли, девушка Роберта.

Трейси открывает рот, даже не стараясь скрыть свой шок.

— Издеваешься? Откуда она взялась?

— Переехала из Лос-Анджелеса. Ее папа — киноактер, который преподает в Йеле. Они с Робертом познакомились на летнем шоу. Она милая, — ворчу я.

— Ну, похоже, ты свой шанс упустила, — поддразнивает меня Трейси, намекая на то, что Роберт с шестого класса на регулярной основе предлагал мне встречаться. — Завидуешь? Я завидую, но не в том смысле, который она имеет в виду.

У Холли идеальные волосы, идеальная кожа, идеальное лицо и идеальное тело. Сдается мне, она совсем не ненавидит зеркала. И сдается мне, что она вообще никоим образом не задумывается о зеркалах. Наверно, это совсем другая жизнь, если ты выглядишь, как Холли Тейлор. Или как Стефани Трейнер.

Практически одновременно раздаются вибрации и позвякивания множества сотовых, когда все достают их из сумок и рюкзаков, чтобы перевести в беззвучный режим — мы должны оставлять телефоны в шкафчиках на весь день. Мэтт, до сих пор стоящий в передней части класса, умудряется оторвать взгляд от Холли, чтобы проверить свой телефон. Когда он поднимает глаза, на его лице возникает странное выражение. Он поворачивается к Трейси со смущенной физиономией.

Когда в восьмом классе они впервые появились вместе, Мэтт смотрел на нее с обожанием. А потом, в прошлом году, он смотрел на нее так, будто она паразит, от которого он не может избавиться. После их расставания он вообще перестал на нее смотреть. Теперь он уставился на нее, словно должен что-то сказать, но не знает, каким образом.

Что-то в выражении его лица заставляет меня очень-очень сильно переживать за Трейси. Он ни за что вдруг не почувствует себя виноватым из-за событий прошлого года. Происходит нечто другое — нечто, готовое бурно развиваться.

Да, фантастический потенциал для первого учебного дня.

Кристин — уже одетая для чирлидерской тренировки, с паникой в глазах и бешено качающимся «конским хвостом» — мчит к Трейси и кладет на парту свой iPhone.

— Просто подумала, что ты должна это знать, — говорит она, а ее взгляд бежит по классу, останавливаясь на всех, кто смотрит в телефоны. Если бы я точно не знала, я бы сказала, что Кристин неловко из-за того, что она показывает Трейси.

Мэтт опускает голову и занимает место в конце класса, а меня начинает подташнивать. Трейси смотрит в телефон Кристин и замирает.

Я смотрю через ее плечо и вижу фото на странице Facebook. На фото список имен, написанных на двери туалетной кабинки, а сверху стоит сегодняшняя дата. Под датой слова: «Топ-10 шлюх Юнион Хай» и 10 имен. Трейси, у которой за всю жизнь был один парень —

парень, который сейчас сидит в конце класса и не может посмотреть ей в глаза — под номером 1.

Беру телефон и проматываю вверх, чтобы посмотреть, чья это страница. Она принадлежит YouTube-шпиону, который выложил унижительный танец Трейси и Кристин после встречи выпускников в прошлом году, но он еще и снял то, что в тот момент я считала одним из похвальнейших моментов моей жизни: как я набросилась на Регину на беговом отборе.

YouTube-шпион должен быть девочкой, потому что под фото есть подпись: «3 этаж, 2 кабинка женского туалета». А может, это парень, который наловчился хитрым путем проникать в женский туалет, что само по себе противно.

Есть некая ирония в том, что YouTube-шпиону нужна страница на Facebook. Похоже, не все социальные сети созданы равными. А еще меня восхищает, что кто-то успел написать список на туалетной кабинке, который уже сфотографировали и выложили на Facebook. Учебный год еще даже не начался.

— Ты же придешь на отбор сегодня, да? — обеспокоенно шепчет Кристин. Трейси не может оторвать взгляд от телефона. — Ты нам, правда, нужна. — Трейси по-прежнему не отвечает, и Кристин вздыхает. — Это всего лишь список шлюх. Это ничего не значит.

Трейси поворачивается ко мне с чуть раскрытым ртом. Потом она говорит:

— Кристин, если это ничего не значит, зачем ты мне его показала?

Кристин занимает оборонительную позицию:

— Как я и сказала. Просто подумала, что ты должна знать.

— Это было супер мило с твоей стороны. Лена тоже думает, что я должна это знать?

Кристин кажется виноватой, когда выхватывает свой телефон, круто разворачивается и драматично падает на свободный стул.

— Трейс, просто приди сегодня, ладно? Ты нам нужна. Ты лучше всех танцуешь.

Трейси медленно оборачивается на стуле, глядя на Мэтта своим самым испепеляющим взглядом. Он кажется по-настоящему огорченным, что меня удивляет. Она садится прямо и собирается мне что-то сказать, когда раздается звонок и быстрым шагом входит знаменитый красавчик мистер Кэмбер.

Каждый год как минимум две — три девочки, а иногда и мальчик, попадают в неприятную ситуацию из-за того, что пишут Кэмберу любовные письма в День Святого Валентина. Теперь это уже практически традиция «Юнион Хай». Я слышала, что в прошлом году он получил три письма, включая одно поддельное, которое кто — то написал от имени мисс Масо — всем бы хотелось, чтобы Кэмбер ее куда-нибудь пригласил, потому что они оба очень хорошо выглядят и были бы отличной парой.

Чтобы сохранять дистанцию, Кэмбер обычно жесткий и бескомпромиссный, не тратит ни секунды на болтовню или дружеское общение. С нами он переходит прямо к делу — никаких приветственных речей, никаких «это должен быть отличный год, ребята», ничего. Пока пишет на доске свое имя, он начинает говорить:

— Если вы забыли убрать телефон в свой шкафчик, отдайте мне его сейчас или я оставлю вас после уроков в ту же секунду, когда он зазвонит. Я имею в виду именно это — в ту же секунду, когда он зазвонит.

Когда Кэмбер отворачивается, чтобы убрать со стола стопку учебников, ко мне поворачивается Трейси с широко раскрытыми глазами. Я еле слышно шепчу:

— Ты в порядке? — Она отвечает так же:

— А ты? — Я реагирую на это своим самым смущенным выражением лица. Она отвечает мне тем же. Потом она указывает на себя и поднимает один палец, указывает на меня и поднимает два пальца.

В первую секунду я не представляю, что она хочет этим сказать. И вдруг, в один миг душераздирающей ясности, я понимаю.

Номер 2 в списке «Топ-10 шлюх Юнион Хай»?

Я.

Кэмбер с грохотом кладет книгу из его стопки на мой стол. Она называется «Когда я умирала».

Мой сотовый — а я забыла отключить звук, потому что это мой первый день в школе с телефоном — пищит в сумке, оповещая о появлении чего-то. Уверена, что это смс от мамы с дополнением к записке, которую она мне оставила, и пожеланием отличного дня.

Кэмбер озирается в поисках преступника и выглядит удивленным, когда видит, что у меня одной виноватое выражение лица.

— Какое фантастическое начало, мисс Царелли. Увидимся после школы для первого оставления после уроков в этом году. Добро пожаловать обратно.

Спасибо. Просто великолепно здесь находиться.

Обычно после уроков оставляют на сорок пять минут, но когда Кэмбер взял мой телефон и спросил меня — единственного ученика из всех его классов, который умудрился заработать это наказание в первый учебный день — почему я притащила «эту дурацкую штуковину» в класс, я объяснила, что раньше у меня не было сотового и я не привыкла к правилам «Юнион Хай». Он протянул мне телефон и сказал, что я могу идти.

— Я слышал кое-что хорошее о вас, мисс Царелли, — говорит он, и это звучит нарочито по-полицейски — на всякий пожарный, если я подумаю, что он хорошо ко мне относится. — Надеюсь, это правда. Увидимся завтра.

Это приятнейшая вещь, которую мне сегодня сказали. Конечно, это неудивительно, учитывая, что меня множество раз называли «Шлюха № 2» самые отъявленные подонки «Юнион Хай» — за исключением Мэтта. Мэтт был необыкновенно молчалив и неспособен посмотреть в глаза мне или Трейси, а это, насколько я понимаю, значит, что за списком стоит его девушка Лена.

Дело в том, что Кристин, на самом деле, была в чем-то права — это просто список шлюх. Такой есть в каждой старшей школе, и он вряд ли имеет что-то общее с реальностью. Их обычно пишут девчонки, которые пытаются разрушить репутацию других девчонок или рассорить пару, заставив парня думать, что его девушка тусуется с целой футбольной командой. Давайте лучше не будем касаться этих двойных стандартов. Парни делают все, что хотят, а девушку называют шлюхой за... ну, в моем случае, поцелуи.

Уверена, что Лена включила меня в список за все неприятности, которые я причинила Регине. Хотя, по правде говоря, она должна меня благодарить. Ведь я — причина того, что она стала капитаном в этом году. Если бы не я, она бы так и оставалась одной из чирлидеров.

Отстойно быть в списке. Это уже наталкивает на прозвище, которое потенциально может приклеиться ко мне на весь оставшийся год. Но, честно говоря, после того, как меня

называли «Сучка 911» половину прошлого года, и это было написано на каждой парте, где я сидела, несколько раз услышать в коридоре «Шлюха № 2» — не такое уж большое дело.

Тем не менее, «Шлюха № 1» — это даже не большое, а огромное дело.

Трейси провела день с гордо поднятой головой, игнорируя скандирование «Номер один! Номер один!», преследовавшее ее в коридорах. Но я несколько раз отводила ее в туалет, чтобы она поплакала. А когда я пыталась сказать ей, что список ничего не значит, она выходила из себя, говоря: «Конечно, Роуз, ты думаешь, это ничего не значит. Ты ни с кем не спала. А если бы спала, ты бы намного больше расстроилась, уж поверь мне».

Понятия не имею, правда это или нет. Может, и правда. А может, у меня совсем другое восприятие из-за того, через что я прошла в прошлом году. Однако, как бы то ни было, я решила держать рот на замке до конца дня. Я даже не прыгала от радости, когда она сказала, что теперь ни в коем чертовом случае не вернется в чирлидинг.

Выйдя из кабинета Кэмбера, я включаю телефон и вижу сообщение от Трейси — она ждет меня в машине, если я хочу поехать домой после своего наказания. Я иду по лестнице и сквозь огромное окно вижу футбольное поле за крышами учительских автомобилей, до невозможности зеленое и заполненное спортивными командами. Вижу команду по кроссу, бегающую вокруг поля для разминки, и задумываюсь — может быть, я должна быть среди них? Хотел бы папа видеть меня там, особенно после того, как я не попала в команду в прошлом году?

Чувствую угрызения совести из — за того, что больше не бегаю, а потом думаю о письме Вики, где она желала мне удачи в первый учебный день. Она написала: «Будь тем, кем хочешь ты, а не тем, кем хотят тебя видеть другие». В тот момент мне представлялось, что это всего лишь третьесортный совет, который она взяла из открытки, поздравляющей с первым учебным днем. Но теперь я, вроде бы, понимаю смысл. Легко продолжать что — то делать лишь потому, что другие от тебя этого хотят, даже если ты сам уже не хочешь.

Не могу перестать смотреть на изумрудно-зеленое поле. Оно выглядит как в кино о самой идеальной старшей школе в мире. Люди на нем в идеально сидящей спортивной форме живут идеальной жизнью старшеклассников. Они находятся именно там, где должны быть, и делают именно то, что должны делать. А я? Я уже стала первой, кого оставили после уроков в этом учебном году, и попала в список шлюх. И что же именно я должна делать?

Петь.

Но если певец поет только, когда его никто не слышит, разве это настоящий певец?

Я спускаюсь по лестнице и открываю входную дверь как раз в тот момент, чтобы увидеть, как Джейми и Регина направляются через учительскую стоянку к парковке торгового центра — снова вместе. На меня накатывает волна расстройства — я не общалась с Джейми с тех пор, как он приезжал к дому Трейси.

За последние несколько дней было около пятнадцати разных моментов, когда я собиралась отправить ему сообщение. Но я супер усердно трудилась, чтобы себя отвлечь, и не сделала этого. Если Джейми хочет меня пригласить, он позвонит мне и расскажет, какой у него план.

Я вижу, как они остановились и смотрят друг на друга. Так повелось, что когда я вижу Джейми и Регину вместе, я так ревную, что не могу даже смотреть прямо на них. И я по-прежнему ревную, но по-другому. Потому что в Регине что — то изменилось. Она кажется... побежденной или типа того. Она может продолжать давать всем жару и пугать людей, но я могу сказать — что-то в ней не так.

На первый взгляд кажется, что Джейми и Регина вместе смеются, и я чуть не отворачиваюсь. Но они не смеются — они спорят.

Затем я осознаю кое-что еще. За ними наблюдаю не только я.

Конрад настолько поглощен происходящим между Джейми и Региной, что не замечает меня, стоящую за три метра от него и видящую, что он наблюдает за ними. Он приседает и грызет ноготь, а до нас долетают обрывки из разговора. Слово здесь, слово там — недостаточно, чтобы догадаться, о чем они говорят.

Джейми что-то говорит, но Регина срывается с места, шагает через парковку и вверх по склону к торговому центру, оставив его там, где он стоит. Его руки сжимаются в кулаки, и он так смотрит на рядом стоящую машину, будто хочет по ней стукнуть. Интересно, здесь ли Энтони — возможно, он ждет Регину, а Джейми из — за этого сходит с ума от ревности.

Хотя я чувствую, что это не так — я вижу здесь не ревность. Жду, чтобы посмотреть, пойдет ли он за ней, но вместо того, чтобы пойти вверх по склону, он отворачивается и направляется к футбольному полю. Я знаю, что он идет не на тренировку, поскольку его официально исключили из спортивных команд «Юнион Хай» два года назад. Понятия не имею, куда он идет.

Опять смотрю на Конрада и замечаю, что он следит за Джейми, а не за Региной. Предполагаю, что Конрад последует за ним, возможно, чтобы сказать ему пару ласковых, но он остается на месте, пока Джейми не скрывается из вида, а потом встает и облакачивается на машину, за которой прятался. Он закрывает глаза, опускает голову, делает несколько глубоких вдохов, затем идет в мою сторону, к бассейну. Я пригибаюсь, и он проходит совсем рядом, не заметив меня.

Конрад кажется совсем не похожим на того человека, который тем вечером смотрел волком и изрыгал яд на заднем сидении машины Трейси. На нем голубые джинсы, синяя футболка и красные конверсы — ничто из этого не привлекает к нему внимание, в отличие от причудливых мокасин. И он выглядит таким несчастным, что это практически причиняет боль.

Наверно, он переживает из-за того, что случится, когда он явится на тренировку в первый учебный день. Честно говоря, я несколько впечатлена тем, что он туда идет. Думаю, я бы не смогла после таких событий на вечеринке.

Интересно, какими были отношения Джейми с Конрадом, когда он жил у Деладдо. Тем вечером Конрад злился на Джейми, но Джейми не воспринимал это всерьез, словно знал, что нужно просто переждать. Возможно, Джейми для Конрада как старший брат, и Конрада поражает, что Джейми и Регина больше не вместе.

Как только Конрад исчезает из поля зрения, мне требуется полсекунды, чтобы принять решение пойти за Джейми.

— Джейми, — зову я, задыхаясь, потому что бежала, чтобы его догнать, а я вообще не бежала с весны. Когда он оборачивается, сначала кажется злым, потом его лицо становится менее строгим, и он улыбается. Он по-настоящему улыбается. Яркий солнечный свет золотом отражается в его волосах и глазах, а я представляю, что могла бы выжечь его изображение в своей памяти и смотреть на него, когда захочу.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я. — Поздравляю с первым днем в последнем классе.

— Спасибо, — несколько удивленно говорит он, как будто до него раньше не доходило, что он в последнем классе.

Его взгляд блуждает по моему лицу, изучая меня, и это заставляет меня думать о том, как он прижимал меня к машине и целовал. Трясу головой, чтобы прогнать эту мысль, беспокоясь, что по выражению моего лица он поймет, что я думаю о самом сексуальном событии всей моей жизни.

— М-м, я видела тебя с Региной. Мне показалось, вы ссорились.

— Просто разговаривали, — сделав паузу, говорит он.

— Я ничего... не слышала. Если тебе интересно.

Он не говорит, интересно ему или нет.

Я думаю, что, возможно, пора начать использовать прямой подход к Джейми Форта.

— Что с ней происходит? — В сумке пищит телефон. — Извини, — говорю я, быстро достаю и смотрю на него. Это Трейси. Она пишет: «Нужно с тобой поговорить». Я кладу телефон обратно в сумку. — Ты не должен говорить мне сейчас, если не хочешь. Можешь сказать в субботу.

Я сейчас ткну себя в глаз. Я не собиралась говорить о субботе — ни единого слова. Теперь это звучит так, будто я ему напоминаю. Или выуживаю информацию.

— Роуз, смотри... я работаю в субботу.

Разочарование тяжестью наполняет мою грудь. Не уверена, почему мое первое побуждение — сделать вид, что меня это не волнует, вести себя так, словно он только что не пренебрег мной — снова. Думаю обо всем этом высказывании правды, которому я научилась на терапии. Интересно, какого черта я не могу применить это здесь.

— У тебя есть работа? — спрашиваю я так буднично, насколько это возможно.

— Да. И некоторое время я буду работать почти каждый вечер. Но скоро я собираюсь освободить пятницу или субботу.

Я смотрю на свои ноги, втиснутые в балетки, и воображаю, что если бы я только надела ботинки, этого бы не случилось. Пока я заключаю с собой пакт о ненадевании балеток, в мое поле зрения попадает рука Джейми. Я чувствую, как его теплые пальцы поднимают мой подбородок, чтобы заставить меня смотреть ему прямо в глаза.

— Я задолжал своему папе, когда меня арестовали.

Интересно, мои родители потребовали бы, чтобы я вернула им долг, если бы оказалась за решеткой? А еще интересно, что произойдет, если я прямо сейчас поцелую Джейми. Естественно, эти две мысли не связаны между собой. Мне очень трудно думать головой, потому что я все еще чувствую прикосновение Джейми на своей коже.

— Прости, — говорит он.

— Ого, два извинения за четыре дня. — Пытаюсь вызвать в себе ту бойкость, которая появилась той ночью, но при свете дня это не так-то просто. Похоже, я слишком стараюсь. — Если честно, я все равно не думала, что мы с тобой поужинаем.

— Мне просто нужно несколько недель, — говорит он.

Мой телефон снова пищит.

— Мне надо идти. — Часть меня хочет взять свои слова обратно — мое общение с Джейми происходит настолько редко, что я не должна первая его заканчивать. Другая часть меня горда собой.

Джейми кивает.

— Увидимся, Роуз.

Ухожу раньше, чем уходит он, и пока иду по склону к парковке для учеников, заставляю себя досчитать до тридцати, прежде чем обернуться. Он идет мимо дальней стороны беговой

дорожки, где в прошлом году я выясняла отношения с Региной. Благодаря ему меня не выгнали из школы. Благодаря ей у меня остались шрамы на предплечьях и голених.

Когда я подхожу к машине Трейси, в которой нет Трейси, я отправляю ей сообщение и взбираюсь на капот. Пока я жду, открываю «Фото» на телефоне — моему мозгу нужно отвлечься от попыток осмыслить случившееся. Я продвинулась уже больше, чем на полпути, в удалении фотографий брата. Когда я только начинала, я по-настоящему рассматривала каждое фото, но теперь я их просто пролистываю. Удалить, удалить, удалить.

Я уже готова удалить № 503, но останавливаюсь, засомневавшись в том, что я вижу.

На фото Питер и Аманда склонились над журнальным столиком с соломинками в руках, как будто собираются пить из одного стакана. Но только стакана там нет, а соломинки наполовину короче, чем должны быть. Не совсем понятно, что они делают — их лица частично закрывает чья-то рука, которая влезла в кадр — но тот, кто видел такое в фильмах, сможет справиться с этой загадкой.

Не тратя время на раздумья, я звоню Питеру. Я шокирована и обеспокоена, и мне нужно услышать его голос. Гудки идут и идут, и прямо перед переходом в режим автоответчика, Аманда берет трубку.

— Роза, привет, это Аманда! Как дела? — выпаливает она. Слышу голос Питера, говорящего, как правильно произносится мое имя. — О-о-ой, прости. Роуз. Что случилось, милашка?

Боже, я ненавижу эту девушку. Я стараюсь не ненавидеть людей, но ее я ненавижу.

— Могу я поговорить с моим братом?

— Он не может прямо сейчас говорить, — она лжет.

— Он там. Я слышу его.

На секунду в трубке раздается шуршание, как будто она прикрывает ее рукой. Я слышу их смех, а потом... вот и он. Странно слышать его голос после того, как мы некоторое время не общались.

— Привет, Роза.

Я вдруг понимаю, что не знаю, как поднять тему с этим фото. Мне хочется, но слова просто не приходят в голову. А что, если на фото не то, что я думаю, и я окончательно опозорюсь?

Слышно, как Аманда подпевает чему — то, что я не могу разобрать. Естественно, поет плохо.

— Как дела? — спрашивает Питер. Он говорит осторожно, словно очень старается, чтобы его речь была нормальной. В трубке снова немного шуршит, а затем я слышу, как он выдыхает и говорит: — Спасибо, детка. — Он что-то курит.

— Первый день в школе, — быстро говорю я, потому что больше сказать нечего.

— О, точно. Зашибись! Аманда, у нее сегодня первый день в школе, — говорит он ей, и она издает свое раздражающее: «О-о-о-о-о!». — Как он прошел?

— Эм... закончился. Все было хорошо.

— Здорово.

Не знаю, почему мне требуется мужество, чтобы заговорить об этом с братом. Задумываюсь, какой реакции хотел бы от меня папа. Ему бы хотелось, чтобы я просто сказала это вслух, просто спросила у Питера, что происходит. Думаю, что готова это сделать, но передо мной возникает Трейси, подпрыгивающая от возбуждения. Ее счастливый вид несколько смущает, поскольку сегодня я не раз видела ее в слезах.

— С кем ты разговариваешь? — спрашивает она.

— С Питером.

Ее глаза становятся огромными, и она выхватывает у меня телефон, а я не успеваю ее остановить.

— Питер! Это Трейси! — пронзительно кричит она. Слышу, как он смеется, и это вызывает смех и у нее. — О, Господи, это был самый ненормальный первый день. Ты не поверишь, что случилось. — Она продолжает хихикать, когда Питер что — то говорит, отходит от меня на несколько шагов и ходит кругами, перебирая свои волосы. Потом она смотрит на меня. — Я буду, конечно, буду. Но у нее все хорошо. За нее больше не переживай, и за меня тоже. Теперь мы в десятом классе. Хотя мы обе сегодня попали в список шлюх.

— Трейси, зачем ты ему рассказываешь?

— Это вообще отлично, — добавляет она, игнорируя меня, — потому что у меня есть секретное оружие. Пусть даже я не могу тебе сказать, какое. Совсем скоро узнаешь. Ладно... ладно, пока, Питер.

Она наконец-то отдает мне телефон.

— Привет, — снова говорю я в трубку. — Питер? — Тишина.

— Ой, извини, Роза, ты еще с ним говорила? Он, наверно, подумал, что ты все сказала.

Я должна перезвонить ему и спросить об этой фотографии, но я не могу. Просто не могу. Что я скажу? Что он ответит? А если он скажет мне правду — чего он, возможно, не сделает — что мне тогда делать?

Рассказать маме?

Рассказать Трейси?

Не хочу, чтобы она перестала его уважать.

И не хочу сама перестать его уважать.

— О чем вы говорили? — спрашиваю я.

Она достает свой телефон и показывает мне нечто похожее на сайт, посвященный моде. Наверху страницы надпись «Список шика». Под ним супер гламурная фотография Трейси, которую я ни разу не видела.

— Что это, Трейси?

— Это проект, с которым ты мне помогала. С него начнется моя модная карьера.

муза(сущ.): что-то или кто-то, одаривающий вдохновением.
(см. также: мудрый и проникательный Холли Тейлор)

— Приветствую, приветствую, приветствую вас всех на прослушивании для «Что бы ни случилось»! Знаю, что вы волнуетесь, но если вы только сможете немножко приглушить общий тон, мы сможем начать и успеем домой как раз на «Хор». — Когда никто не замолкает, мистер Доннелли добавляет: — Ладно, ребятки, «немножко приглушить общий тон» — это вежливая форма фразы «закройте свои рты»!

Это срабатывает — все перестают разговаривать. Стефани так нервничает, что вся трясется. После седьмого урока она подошла ко мне около моего шкафчика и сказала: «Я думаю, что пойду на прослушивание! Можно с тобой?», и всю дорогу до актового зала она в буквальном смысле говорила без остановки. Когда мы пришли, она, вроде бы, перестала болтать, но зато начала трястись. Я это чувствую через свое кресло. Я сжимаю ее руку, стараясь ее успокоить, но она пристально смотрит на мистера Доннелли с таким видом, будто он серийный убийца.

Понятия не имею, что Стефани приготовила для сегодняшнего прослушивания. Я даже не знаю, умеет ли она вообще петь. Но я в той же мере не знаю, умею ли я петь.

То есть, я думаю, что умею. Но что, если больше никто так не думает?

Я умею. Знаю, что умею.

И я настолько готова, насколько вообще могу быть. Я посмотрела видео с движениями чечетки, перестала постоянно петь «Моисея» и репетировала шестнадцать тактов песни «Будь итальянцем» из мюзикла «Девять» не только в душе, но и перед зеркалом. Я перестала это делать, когда поняла, что это совсем не помогает моим отношениям с зеркалами.

А разве кто-то выглядит нормально, когда поет? Может, вопрос в другом — нормально ли выглядеть странно, когда поешь?

Благодаря Холли, которая по электронной почте предложила быть моим личным наставником — возможно, после того, как Роберт сказал ей, что она не должна тратить свое драгоценное время на подготовку, помогая мне — у меня даже появилась запасная песня, на случай, если меня вызовут обратно на сцену и попросят исполнить что-нибудь еще. Холли сказала, что это многое решает.

Конечно, есть вероятность, что это многое решает для Холли, но ничего не решает, скажем, для меня.

Но если я буду честна и по — настоящему искренна перед собой, я могу сказать — думаю, я пою довольно хорошо. И чувствую себя при этом тоже хорошо.

Странно, но я должна благодарить за это список шлюх.

Секретный проект Трейси перестал быть секретным, и он абсолютно потрясающий. Это модный блог, и изначально он должен был называться «Très Chic/Трейси». Но когда безумие из-за списка шлюх прошло, Трейси не вернулась в туалет, чтобы еще немного поплакать, а придумала блестящую идею. Она отправилась к преподавательнице по бизнесу и маркетингу за консультацией по поводу пиара. Преподавательница сказала ей, что лучший поступок в подобных ситуациях — «взять движение под контроль» и «создавать историю». Трейси рассказала ей о сайте, а учительница помогла ей додуматься до «Списка шика», что было

пародией на список шлюх.

Блог просто шикарный. Трейси фотографирует понравившиеся ей образы людей в школе и анализирует, как каждый отдельный предмет делает свой вклад в общий вид. А потом она использует все эти фото из журналов, которые мы сканировали, чтобы показать, почему определенные элементы стали удачным выбором. Так, например, фото Стефани оказывается совсем рядом с отсканированным фото из Vogue, где на модели супердорогие туфли, имеющие сходство с туфлями Стефани. Она использует работы профессиональных фотографов и стилистов, чтобы показать, насколько у ее друзей сильны модные инстинкты. Это гениально.

Я помогла Трейси с технической частью и сказала ей, что нужно добавлять к фотографиям авторские сведения, сообщающие, откуда она взяла каждое фото и кто фотограф, чтобы у нее не было проблем. А теперь у меня есть своя должность на сайте: «Шеф-редактор/Дизайнер».

Трейси запустила сайт, объявив об этом всему нашему классу на Facebook, в Твиттере и рассылке по электронной почте. Тема письма была: «От Шлюхи № 1: в городе новый список». Я помогла ей переделать текст письма, добавив несколько «нецензурных» слов, которые заставят большую часть Юнион Хай зайти на словарный сайт Dictionary.com. Окончательная версия письма:

«Объявляю о создании Списка Шика, сайта, призванного хвалить тех, чье чувство моды восхитительно, и напоминать прочим умникам, что в жизни есть нечто большее, чем список шлюх — например, мода! Искусство! Красота! Самовыражение! Каждый день Список Шика будет выявлять стильных, невероятных, мятежных. Кто знает? Может быть, однажды это будешь даже ТЫ...

Вопросы? Пишите мне. Но не просите меня разместить вас на моем сайте. Просто найдите общий язык с вашим дизайнерским «я», и я сама вас найду.

Ненавистники, вы ответа не получите.

Нажмите здесь, чтобы перейти в знаменующий начало Список Шика СЕЙЧАС.

Добро пожаловать в шик, Юнион Хай».

Первый пост в «Списке Шика» демонстрировал Стефани и ее потрясные туфли, и Холли с Робертом, с ног до головы одетых в черное. Народ сошел с ума.

За несколько часов почта Списка Шика переполнилась письмами от людей, сообщающих Трейси, что она должна взглянуть на них завтра, потому что они собираются надеть нечто абсолютно офигенное. Было даже письмо от YouTube-шпиона: «Дай знать, когда будешь готова для собственного шоу. Я знаю нужных людей».

Не было ни единого плохого или подлого письма — или упоминания списка шлюх. Ни единого. Как будто он никогда и не существовал.

Трейси совершила пиар — подвиг эпических масштабов. Из Шлюхи № 1 она за один вечер превратилась в крутейшую знаменитость Юнион Хай. Теперь старшекласники здороваются с ней в коридорах, только чтобы она заметила, в чем они одеты. А я горжусь, что сыграла маленькую роль в ее успехе.

Так что — да, сегодня я довольно хорошо себя чувствую. Можно даже сказать, что я готова зажечь.

— Хорошо, народ! — говорит мистер Доннелли, хлопнув в ладоши. — Мы будем петь, потом перейдем к игре, потом — к танцам. — Он опускает взгляд на свой планшет и закладывает ручку за ухо. — Митчелл Кляйн? Ты готов?

Митчелл поднимается по ступенькам на сцену, где поет фрагмент песни из «Что бы ни случилось» под названием «Это несравненно». Сразу же выхожу из себя — это моя запасная песня. Я кручусь на своем месте, чтобы увидеть Холли, которая так возбуждена из — за прослушивания, что практически выпрыгивает из кресла. Она машет мне и показывает поднятые большие пальцы, а ее белые зубы блестят, как в рекламе жевательной резинки.

Роберт, сидящий рядом с ней, сгорбился в своем кресле, на шее у него намотан красный шарф, а взгляд как лазерный луч направлены на Митчелла Кляйна. На долю секунды он смотрит в мою сторону и слегка мне кивает, а потом возвращается к созерцанию Митчелла, у которого, как выяснилось, более приятный голос, чем я могла ожидать.

К концу песни Митчелл выглядит чрезвычайно довольным, а когда он садится на свое место, бросает самодовольный взгляд на Роберта. Я почти слышу, как Роберт скрипит зубами, словно ему пришлось глотнуть серной кислоты. Роберт крепко завязал свой шарф, и до меня вдруг доходит, что в этом году я не видела, чтобы он курил. Должно быть, бросил.

Забавно — никогда не думала, что Роберт бросит курить ради чего-то. Или ради кого-то.

После нескольких человек, которые не могут пробраться через свои шестнадцать тактов — потому что они или хихикают, или сбиваются с ритма, или просто находятся в прострации и замолкают перед всеми — мистер Доннелли вызывает: «Стефани Трейнер».

Кажется, что тишина обрушивается на зал, когда Стефани поднимается с места, высокая как супермодель в своих туфлях на платформе, ее рыжие волосы блестят, а щеки от волнения покрылись румянцем. Она идет, немного спотыкаясь, потому что у нее трясутся ноги, затем останавливается, делает глубокий вдох и тут же отбрасывает свою нервозность. Я просто вижу, как это происходит. Как будто она решила, что хватит уже волноваться, и нервозность исчезла, оставив после себя в высшей степени уверенное создание в супермилом наряде, которое чувствует себя как дома на океанском лайнере, где и происходит действие «Что бы ни случилось».

Я смотрю на свою обрезанную джинсовую юбку и футболку с певицей Файст и понимаю, что мой наряд — не то, что нужно для успеха. Если только мистер Доннелли вдруг не окажется фанатом Файст.

Стефани поднимается по ступенькам на сцену, прочищает горло и, не представляясь и не позволяя даже мистеру Доннелли спросить: «Что ты нам сегодня споешь?», начинает петь а капелла песню Тейлор Свифт «Мой».

И это звучит потрясающе.

Абсолютно, шокирующе потрясающе. Не то, чтобы она пела как Тейлор Свифт — скорее, даже наоборот. У нее собственное звучание, как будто это ее песня. Уверена, что ее слышно даже на улице и уж точно за пределами актового зала. Она выглядит такой счастливой, такой естественной, что мистер Доннелли забывает остановить ее после шестнадцати тактов, и она снова поет припев. Когда она заканчивает, весь зал визжит так, словно на сцене стоит настоящая Тейлор Свифт.

Когда она возвращается на свое место, «дав пять» практически каждому в зале, я наклоняюсь к ней и говорю:

— Не знала, что ты можешь так петь!

Она хихикает, перекидывает волосы через плечо и отвечает:

— Я тоже!

Мне приходится очень сильно бороться с раздражением из-за того, что моя подруга

этим летом магическим образом трансформировалась в богиню, в то время как я помогала жителям Юнион выбрать между оригинальным, обтягивающим и свободным кроем.

Когда аплодисменты смолкают, мистер Доннелли жизнерадостно вызывает: «Холли Тейлор — на сцену, пожалуйста». Холли вскакивает — она выглядит идеально в платье с цветочным узором и черных сапогах до колен. Она поднимается на сцену и говорит, как будто делала это уже миллион раз: «Всем привет! Я Холли Тейлор, и я новенькая в Юнион. Я недавно переехала из Лос — Анджелеса. Сегодня я спою «Всю ночь» Коула Портера, которую поет персонаж Хоуп в этом мюзикле. Надеюсь, вам понравится. Это одна из моих любимых песен».

А потом, само собой разумеется, Холли открывает рот и поет эту известную балладу красиво и завораживающе. Мистер Доннелли выпрямляется, его глаза горят — ясное дело, что он невероятно взбудоражен из-за того, что нашел не одну, а целых две, блестящих певицы за первые полчаса прослушивания.

Когда Холли возвращается на место, Роберт обнимает ее, целует в щеку и улыбается всем, излучая такую гордость, что становится неловко.

Каково это — иметь парня, который считает тебя величайшим, что есть в мире?

Мистер Доннелли встает, смотрит в свой список, и я уже знаю, что сейчас произойдет — он называет мое имя.

Я должна петь после Стефани и Холли. Фан-блин-тастика.

Я иду к сцене, и все вокруг становится немного неустойчивым. У меня все плывет в глазах и такое ощущение, что меня сейчас вырвет. Холли говорила, что если я начну нервничать, мне нужно просто представить, как будто я в своей спальне и пою сама себе. Но внезапно у меня возникает один из этих бредовых моментов — кажется, что на всех этих людей, сидящих в зале, падает балкон, раздавливает их, и вокруг сплошная кровь и конечности. Я трясую головой, чтобы избавиться от этой картины, и слышу, как мистер Доннелли спрашивает: «Что ты поешь сегодня, Роуз?» Я умудряюсь ответить, и он говорит: «А, «Девять». Отличный выбор! Начинай, когда будешь готова».

«Когда будешь готова» — никто и никогда не говорит это в прямом смысле. Если я буду ждать, когда буду готова, я простою здесь всю оставшуюся жизнь.

Я смотрю вниз, на пол, на случай, если мои одноклассники до сих пор раздавлены балконом, и начинаю петь. Получается слишком высоко и приходится начать заново. Мистер Доннелли говорит:

— Звучит неплохо, Роуз. Просто не торопись. — На этот раз начинаю ниже, а через несколько секунд забываю все слова.

Поднимаю взгляд и вижу Холли, на ее лице застыла улыбка, как будто она пытается оставаться позитивной, но на самом деле, она огорчена происходящим. Она начинает подсказывать мне слова, но я отвлекаюсь на Роберта, который даже не смотрит на меня. Он не отрывает взгляд от высокого потолка зала. Мистер Доннелли дает мне текст и говорит, чтобы начала еще раз. На этот раз я пою до конца, но понятия не имею, как это звучало, фальшивила ли я и так далее.

Когда мистер Доннелли улыбается и говорит: «Спасибо», я не могу понять этот тон. Вместо того чтобы спуститься со сцены и пойти на свое место, как нормальный человек, я просто выхожу через заднюю дверь со сцены в коридор. Меня не волнует, что я оставила свои вещи в зале — это не имеет значения, потому что я все равно планирую отказаться от своей личности и переехать в другой город.

Не могу поверить — я думала, что пение может стать моим будущим. Очевидно, что у меня нет будущего. Потому что я лох.

Я сползаю по стене и сажусь на пол, зажав уши руками, чтобы не слышать, как другие проходят прослушивание. Я закрываю глаза.

Не знаю, как долго я там просидела, когда почувствовала, как кто-то трогает меня за плечо. Открываю глаза и вижу мисс Масо, стоящую надо мной.

У мисс Масо темная кожа и карие глаза, и если бы Трейси следила за ней, могу поспорить, что она включала бы мисс Масо в Список Шика каждый божий день.

— Хочешь встать, или лучше я к тебе сяду? — спрашивает она. Когда я не отвечаю, она садится рядом со мной, держа стопку плакатов, на которых ярко — красным написано: «Тренируй толерантность, Юнион Хай! Никаких исключений!», а ниже: «Школьное собрание в понедельник, явка обязательна. Сообщите об этом на классном часу».

— Что это? — спрашиваю я.

— Ты была на вечеринке у Майка Даррена, да?

Я на секунду теряю нить разговора, потому что слышу, как Роберт поет песню из «Моей прекрасной леди». Он вкладывает всю свою душу — он ни в коем случае не позволит Митчеллу Кляйну играть с Холли. У него нет шансов. Я признаю это.

— Да, я была на вечеринке, — наконец говорю я.

— Слышала, что ты оказалась в бассейне.

— Было весело, — говорю я со всей холодностью, на которую способна.

— Скажи мне, что ты делаешь в этом коридоре? — спрашивает она.

— Я провалила прослушивание для мюзикла и чувствую, что не хочу туда возвращаться.

— Ты уверена, что провалила?

— Да, — говорю я.

— Ты говоришь неуверенно.

— Мне пришлось начинать сначала три раза, поэтому я вполне уверена, что я лоханулась.

— Роуз, знаешь, что я в тебе заметила с тех пор, как познакомилась с тобой год назад? Ты недоброжелательна — к самой себе. — Я чувствую, что она смотрит на меня, но я сейчас не готова взглянуть ей в глаза. — Ты же любишь слова, так? Подумай обо всех негативных словах, которые ты употребила по отношению к себе за один короткий разговор.

Я вздыхаю.

— Вы говорите, как мозгоправ моей мамы.

Мисс Масо даже не дрогнула.

— Ну, я надеюсь, это и твой мозгоправ тоже.

Пожимаю плечами.

— Прекрати быть недоброжелательной к себе, Роуз. В долгосрочной перспективе это может стать таким же саморазрушительным, как прием наркотиков, или голодание, или нанесение себе ран, или... Ты хочешь, чтобы я продолжала?

Я качаю головой.

— Я поняла.

— Хорошо. — Она встает, отряхивает свои джинсы и поднимает плакат. — Слушай, школа разбирается с тем, что случилось на вечеринке, отчасти потому что Конрад Деладдо — а он явно один из лучших спортсменов, которые учились в этой школе — ушел из команды по плаванию и никому не сказал, из — за чего. Раз ты оказалась с ним в бассейне,

ты можешь скоро оказаться в кабинете директора Чен. Я просто предупредила, ладно?

Ну, это несравненно. Я не болтала с директором Чен со времен последнего скандала, в котором была замешана. Не могу дождаться.

— Возвращайся туда и закончи прослушивание, Роуз. Даже если ты не довольна этим, по крайней мере, сможешь сказать, что прошла до конца.

Мисс Масо приклеивает надо мной плакат, наклоняется, чтобы прикоснуться к моему плечу, и исчезает на лестничной площадке, а стук ее сабо эхом раздается в коридоре. Пока я смотрю, как она уходит, думаю о том, что она всегда дает отличные советы, которым я никогда не хочу следовать.

Переживаю из — за того, как забрать сумку из зала, чтобы меня никто не увидел, и вдруг открывается дверь, и выглядывает Холли.

— Роуз! Сейчас начнем сценки! Давай быстрее!

Я качаю головой.

— Я не вернусь.

Холли выходит в коридор и потихоньку закрывает за собой дверь. Она протягивает руку, чтобы помочь мне встать.

— Пришлось начать сначала — ну и что? Ты отлично пела. У тебя такой крутой голос — он не похож на другие, знаешь? Как у... Не знаю... — Холли на секунду задумывается, глядя в потолок и перебирая браслеты на руке. — Как у олдскульной рок-звезды или типа того.

Вот оно.

Комплимент моему пению.

Самый первый.

Точно не знаю, что она имела в виду, но в этой Вселенной мне сделали комплимент. И я ощущаю его внутри себя, он словно расплывается, заполняя все пустые места — мою неуверенность в том, что делать дальше. Я настолько теряюсь в этом чувстве, что даже не обращаю внимания на то, что еще говорит Холли, и не шевелюсь, чтобы принять ее протянутую руку. Она неверно это истолковывает и встает передо мной на колени, а ее кожаные сапоги на пуговицах скрипят.

— Что-то не так? — спрашивает Холли и кладет свою руку поверх моей. Мои глаза наполняются слезами. А потом ее глаза наполняются слезами только из-за того, что я чуть не плачу. Она смеется, возможно, немного смущенная тем, что плачет со мной, хотя не знает, о чем мы плачем. А я не знаю, как объяснить ей, что она сказала потрясающие слова — естественно, она думает, что со мной что-то не так.

— Роуз, — спрашивает она, — это, м-м, из-за парня?

Есть что — то странное в том, как она это спросила. Она смотрит на меня, как будто уже знает ответ, но хочет посмотреть, скажу ли я ей правду. Поэтому, вместо того, чтобы попытаться объяснить ей, что она, настоящая певица, назвала меня настоящей певицей, я просто киваю. Это легче, чем придумать, как выразить свои чувства в этот момент.

— Это Робби? — спрашивает она, глядя на меня огромными, округлившимися и слезящимися глазами.

И виноватыми.

О нет. Нет, нет, нет. Я поняла, что сделал Роберт, даже не спрашивая ее. Но я все равно спрашиваю.

— Что он тебе сказал?

— Ну, я не хочу, чтобы тебе было неловко, но Робби сказал, что ты, м-м, влюблена в него, но он считает тебя кем-то вроде сестры. И поэтому мне интересно, тебя не беспокоит, что мы с ним вместе? То есть, надеюсь, что нет, Роуз, потому что ты мне правда нравишься. Но если тебе плохо, когда ты видишь нас вместе или говоришь со мной...

Я поднимаю руку, чтобы остановить ее.

— Это не Роберт. — Мне хочется назло ему добавить: «И никогда не был Роберт». Но у меня есть идея получше. Я лучше сейчас приму удар на себя, а Роберт будет мне должен — по-крупному — за то, что использовал меня, чтобы показать своей девушке, какой он особо желанный. Может быть, однажды, когда придет время, я расскажу Холли, что она встречается с патологическим лжецом.

Один из голосов в моей голове говорит, что это очень хороший способ повести себя с парнем, который помогал тебе на похоронах твоего отца, и девушкой, которая заметила твою индивидуальность.

Я приказываю ему заткнуться.

Дверь открывается снова, и на этот раз из нее высовывается голова мистера Доннелли.

— Ну что, дамы, готовы для крупных планов? Пора действовать, — говорит он, выжидающе глядя на Холли.

— Мы готовы, мистер Доннелли! — говорит Холли. Она вскакивает и снова протягивает мне руку. Я беру ее, и она тянет меня вверх с удивительной силой для того, кто размером с эльфа. Не успеваю я принять решение, стоит ли девушке с голосом олдскульной рок-звезды замораживаться с продолжением прослушивания для театра мюзикла, Холли тащит меня в зал. Дверь за нами захлопывается с драматичным глухим звуком, подходящим случаю.

На следующее утро Конрад поджидает меня около моего шкафчика перед классным часом. Я вдруг чувствую, что мой желудок будто завязывается в очень сложный морской узел. Я знаю, насколько ему не нравлюсь, поэтому уверена — что бы это ни было, оно не будет приятным. Меня злит, что я нервничаю перед разговором с девятиклассником, но это не просто какой-то девятиклассник. Это девятиклассник с острыми, как нож, боевыми навыками Деладдо.

— Должно быть весело, — говорит Трейси, поднимая свой телефон, делая фото Конрада и не обращая внимание на людей вокруг нас, которые пытаются не показывать вида, что позируют. Могу поклясться, что она делает около пятидесяти фотографий, пока мы идем из одного класса к нашим шкафчикам, а потом в другой класс. Сейчас мы идем по коридору, Трейси ориентируется, в основном, через камеру телефона, делая непрерывный поток снимков, и ни в кого не врезается, потому что людское море просто расступается перед ней. Она овладела искусством проделывать путь через толпу людей, шумно требующих ее внимания, не смотря на них, но все же умудряясь выглядеть грациозно и очаровательно.

Думаю, каждый бы сказал, что у нее талант.

Когда мы подходим ближе, Конрад отталкивается от моего шкафчика и поворачивается ко мне лицом, как будто мы сейчас будем выяснять отношения. Часть меня ожидает, что он достанет из-за ремня пистолет. К счастью, он лишь скрещивает руки на груди.

— Ты это сделала? — требовательно спрашивает он.

— Доброе утро, Конрад! — щебечет Трейси. — Как дела? — Она отвечает за него: — О, отлично, Трейси, спасибо, что спросила. Рад тебя видеть. Ой, да, большое спасибо, что пару недель назад отвезла меня домой после вечеринки — я очень тебе благодарен за это.

Конрад пялится на Трейси целых пять секунд.

— Закончила?

— Думаю, очко в мою пользу, — отвечает она.

— Ты это сделала? — повторяет он, глядя то на одну, то на другую, из нас.

— Сделала что? — спрашиваю я и тянусь через него, чтобы набрать код на своем шкафчике. Он указывает подбородком на один из плакатов мисс Масо, объявляющих о толерантном собрании, а дверца шкафчика открывается, и мне на ногу падают два учебника, точно подчеркивая мои ощущения от того, что разговор с Конрадом Деладдо — первая вещь, с которой началось утро.

— Если ты спрашиваешь, рассказали ли мы кому-то, что случилось с тобой на вечеринке, то нет, не сделали, — отвечает Трейси.

Я поднимаю книги и меняю их на те, которые мне нужны. Когда я захлопываю дверцу, вижу, что Конрад хочет услышать, что скажу я. Он выглядит слишком худым, и у него большие круги под глазами.

Трейси рассматривает одежду Конрада, и в этот момент я замечаю, что он одет по — другому, не так как несколько дней назад. Он не надел этот сливающийся с общей массой наряд «джинсы/футболка/кроссовки», в котором он был в первый учебный день. Его образ больше похож на то, в чем он был на вечеринке — голубая футболка — поло с поднятым воротником, красные джинсы-скинни и те самые мокасины, за которые так переживала Трейси.

— Спроси у мисс Масо про собрание. Это ее работа, — наконец отвечаю я.

— Откуда ты знаешь?

— Я вчера видела, как она вешает эти плакаты.

— Она что-нибудь говорила? — Он настолько напорист, что я делаю шаг назад.

— Привет, ребята! — Кристин в крутой блузке с цветами и супертемных джинсах с белой отстрочкой вприпрыжку бежит к нам по коридору, как будто мы ее самые дорогие друзья. Первый раз вижу Кристин не в чирлидерском костюме — если не считать ее костюм дьявольской феи на прошлый Хэллоуин — и это больше, чем за год. Она останавливается прямо перед нами, кладет руку на бедро и слегка отворачивается от камеры Трейси, чтобы на фото казаться как можно стройнее.

— О-о-о, отлично, Кристин. Блузка Rodarte? — говорит Трейси с неподдельным восхищением в голосе.

Когда Кристин пожимает плечами, Трейси тянется к ней посмотреть ярлычок, а потом крутит ее, постоянно поворачивая телефон, чтобы получились разные снимки. Должна признать, что Трейси — фотограф, дающий всем равные возможности. Если ей нравится одежда, она делает фото — и не важно, что перед ней за человек. Хотя я еще не видела, чтобы она снимала Лену или Мэтта.

Конрад слегка толкает меня в плечо.

— Соберись. Она что-нибудь говорила?

Его поведение в высшей степени раздражает — будто мы все здесь собрались, чтобы ему прислуживать. Но странным образом, я еще и под впечатлением. Он пытается контролировать ситуацию после случившегося с ним, а это очень сильно отличается от того,

что я делала в прошлом году.

Конрад старается быть совсем не таким, каким я его представляю.

— Она сказала, что ходят слухи о той вечеринке... — Он не дает мне закончить и перебивает.

— Могу сказать по выражению твоего лица, что это не все, что она...

Я перебиваю его в ответ:

— Ты хочешь знать или нет?

Несколько человек оборачиваются посмотреть, что происходит. Конрад смотрит на заинтересованные лица учеников, и на мгновение я вижу ребенка, в которого он превратился, когда его мама держала дверь открытой, ждала, когда он войдет, и недоумевала, почему ее сын рано вернулся домой и весь промок, а должен был веселиться на вечеринке. Конрад бормочет какое-то извинение, но сразу же делает небольшой саркастичный жест, показывая, что теперь слово предоставляется мне.

— Чен хочет выяснить, что произошло на вечеринке, потому что ты ушел из команды по плаванию. — Я секунду сомневаюсь, прежде чем добавить: — Хотя люди говорят, что ты лучший спортсмен, которого видела эта школа.

Я узнаю выражение лица Конрада. Думаю, что я, возможно, выглядела очень похоже, когда Холли сказала, что я спела как рок-звезда.

Если ты не привык к комплиментам, они реально запутывают тебя на минуту.

— Блин, — говорит он своим мокасинам.

Трейси выбирает этот момент, чтобы отойти на шаг от Кристин и сделать еще одно фото Конрада. Он поворачивается к ней.

— Что ты делаешь?

— Это для Списка Шика, — говорит она с интонацией «разве-это-не-очевидно?» — У тебя есть стиль, Конрад, хочешь ты это признавать или нет. Я хочу отметить тебя...

— Даже. Думать. Не. Смей.

— Это был бы отличный способ пересмотреть твой...

Звонок, сопровождаемый звуком захлопывающихся в унисон шкафчиков, заглушает ее последние слова, и это даже к лучшему, потому что Конрад готов превратиться в уродливую ведьму.

— Не говори ничего директору Чен, если...

Конрад замечает кого — то за мной и отталкивает меня. Он по — настоящему толкает меня рукой в плечо, чтобы убрать с дороги.

— Ты получил мое сообщение?

Поворачиваюсь посмотреть, ради кого Конрад бросил меня посреди предложения — это Джейми. Первый раз с прошлой весны я вижу его в камуфляжной ветровке. Мне нравится эта ветровка на нем — хочется проверить все карманы в поисках подсказок. Не надо было ему ее надевать.

Хотя и так неплохо.

— Да, мужик. Как дела? — говорит Джейми Конраду, и это звучит смущенно. Прежде чем Конрад отводит его в сторону, чтобы поговорить наедине, Джейми замечает меня и подмигивает. Это застает меня врасплох. Я пытаюсь быть 2.0 и подмигиваю в ответ, а это а) не то, что полагается делать, когда кто-то тебе подмигивает и б) выглядит супер-тупо, если ты не можешь нормально подмигнуть. А я не могу, как только что выяснилось.

Оказалось, я просто часто заморгала. К счастью, он этого не увидел, потому что уже

погрузился в разговор с Конрадом, который тыкал пальцем в плакат мисс Масо на стене.

— Грубый мальчик, — сказала Трейси, открывая свой шкафчик и убирая телефон в шикарный маленький чехол с леопардовым принтом, который она прикрепила с внутренней стороны дверцы.

— Он просто вышел из себя.

— Это не дает ему оснований, чтобы быть грубым. — Она проверяет свой макияж, глядя в зеркальце над чехлом, захлопывает дверцу, берет меня под руку и тянет меня в сторону класса, когда Джейми окликает меня:

— Роуз, подожди секунду.

Я поворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть охваченное яростью лицо Конрада. Он смотрит на меня с отвращением, хлопает шкафчиком за головой Джейми, рычит:

— Спасибо говорить не за что, — и гордо удаляется. Джейми запускает пальцы в волосы, словно он в растерянности. А потом направляется ко мне.

Трейси высвобождает свою руку из моей.

— Может, ты, наконец, выяснишь, когда у Его Высочества найдется на тебя время, — шепчет она и идет на урок Кэмбера, куда и я должна пойти, если не хочу, чтобы он еще раз оставил меня после уроков.

— Привет, — говорит Джейми.

— И тебе привет. — Тупо. Очень-очень тупо.

— Я тебя провожу, — говорит он. Мы идем по коридору и я чувствую, что краснею, не успев даже понять, почему. Мы не держимся за руки, никто на нас не смотрит и все такое, но это первый раз, когда меня могут увидеть с Джейми Форта в школе.

Мне приходится вести себя так, словно это ничего не значит, или же я окажусь величайшим ботаном в истории.

— У Конрада все нормально? — говорю я.

— Он думает, что собрание из-за него.

— Что он от тебя хочет?

Джейми качает головой и пожимает плечами. Он поворачивает к лестнице на второй этаж, и я следую за ним.

— Я думала... Я думала, что ты, наверно, не нравишься Конраду, или что он злится на тебя.

— Конрад всегда на меня злится.

— Но продолжает писать тебе сообщения, когда ему что-то нужно?

— Да.

— Повезло тебе, — шучу я.

Джейми ничего не говорит.

Мы стоим рядом с классом Кэмбера, и я вдруг осознаю, что не говорила Джейми, какой у меня следующий урок. Он поворачивается ко мне с таким серьезным выражением лица, что я понятия не имею, к чему это приведет.

— У меня свободная суббота, — говорит он.

— Ты сможешь?

— Ты свободна?

— Да! — говорю я.

Джейми слегка улыбается.

— Тебе не нужно свериться с твоим расписанием или еще чем-нибудь?

— Да. Нужно. Я сверюсь с моим расписанием и вернусь к тебе. — Я пытаюсь выдать смущение за дерзость, но это так же легко, как подмигнуть, когда у тебя не получается. Раздается еще один звонок, и Кэмбер выходит закрыть дверь.

— Мистер Форта, — говорит он в виде приветствия, переводя взгляд с меня на Джейми.

— Привет, Кэмбер.

— Готов к сегодняшнему? — демонстративно спрашивает Кэмбер.

Джейми кивает.

— Да.

— Хорошо, — отвечает Кэмбер. — Ты присоединяешься к нам, Роуз? — Должно быть, у меня странное выражение лица, потому что Кэмбер говорит: — Да, мисс Царелли, я не единоличная собственность десятиклассников, изучающих английский. Я учу и других школьников. — Кэмбер внимательно смотрит на меня поверх своих крутых очков, чтобы подчеркнуть смысл сказанного.

Очки Кэмбера с недавних времен кажутся мне подозрительными. Думаю, он носит их, потому что пытается быть менее привлекательным для учеников. Однако, глядя на группу горячих одиннадцатиклассниц, которые только что проплыли мимо и помахали ему, но добились лишь сердитого взгляда, который заставил их отбросить назад выпрямленные волосы и засмеяться, мне кажется, что ему нужно нечто большее, чем очки, чтобы стать менее привлекательным.

— Садись на место, Роуз, — торопливо говорит он.

Джейми направляется к лестнице.

— Напиши мне насчет субботы, — кричит он, оглянувшись через плечо.

Кэмбер поднимает одну бровь, а я так неистово краснею, как будто у меня солнечный ожог.

Пока я захожу в класс, я прокручиваю в голове, какой некрутой я была с Джейми. Я могла бы с тем же успехом сказать, что у меня нет своей жизни, и я всегда свободна, просто сижу и жду его звонка.

Но я слишком возбуждена, что по — настоящему волноваться из-за своего ботанства.

Это наконец-то случилось.

Все будет ясно.

В субботу.

излишний(прил.): нецелесообразный, ненужный, необязательный
(см. также: я, Роуз Царелли)

Сидеть напротив Джейми за столом в «Morton's» — это сюрреалистический опыт по множеству причин. Во-первых, я думаю, у нас свидание. И это самое странное. Во-вторых, у нас свидание на публике, а это значит, что люди видят нас — вместе. В-третьих, наш болезненно внимательный официант — Роберт. А этого не должно было случиться, потому что я слышала, что летом его уволили, когда владельца арестовали за эксплуатацию несовершеннолетних и людей без документов, которым платили «черную» зарплату.

Но самое сюрреалистическое в том, что сегодня вечер, которого я так ждала, собираясь наконец воспользоваться ситуацией и задать Джейми вопросы — о Регине, об этом лете, о нас.

Если мы вообще есть.

Мне просто нужно еще немного... уверенности, наверно? У меня проблемы с разговорами. Возможно, потому что Джейми молчаливее, чем обычно.

И в этом могу быть виновата я.

Я сказала Джейми, что ему не придется меня забирать, и попросила Трейси подбросить меня до ресторана. И это не из — за него — я всего лишь не хотела объясняться с мамой. Она знала, что мне нравится Джейми, но сейчас мы с ней в странном положении — даже на полпути не дошли до того славного этапа, когда она разрешила мне пойти на выпускной старшеклассников. В те времена она была так счастлива, что мы снова разговариваем друг с другом, что даже не рискнула сказать «нет» — особенно, учитывая мое участие в той драке и какое — то «ненадежное эмоциональное состояние», в котором, по ее словам, я находилась.

На самом деле, я не врала ей. Я сказала, что проведу вечер у Трейси, и это правда — я собираюсь к ней позже, чтобы помочь с новым дизайном сайта Списка Шика.

Всего лишь сначала встречусь с Джейми.

На данный момент, мои попытки начать разговор выливаются в несколько диалогов из трех предложений, два из которых — мои: о начале учебного года и о том, какая хорошая погода. Одно его предложение, состоящее из единственного слова, возможно, даже нельзя расценивать как предложение. Поэтому я временно отказалась от разговоров и сейчас делаю вид, что не наблюдаю за ним, пока пытаюсь решить, стоит ли мне извиниться или просто ничего не говорить.

Роберт все время прерывает мой процесс принятия решения, подходя каждые одну — две минуты, чтобы наполнить водой наши стаканы, проверить хлебницу, принять заказ, дважды сверить заказ и заменить идеально чистый нож на менее чистый нож, чтобы он мог вернуться чуть позже и заменить его еще раз.

Наблюдать за Джейми Форта — это совсем не плохо. Сегодня он очень красиво выглядит в темно — зеленой рубашке, которая сочетается с его орехово — золотыми глазами. Но я пришла сюда не только наблюдать за ним. Я пришла поговорить с ним.

Роуз 2.0 резко меня пинает и приказывает шевелить своей задницей — извиниться или задать ему вопрос, сделать хоть что —нибудь.

— Помнишь прошлый День Благодарения, когда я была здесь с мамой, и мы увидели

тебя?

Он кивает.

— Это было после того, как Питер рассказал, что попросил тебя за мной присматривать.

Подходит Роберт с нашими бургерами.

— Что-нибудь еще? — спрашивает он, адресуя вопрос Джейми. Когда Джейми качает головой, Роберт поворачивается ко мне: — Все нормально?

Звучит так, будто он играет детектива в черно — белом кино, говорящего с барышней в бедственном положении, которую нужно спасти от мужчины рядом с ней.

— Я дам тебе знать, когда у меня будет возможность попробовать, — отвечаю я, пытаюсь подсознательно дать ему понять, что да, я на свидании с Джейми Форта по моей собственной воле, и да, пусть он уйдет, пожалуйста.

Когда Роберт наконец отстает от нас, Джейми откусывает кусочек бургера. Пока жует, он расстегивает манжеты и закатывает рукава, как будто собирается взяться за какую — то большую и тяжелую работу.

— Это было, когда ты выяснила, что я знаю твою маму, — говорит он.

Мой бургер застывает на полпути ко рту. Уголком глаза я вижу Роберта, стоящего у барной стойки и наблюдающего. Я не обращаю на него внимания, опускаю бургер, даже не откусив, и пытаюсь сообразить, что же я должна теперь сказать, чтобы точно ничего не испортить.

— Ты это хотел сегодня объяснить? — спрашиваю я. — Почему тебе пришлось видеться с моей мамой?

Джейми запускает пальцы в волосы и несколько секунд пристально смотрит в стол.

— Да. Ну, нет. Я хотел рассказать о моей.

Я жду. И еще жду.

— Записка, которую я написал. О том, что я другой. Я говорил о ней.

Уровень шума в «Morton's» увеличивается в тот момент, когда люди наполняют бар, чтобы посмотреть какой — то матч. Из-за шума мне становится трудно поддерживать Джейми — для этого нужно пытаться заполнить все пробелы. Иногда, когда Джейми говорит, в его фразах встречаются большие, гигантские пропуски, в которых должна быть информация.

— Так это твоя мама сделала тебя другим?

Он поднимает свою вилку и давит ей на скатерть, делая зубчатые отпечатки, пока пытается сообразить, что сказать.

— Она была больна. С ней не все было в порядке.

В прошлый День Святого Валентина мы с Джейми сидели в его машине на поле для гольфа, и он рассказал, что его мама умерла в каком-то лечебном учреждении. Он никогда больше об этом не говорил — в то время мне казалось очевидным, что он просто не хочет, поэтому я не спрашивала. Но теперь я думаю, что, возможно, ты должен спрашивать, чтобы другой человек знал, нормально ли говорить об этом.

Я сижу так неподвижно, как вообще могу, как будто любое внезапное движение может остановить происходящее.

— А что именно?

Он чуть сильнее давит вилкой на скатерть, потом поднимает ее, разворачивает на девяносто градусов и проделывает это снова.

— Она слышала голоса и все такое. Это ухудшалось, она делала странные вещи. Вот почему папа ее туда отправил. Он думал, что она что-нибудь сделает. Со мной. И это дерьмо сделало меня другим. Не таким, как нормальные люди. Вроде тебя.

Он еще раз поворачивает вилку. Я смотрю вниз и вижу, что отпечатками зубьев вилки Джейми нарисовал маленький домик. В самый первый раз, когда мы заговорили, он рисовал дом его мечты на тетрадной обложке. Я наблюдала за его руками, пока он рисовал, думая о том, какие они красивые. Они и сейчас такие — это не изменилось. Изменилось мое представление о том, каким Джейми видит себя.

— Ты думаешь, что ты один из ненормальных? Seriously? — спрашиваю я. Он внимательно смотрит на меня, не сводя глаз, словно хочет, чтобы я сказала ему обратное. — Во мне нет ничего нормального, Джейми. Я вообще странная...

— Это не та нормальность, которую я имею в виду.

Появляется Роберт и смотрит на мою тарелку с нетронутым бургером.

— Что-то не так с твоим блюдом? — Я качаю головой, надеясь, что если я не скажу ни слова, он просто исчезнет. Наступает долгая пауза, а потом он, немного нехотя, говорит: — Ты вчера хорошо спела. — Он поворачивается к Джейми. — Она рассказала тебе о прослушивании? — Звучит так, будто он в чем — то обвиняет Джейми — в незнании какого-то суперважного факта обо мне.

Джейми смотрит на Роберта, как на пришельца с другой планеты.

— Роберт, мы разговариваем, — говорю я, стараясь вежливо попросить его перестать надоедать. Я наконец по-настоящему разговариваю с Джейми. И последнее, что я хочу делать — обсуждать театр мюзикла.

Джейми встает.

— Я вернусь, — говорит он мне.

Мне хочется задушить Роберта. Как будто он знал, что у нас с Джейми самый решающий момент, и пришел специально, чтобы все испортить. Он в седьмой раз наливает воду в стаканы и топчется на месте. Не имея желания сейчас упрощать ему жизнь, я не поднимаю взгляд.

— Роуз, что ты делаешь? Он все еще встречается с Региной, — шепчет Роберт. — Я их все время вижу вместе.

Я хочу стукнуть кувшином об стол, чтобы вся эта вода со льдом расплескалась, хоть я и должна держать свои яростные побуждения под строгим контролем.

— Роберт, почему ты соврал и сказал Холли, что я тебя люблю?

Он смотрит в кувшин и встряхивает его, чтобы лед закружился, и на долю секунды мне кажется, что он собирается все отрицать или выставить это в выгодном для себя свете. Но может быть, Роберт работает над тем, чтобы держать свою ложь под контролем, так же, как я справляюсь со своими яростными побуждениями.

— Я не знаю, — признается он.

— Она же, вроде как, девушка, которая бывает всего раз в жизни. Ты расскажешь ей или я?

— Расскажешь ей что? — паника отражается на его лице.

— Что я никогда не была в тебя влюблена, и что тебе сложно сказать правду, если она не вписывается в твою версию о том, каким должен быть мир.

Голубые глаза Роберта сощуриваются.

— В моей версии о мире ты должна встречаться с тем, у кого нет девушки.

Я стискиваю зубы.

— Они больше не вместе.

— А почему она всегда с ним?

— Если ты просто... — Джейми возвращается из уборной. — Пожалуйста, Роберт. Оставь нас одних, ладно?

— Я не хочу, чтобы тебе было больно, Роза, — говорит он.

От меня не укрылось, что Роберт до этого момента долго не называл меня Роза. Но это ничего не меняет — я по-прежнему хочу, чтобы он ушел.

— Иди. Отсюда.

Роберт наливает в стакан Джейми столько воды, что Джейми не сможет поднять его, не расплескав. Когда приходит Джейми, он встает рядом со своим стулом и ждет, когда уйдет Роберт.

Роберт говорит:

— Спроси ее о прослушивании.

Джейми бросает на меня вопросительный взгляд, а я качаю головой, как бы говоря, что это не достойно обсуждения. В свете того, о чем мы сейчас разговариваем, так и есть.

Когда кажется, что Роберт собирается стоять здесь бесконечно, Джейми спрашивает:

— А это легально, что ты тут работаешь?

Без единого слова Роберт берет свой кувшин и удаляется наполнять чьи — то еще стаканы. Джейми наблюдает за ним, а потом садится.

— Ты была на прослушивании? — спрашивает он.

— Я, похоже, его не прошла, — говорю я, пытаюсь избавиться от ужасающих воспоминаний о танцевальной части. Судя по всему, просмотр видео с танцевальными движениями совсем не превращает тебя в человека, способного повторить их на прослушивании. А вы не знали?

— Что за прослушивание?

— Просто школьный мюзикл. Так... — начинаю я, пытаюсь придумать, как вернуться туда, где мы остановились.

— Ты певица? — спрашивает он. В его глазах вспыхивает удивление, а на лице расплывается настоящая, беспечная улыбка, и он не успевает этому помешать. Как же трудно удержаться и не сказать ему, какой он красивый.

— М-м... я? — отвечаю я. — Холли Тейлор говорит, что да. Это девушка Роберта, а ее папа — настоящий актер, так что она, наверно, разбирается в этом. Она говорит, что я пою как олдскульная рок-звезда.

Я смущаюсь, рассказывая ему такие вещи, но когда говоришь вслух: «Я певица», это кажется реальным. Словно это становится правдой, когда я это произношу, и я чувствую себя другой процентов на десять. Может, даже на пятнадцать.

— Круто, Роуз, — говорит Джейми. Я вижу, как удивление в его глазах тускнеет и сменяется печалью — не могу понять, что происходит. Люди в баре вдруг начинают радоваться — кто-то только что выиграл очко в матче — и уровень шума на минуту становится невыносимым. Джейми поворачивается, чтобы взглянуть на телеэкран, но не думаю, что его действительно волнует игра.

— Джейми? Можно спросить?

Он разворачивается обратно и поднимает свой стакан, умудряясь сделать глоток воды, не проливая ни капли. Мой желудок завязывается в маленький узел. Поехали.

— Какие у тебя отношения с Региной? — спрашиваю я так нейтрально, как только могу, без злости, ревности или осуждения. Я просто хочу знать правду.

Он отвечает так, словно ждал этого вопроса.

— Никаких.

Я наклоняю голову.

— Правда?

— Она с Паррина. — На лицо Джейми ложится тень. — И ты это знаешь.

— Вы не... — Он качает головой. — Конрад сказал, что вы вместе были на летних курсах, и что... ты...

— Что я — что? — спрашивает он, слегка изумленный от предвкушения того, что мог сказать Конрад.

— Что ты хочешь ее вернуть.

— Он тебя просто подкалывает.

— Так ты не хочешь?

— Нет.

— А она хочет тебя вернуть? — Он пожимает плечами, как будто это одно и то же. — Я имею в виду, она с Энтони просто, чтобы тебя позлить, да?

Джейми кажется удивленным — наверно, ему никогда не приходило в голову, что я трачу столько времени на размышления не только о его мотивации, но и о мотивации Регины — но я в ударе и не собираюсь останавливаться.

— Джейми, что тебе сказал Энтони на том хоккейном матче?

Он злится при мысли об этом. Его челюсти сжимаются, и он чуть не скрипит зубами.

— Что-то про мою маму. Она умерла около месяца назад. Я забыл.

Я мысленно возвращаюсь к тому моменту, воспоминания о котором кажутся мне волнующими. Точно не знаю, что это обо мне говорит. Джейми мчался по льду к воротам, а Энтони был прямо за ним. Внезапно Джейми просто развернулся, поднял свою клюшку и ударил Энтони по шее. Энтони упал и проехал по льду через красную центровую линию поля. Я практически слышу, как раздался свисток и судья удалил Джейми из игры. Энтони унесли со льда и отвезли на скорой в больницу. В тот день я узнала от папы, что некоторые профессиональные хоккеисты умирали от того, что Джейми сделал с Энтони. Если ты делаешь это намеренно, чтобы причинить вред, то вылетаешь из игры — а в данном случае, и из команды.

— Паррина — дерьмо, — говорит Джейми.

— Почему она с ним?

Джейми снова начинает делать отпечатки вилкой с другой стороны от своей тарелки.

— Не знаю. Но я должен быть начеку.

Меня расстраивает моя неспособность понять.

— Почему тебя это волнует после того, что она тебе сделала?

Джейми роняет вилку.

— Я должен Деладдо.

— Потому что они разрешили тебе жить у них?

Джейми наклоняется вперед.

— Я тебе скажу что-то личное. — Его голос становится тише — я едва слышу его из-за шума в баре. Он ждет, пока я не пойму, что не должна буду повторять то, что он сейчас расскажет. Я киваю. — Мистер Деладдо бьет Конрада, Регину и их маму. Этим летом я его

остановил.

В одно мгновение все переворачивается с ног на голову.

Я закрываю глаза.

Представляю, как Конрада и Регину избивает мужчина, чье лицо я не могу разглядеть.

Вижу, как Джейми поднимает клюшку, чтобы ударить Энтони; как Энтони хватает Регину; как Конрада сталкивают в бассейн.

Вижу папу в пустыне, разорванного на кусочки, словно разбитое зеркало, упавшее с огромной высоты.

Последнее, что я вижу — девочку, которая мчится по беговой дорожке, сбивает с ног другую девочку и придавливает ее к земле каждым граммом силы, на которую она способна.

Это я. Я сделала это. Я сделала это с человеком, которого избивает отец.

И это тоже во мне сидит.

Я отодвигаю тарелку и наблюдаю за своей рукой, которая тянется через стол, чтобы дотронуться до пальцев Джейми.

— Как ты его остановил? — шепчу я. Я не понимаю, как Джейми мог заставить взрослого мужчину — жестокого мужчину — просто взять и оставить в покое свою семью.

— Я показал ему пистолет.

— Ты... — У меня все вылетает из головы, и я не могу закончить предложение.

— Он искал оправдание, чтобы уйти — нужно было совсем немного.

— Пистолет? — Я широко раскрываю рот как идиотка.

— Моего отца.

— Он знал?

— Он сам мне его дал, когда я рассказал ему, что там происходит.

— Твой папа дал тебе...? Он был... Там были пули?

— Не знаю.

Я в шоке от множества вещей — например, от того, что отец Джейми просто дал свое оружие сыну, заряженное или нет. Но почему-то меня не шокирует, что Джейми держал кого-то под прицелом. Он выглядит таким виноватым, что мне хочется обнять его прямо посреди ресторана.

И эта вина наконец — то расставляет по своим местам все кусочки паззла с Деладдо.

— Джейми, ты поэтому думаешь, что ты им должен? Потому что ты не должен. Ты им помог...

Он перебивает, не глядя на меня.

— Ты заслуживаешь человека, который будет с тобой. А это не я. Не сейчас.

Я убираю руку, не успев даже понять, что собираюсь это сделать. Как только я убираю свои пальцы от его кожи, он откидывается на стуле и скрещивает руки, а его глаза изучают мое лицо.

— Ты мне нравишься, — говорит он. — Я хочу убедиться, что ты это знаешь.

Печально — я проигрывала такую версию событий в своей голове столько же раз, сколько другие версии, потому что в картинках, состряпанных моих мозгом, не всегда все идет так, как я хочу. Я представляла, что принимаю отказ Джейми по — взрослому, тактично, бла-бла-бла. Но я никогда не воображала, что это может случиться в конце того, что я считала нашим первым официальным свиданием.

Я говорю первое, что приходит мне в голову, хоть это и звучит жалко:

— Мне нужно подождать?

Он сомневается примерно полсекунды.

— Нет, Роуз.

Возвращается Роберт и бросает на стол счет, даже не спросив, желаем ли мы десерт.

— Отличного вечера, — говорит он и уходит.

Ни один из нас не смотрит на него.

Джейми ждет, но мне нечего ответить на его слова.

Он прекращает ждать и тянется к счету.

— Сколько человек из сидящих сегодня здесь, знают, кто такой Мэттью Шепард?

Утро понедельника. Мисс Масо стоит на сцене актового зала рядом с директором Чен и выглядит супернапряженной, обращаясь ко всей школе. Еще несколько преподавателей торжественно восседают на стульях в задней части сцены. Несколько мест рядом со сценой заняты людьми, которых я не узнаю, за исключением одной — Кэрон.

Отлично. Мамин мозгоправ — шпион администрации «Юнион Хай». Вот почему она задавала мне все эти вопросы о вечеринке. Это уж слишком для конфиденциальности «пациент-мозгоправ».

Вчера я думала о том, чтобы позвонить Кэрон. Она всегда говорила, что я могу звонить ей, когда бы мне ни понадобилось, днем или ночью, и вчера я в первый раз подумала, что мне это может понадобиться. После моего свидания-несвидания с Джейми я была у Трейси, и мне приснился сон. Он начался, как кино — сон о папе, в котором я сижу в кинотеатре и наблюдаю за ним на экране. Фильм всегда хорошо начинается, а потом папа взрывается. Но на этот раз он не взорвался. Потому что там был Джейми с пистолетом, и он стрелял в папу. Эта картинка весь день крутилась у меня в голове.

Единственное, что помогало — пение. Я просто могла закрыть глаза и куда-то улететь. Поэтому я пошла в душ и пела до хрипоты, пока мама не постучала в дверь и не сказала, что хоть это и неплохо звучит, но пора выключить воду.

Я не позвонила Кэрон, потому что не хотела рассказывать ей ни про сон, ни про то, что случилось с Джейми — особенно, часть, где он сказал, что не хочет со мной быть. Или не может со мной быть. Не уверена, что именно. Если это вообще имеет значение.

— «Юнион Хай», вы там не спите?

Мисс Масо перешла в самый бодрый режим — я так называю ситуации, когда она использует свои супер-способности, чтобы заставить толпу тупых подростков прислушаться и узнать нечто важное и, возможно, даже способное изменить жизнь. Когда она в бодром режиме, она похожа на рок-звезду.

Но все сонные. Это первое утреннее мероприятие, и многие, наверно, еще не пили кофе с бубликами. Последнее, что им хочется сделать — узнать о каком-то парне. Мне повезло, и я знаю, что Мэттью Шепард — не просто какой-то парень, а еще знаю, что безразличие к нему большей части учеников лишь разжигает пылающее желание мисс Масо обуздать нас. Если мы не успокоимся и не уделим ей безраздельное внимание, она придумает способ оставить всю школу после уроков и задать дополнительную домашнюю работу.

Она пристально смотрит на нас еще пару секунд, и когда шуршание в зале стихает, она берет с кафедры пульт. Она нажимает на кнопку, и на экране проектора на сцене появляется изображение стоящего у окна молодого блондина в свитере, с глазами светлого цвета и

намеком на улыбку. Она поворачивается посмотреть на него.

— Это Мэттью Шепард, «Юнион Хай».

Даже с того места в конце зала, где сижу я с другими учениками, чья фамилия начинается на «Ц», я вижу, что мисс Масо тронута этой фотографией.

Мое внимание привлекает движение около одной из дверей зала, и я замечаю Конрада в сопровождении учителя, который положил руку на плечо Конрада, словно думает, что он может убежать в любую секунду. Учитель направляет его к свободному месту и заставляет сесть. Только, когда Конрад садится, он смотрит вверх и видит на сцене Мэттью Шепарда. Через два ряда от него я могу почувствовать его панику.

— Если вы не знаете, кто такой Мэттью Шепард, значит вы не уделяли достаточно внимания урокам граждановедения. Не так давно наш президент подписал важный раздел законодательства о гражданских правах, названный в честь этого молодого человека, который превратил в федеральное преступление притеснение людей на основании сексуальной ориентации, пола или половой идентичности.

Она снова нажимает на кнопку пульта, и лицо Мэттью сменяется изображением невысокого забора из досок, украшенного цветами, посреди красивой зимней лужайки.

— Поскольку мы все заодно, я буду исходить из того, что вы не знаете, и расскажу вам немного о нем. Мэттью Шепард был 21-летним студентом Университета Вайоминга, планировал получить степень по политологии со специализацией на правах человека. Она выжидает несколько секунд, прежде чем продолжить, чтобы убедиться, что мы усвоили информацию.

— В 1998 году его похитили из бара, избили и пытали за то, что он был геем. Двое нападавших — молодые люди примерно одного возраста с Мэттью — привязали его к забору, который вы здесь видите, и бросили его, избитого и окровавленного, на морозе. Через восемнадцать часов Мэттью обнаружили с такими сильными повреждениями на лице и голове, что его не могли опознать. Несколько дней спустя он умер в больнице. Сегодня годовщина его смерти.

Мисс Масо разворачивается обратно к нам и кажется, что она смотрит в глаза каждому ученику, сидящему в нашем огромном зале.

— Так почему я надоедаю вам с этим таким красивым солнечным октябрьским утром, через месяц после начала учебного года? — спрашивает она. Становится так тихо, что я могу слышать биение своего пульса. — Директор Чен и я, и остальные учителя, невероятно обеспокоены. Мы чувствуем, что не делаем нашу работу, что мы не научили вас всему, чему только можем. Потому что, если бы мы это сделали, вы бы знали о Мэттью Шепарде. Вы бы знали о преступлениях на почве ненависти. Вы бы знали, что такое толерантность. И вы бы не позволили своим одноклассникам устроить вечеринку, на которой ученика называют «гомик», «гей» и «гомо», и много раз сталкивают в бассейн, пока он не начнет задыхаться от воды, которую заливали ему в рот из шланга! — говорит она, стуча по кафедре.

Никто больше ничем не шуршит — думаю, что никто даже не дышит. Конрад сползает вниз со своего места.

— Я не могу начать рассказывать вам о том, как разочарована во всех вас. И я точно так же разочарована во взрослых в вашей жизни, включая тех, кто сегодня здесь. Если бы мы делали нашу работу, вы бы подошли и остановили это поведение, достойное осуждения. Из того, что я поняла, лишь одна ученица — одна из вас — попыталась помочь, а ее столкнули в бассейн за то, что она отстаивала свое мнение.

Несколько голов начинают крутиться, а старое доброе желание исчезнуть на полу снова всплывает на поверхность. Но на этот раз — в отличие от прошлого года, когда против меня ополчились из-за того, что я, вроде бы, спасла жизнь Стефани — мне хочется исчезнуть от стыда.

Я не горжусь тем, что я сделала, потому что я не отстаивала свое мнение. Я не пыталась остановить преступление на почве ненависти. Более того, я даже не понимала, что происходящее может рассматриваться, как преступление на почве ненависти. Поэтому в контексте того, о чем говорит мисс Масо, я вообще ничего не сделала.

Я просто пыталась спасти Конрада — которого я больше не вижу, потому что он совсем сполз со стула — от утопления.

— Подумайте об этом, люди. Кем вы хотите быть? Вы хотите быть трусами, которые настолько боятся людей, непохожих на них, имеют настолько ограниченное и убогое мышление, что нападают от страха? Разве этому мы вас учим? Если это так, то мы непростительно вас подводим, и вы должны считать нас ответственными за это!

В этот момент мисс Масо уходит от микрофона и кричит на нас с края сцены, наклонившись вперед, словно хочет прыгнуть в толпу и трясти нас, пока мы не придем в чувство.

— Теперь. Я сравниваю столкновение своего товарища в бассейн и обзывание его «гомо» с ужасающим преступлением, совершенным против Мэттью Шепарда? — Она на секунду задумывается. — Нет, это не одно и то же. Но они из одной области. Из области ненависти. И знаете, что? Эта область ненависти включает все виды страшных вещей — например, преступления, которые вы можете помнить из изучения Америки после Гражданской Войны, известные как линчевание. Все это связано с тем, о чем мы сегодня говорим.

Она еще раз нажимает на кнопку пульта, и появляется старое черно — белое фото мужчины, повешенного за шею на дереве. Ученики ахают, непривыкшие видеть свидетельства линчевания где — то, помимо учебников, в которых вряд ли достаточно большие фотографии, чтобы показать безжизненные лица людей, застывшие в ужасе или агонии. Фото мисс Масо высотой около шести метров, и на нем видно множество неизбежных деталей — из-под круглой шапочки выбиваются волосы мужчины; его руки настолько туго связаны, что веревка врезается в плоть; на ствол дерева, где он повешен, шокирующе красиво падает солнечный свет; на его брюках пятна.

Коллективное ахание массы учеников заставляет директора Чен оглянуться, чтобы посмотреть на экран. Когда она поворачивается обратно, она раздраженно смотрит на мисс Масо, спокойно забирает у нее пульт и выключает проектор. Мисс Масо недовольна, но делает несколько шагов назад, уступая сцену директору.

— Спасибо за создание такой связи, мисс Масо, — сухо говорит директор Чен, наклоняясь к микрофону, и это звучит так, будто мысленно она уже составляет объяснительное письмо озлобленным родителям. — Давайте вернемся в сегодняшний день, «Юнион Хай». Такие дела, ребята. Эта вечеринка была до начала учебы и происходила не на школьной территории, поэтому у нас нет никаких прав. Тем не менее, она дает нам отличную возможность завести диалог о толерантности. Этот диалог будет иметь место публично — на собрании и в классах — и лично, в моем кабинете. В течение следующих нескольких дней некоторые из вас нанесут мне визит, чтобы я могла лучше понять, что происходило на той вечеринке, и что нам нужно сделать, чтобы подобного больше не случалось, ладно?

Она смотрит на свои наручные часы, совещается с завучем, а затем говорит:

— Мистер Доннелли хотел бы сделать объявление перед окончанием собрания.

Мистер Доннелли медленно подходит к кафедре, словно хочет выиграть время прежде, чем начать говорить. Когда он встает за кафедрой, он делает паузу, оглядывая всех нас.

— Доброе утро, господа. У меня есть специальное объявление, связанное с тем, о чем мы говорили. В честь следования толерантности, которую мы создаем в «Юнион Хай», и нового федерального законодательства, весенней постановкой будет «Проект Ларами», спектакль, построенный на интервью с людьми, которые знали Мэттью Шепарда. Это красивый и сложный спектакль, который задает жестокие вопросы, и я думаю, он очень нам подходит, учитывая то, что мы сейчас пытаемся совершить. От себя лично, — говорит он и останавливается, делая выдох в микрофон, — у меня есть опыт с нетерпимостью, и я бы хотел пригласить всех, кто пострадал от дискриминации или оскорблений, вызванных их сексуальной ориентацией, прийти побеседовать со мной, когда будет удобно. Спасибо.

Мистер Доннелли отступает на шаг от кафедры, игнорируя удивленные взгляды со стороны преподавателей и приглушенный шум голосов, расползающийся по залу. Внезапно он возвращается к микрофону и добавляет:

— Чуть не забыл. Состав исполнителей для «Что бы ни случилось» уже висит на доске рядом с театром.

Я едва понимаю объявление о составе исполнителей — или то, что мистер Доннелли только что практически открыл свою сущность перед всей школой — потому что у меня кружится голова. Я была свидетелем преступления на почве ненависти? Я делаю нечто неправильное, не рассказывая об этом? Не думала, что это так серьезно — то есть, я думала, что это серьезно, так как Конрад был в опасности, но, похоже, не понимала, какой большой была эта опасность.

Но я поклялась не усложнять свое положение в этом году, бегая к директору и докладывая о ком-то. Даже, если этот кто-то — Мэтт Хэллис.

Бормотание в зале нарастает, когда ученики ощущают, что собрание скоро кончится. Мне пойти посмотреть состав исполнителей перед первым уроком или лучше подождать, пока кто-нибудь не расскажет, кто туда попал, потому что я уверена, что меня нет в списке?

Будет хорошо пойти туда с друзьями и поздравить их.

А я сегодня настроена на хорошие поступки?

Я фокусируюсь на неправильных проблемах, задавая неправильные вопросы. Вопрос должен быть таким: я собираюсь сегодня делать хорошие поступки? И я хоть знаю, какие?

К кафедре возвращается директор Чен.

— Отправляйтесь на первый урок, который закончится в обычное время. И спасибо за ваше безраздельное внимание! — кричит она с саркастичной интонацией, когда шум переходит в настоящий рев — толпа школьников больше никого не слушает.

Я встаю и смотрю на Конрада. Мне нужно увидеть его, пока меня не утащили в кабинет Чен — мне нужно знать, что, по его мнению, мне говорить, а что — нет. Но он уже уходит.

Эта школа — отстой. Разве они не осознают, что делая подобные вещи, они только ухудшают ситуацию для Конрада? Прежде всего, хоть они и не называли его имя, все знали, что Масо и Чен говорят о нем. А еще не похоже, что плавательные гиганты теперь собираются извиняться и умолять Конрада вернуться в команду по плаванию. Если вообще не начнут преследовать его еще сильнее, из — за чего у него могут быть проблемы.

Тупость. Взрослые могут быть настолько тупыми, когда доходит до таких вещей. Им

нужно придумать способ получше, чтобы справиться с чем-то подобным.

Перекидываю сумку через плечо и выхожу из зала в толпе как раз вовремя, чтобы увидеть Джейми. Он поднимает подбородок в знак приветствия, и хоть меня и успокаивает, что мы не игнорируем друг друга, мне сейчас сложно улыбаться. Он указывает направление, в котором идет, и я вижу Конрада, выскальзывающего во внутренний школьный двор. Джейми идет за ним, но ему нелегко пробираться через море учеников. Нас уносит в разных направлениях, и он исчезает, а я не успеваю принять решение — идти за ним или нет.

На пути из «Morton's» к Трейси мы почти не разговаривали. Я была слишком смущена — не совсем понимала, что все — таки произошло. Не поняла я и потом, когда лежала без сна на низенькой кровати Трейси, слушала, как дышит в своем безмятежном сне любимая знаменитость старшей школы, и разбиралась во всех его словах, осознавая, что все равно ничего не стыкуется. Джейми думает, что он должен Деладдо, поэтому они для него в приоритете. Но сколько это продлится? Вечно?

И почему Джейми чувствует вину из-за мистера Деладдо, учитывая, что этот человек вытворял со своей семьей? Если он причинял им боль, разве им не лучше без него?

Что я упускаю?

Я подхожу к доске объявлений около театра, где Стефани и Холли уже держатся за руки и скачут вверх — вниз от возбуждения, а Роберт с огромной ухмылкой на лице говорит с угрюмым Митчеллом Кляйном. Когда Холли и Стефани видят меня, они вдруг прекращают прыгать, а с их лиц сползают улыбки, и это говорит мне обо всем, что мне нужно знать. Я машу им и говорю: «Поздравляю!» — настолько искренне, насколько вообще могу, продолжая идти к списку, хоть и знаю, что меня в нем нет.

Вокруг него толкотня, и мне приходится немного потрудиться, чтобы пробиться в первые ряды. Когда у меня получается, я вижу, что Холли, Стефани и Роберт — в главных ролях, а у Митчелла небольшая, но смешная, роль гангстера. Затем мой взгляд спускается в конец списка, и меня слегка трясет. Там мое имя.

Там написано: «Роуз Царелли — Пассажир № 3».

Сперва я ничего не почувствовала. Потом подумала: «Ну ладно, по крайней мере, я прошла, ведь так?» Эта мысль быстро сменилась волной отвращения. Я снова посмотрела в список — неужели там правда написано «Пассажир № 3»?

Да. Да, так и есть.

Смотрю, кто играет Пассажиров № 1 и № 2. Я не знаю эти имена, и возможно, это значит, что я буду третьей скрипкой после двух новичков. Мое лицо становится ярко — красным как раз, когда я слышу: «Роуз, пойдем со мной, пожалуйста? Я дам тебе талон на опоздание».

Я оглядываюсь и вижу, как толпа рассеивается, отходя от директора Чен, которая движением пальца зовет меня последовать за ней.

озарение(сущ.): поучительный сюрприз
(см. также: будущее становится немного яснее)

Кабинет директора Чен украшен в осеннем стиле, подходящем к ее болезненно яркому оранжевому ковру. С потолка свисают пучки искусственных разноцветных листьев, а на каждой ровной поверхности лежат тыквы всех сортов. А у самой директрисы время от времени мелькает пластиковая брошка в виде ведьмы, приколотая к подходящему на осень рыжеватому блейзеру, как сказала бы Трейси. Несмотря на то, что до Хэллоуина еще больше двух недель, на ее столе стоит черный пластиковый котел, наполненный ирисками, из которых как маленькие памятники торчат обернутые фольгой Дракулы и Франкенштейны. Когда директриса вытаскивает из котла маленькую металлическую поварешку, раздается жуткая Хэллоуиновская музыка.

— Ириску, Роуз? — предлагает она.

— Нет, спасибо. До 9:00 я к такому не прикасаюсь, — говорю я странным голосом. Пытаюсь пошутить, но нервничаю и получается грубовато, как будто я говорю, что она не должна есть конфеты, хоть она и весит около 45 кг, и ей, возможно, нужны калории, потому что она сжигает больше энергии за день, чем все жители Юнион, вместе взятые.

— Завтрак чемпионов, — говорит она с ухмылкой, высыпая себе в руку содержимое поварешки. — Итак, Роуз, как тебе в десятом классе?

— Отлично, — говорю я.

— Ты прошла прослушивание для мюзикла?

— Не совсем.

Директриса смущенно наклоняет голову.

— Не совсем?

— Я Пассажир № 3. Не такое уж большое дело.

Она задумчиво кивает.

— Знаешь, многие люди вообще не прошли отбор.

Я пожимаю плечами.

— Ты слышала выражение: «Нет маленьких ролей, есть маленькие актера»?

Я киваю, прилагая все усилия, чтобы не закатить глаза.

— Ну, я в это не верю. Но верю в упорный труд. В этом году — Пассажир № 3. В следующем — может быть, Мария из «Вестсайдской истории». В школе говорят, что у тебя очень сильный голос.

Постойте... Что? Мистер Доннелли ей это сказал? Это правда?

Похоже, меня только что назвал певицей еще один человек.

— Хорошо, хватит болтать, — говорит она, не обращая внимания на поварешку и зачерпывая горсть конфет прямо из котла. — Знаешь, почему я хочу с тобой поговорить?

В последний раз меня вызывали в кабинет директора после того, как я позвонила 911 на встрече выпускников, а YouTube-шпион опубликовал видео посвящения в чирлидеры Трейси и Кристин. Судя по всему, меня теперь будут вызывать сюда каждый год, когда чье-нибудь посвящение куда-либо пройдет неудачно.

Не успеваю я ответить на вопрос, как звонит внутренний телефон директора.

— Директор Чен, к вам подошел Конрад Деладдо.

Директриса кладет свои конфеты на гигантский настольный календарь и нажимает кнопку на телефоне.

— Спасибо. Скажи ему, чтобы подождал пару минут.

Она откидывается назад и ждет моего ответа.

— Я догадываюсь, что вы хотите поговорить со мной из-за вечеринки.

Она кивает.

— Ты была единственной, кто попытался помочь.

— Это неправда, — говорю я.

— Вот это для меня новость. Кто еще вмешался?

— Джейми Форта.

— Джейми Форта, — повторяет она. — Ну, это обнадеживает. — Она делает пометку в уголке гигантского календаря, и я понимаю, что отправила Джейми в путешествие в кабинет директора.

— Так ты готова рассказать, что произошло, и кто был зачинщиком?

— Я не скажу, кто это сделал, — говорю я.

— Роуз, послушай...

— Я не за себя переживаю.

Директриса начинает раскладывать конфеты на календаре — по конфетке на каждый день месяца. Потом она говорит:

— Тогда почему бы тебе просто не рассказать, что случилось?

Следующие несколько минут я трачу на объяснение того, что я увидела, когда только пришла на вечеринку, и как я оказалась в бассейне. Но я уверена, что не сказала Чен ничего нового. Когда я заканчиваю, она передвигает последнюю конфетку на место на календаре, а затем нажимает на кнопку телефона.

— Попроси Конрада зайти, пожалуйста.

Конечно. Конечно, к этому все и шло. Надеюсь, она не будет слишком разочарована, когда сообразит, что Конрад не видит во мне союзника — и не важно, что я для него сделала на вечеринке.

Дверь открывается и входит Конрад, спотыкаясь при виде меня. Его бешеный взгляд мог бы остановить товарный поезд.

— Конрад, спасибо, что к нам присоединился. Садись. Я просто спрашивала у Роуз, как она попала в бассейн на вечеринке команды по плаванию.

Конрад ничего не говорит. Даже не кивает в знак подтверждения того, что говорит директриса. Он медленно садится.

— Ты расскажешь мне, как ты оказался в бассейне?

Конрад скрещивает руки на груди.

— Если она рассказала, как туда попала, — говорит он, давая понять, что не называет меня по имени, — вы уже знаете, как я там оказался.

— Я бы хотела услышать это от тебя, — отвечает она. — И еще я бы хотела узнать, что заставило тебя уйти из команды по плаванию.

Конрад не сводит глаз с оранжевого ковра. По какой-то причине начинает играть жуткая Хэллоуиновская музыка, хотя никто не прикасается к поварешке. Директор Чен поднимает пластиковый котел и выключает его.

— Конрад, в эту команду непросто попасть, а тренер говорит, что ты уже стал одним из

его лучших учеников. Почему ты сдался на этапе, когда так сильно старался победить?

После болезненного момента тишины директриса наклоняется к нам, кладет руки на календарь, не разрушая инсталляцию из ирисок, и переводит взгляд с Конрада на меня и обратно.

— Это событие — то, что случилось на вечеринке — значительнее, чем вы оба думаете. Это важнее, чем ваши переживания о том, что о вас подумают, если вы мне расскажете. Сейчас на вас поставлено многое, я знаю. Но я хочу, чтобы все ученики чувствовали себя в безопасности в «Юнион Хай», но не смогу этого добиться, если вы не пойдете навстречу.

Конрад поднимает глаза на нее, а его голос холоден как лед.

— Уверен, что сможете.

Директриса поднимает бровь, пригвоздив Конрада своим самым властным взглядом.

— Извини?

— Вам не нужны мои рассказы о том, кто обзывал меня гомиком, потому что неважно, кто именно это делал, важно, что это вообще происходит. О, и еще? Пока мы смотрим на общую картину и хотим, чтобы ученики чувствовали себя в безопасности в «Юнион Хай», как насчет моей безопасности?

Директора Чен, похоже, ошеломило, что Конрад не подчинился после ее «отстаивающей права» речи, и я вижу, что она меняет тактику. Она медленно поднимается, обходит свой стол и облокачивается на него — теперь между нами около тридцати сантиментов. Ростом она едва дотягивает до полутора метров, но каким — то образом она все равно умудряется возвышаться над нами обоими. Несмотря на блестящую брошку с ведьмой, она выглядит пугающей.

— Конрад, в подобных ситуациях помогает разговор с виновниками, включает он наказание или нет.

— Кто помогает? — рычит он, так резко вставая со стула, что вздрагиваю и я, и директор Чен. Она остается очень спокойной — возможно, пытается оценить, достался ли ей по-настоящему жестокий ученик или просто тот, кто временно супер-взбешен.

— Все, — хладнокровно говорит она. — Включая тебя. Теперь я буду благодарна, если ты потратишь немного времени на размышления об этом и вернешься ко мне завтра. Сегодня ты освобожден от уроков.

Конрад смущен — кажется, он ждал последней капли. А когда ее не последовало, он схватил свою большую черную сумку, перекинул через плечо и скрылся за дверью в мгновение ока.

Директриса переводит внимание на меня. Сердце уже грохочет у меня в груди. Находиться рядом с Конрадом — все равно, что проверять, правильно обезврежена бомба или нет. А лазерные лучи взгляда директора Чен совсем не помогают моей нервной системе.

— Было бы замечательно, если бы ты сказала мне, кто был зачинщиком, — уже поделовому говорит она. — У меня есть свои подозрения, но если бы тот, кто на самом деле там был, подтвердил их, жить стало бы намного проще.

— Ничего хорошего из этого не выйдет, — бормочу я.

— Я знаю, что прошлый год оказался для тебя тяжелым. Я не преуменьшаю твой опыт, но то, что случилось с Конрадом — это притеснение совсем другого уровня. Это свидетельствует об особой проблеме. И ты могла бы помочь решить эту проблему.

Мои намерения начинают рушиться. Пытаюсь защитить себя:

— Это просто обернется против меня. И против него.

— Чтобы что-то улучшить, необходимо рискнуть, — говорит она. — Иногда моральный долг перевешивает личные нужды. Я знаю, что в тебе он есть. Нравится тебе или нет, ты поступаешь правильно, даже, когда это трудно, Роуз.

Снова звонит телефон.

— Подошла мисс Масо.

Директриса закрывает глаза и делает глубокий вдох, как будто сегодня — один из самых долгих дней ее жизни. Она обходит свой стол, снова садится в кресло, нажимает кнопку и говорит:

— Скажи ей, что я разберусь... Очень скоро с ней встречусь.

Затем она еще раз пронзает меня своим пристальным взглядом. Лицо начинает гореть.

— Мне нужно, чтобы ты доверяла мне, Роуз. — Я не отвечаю, но не могу не смотреть на нее. — Итак. Мэтт Хэллис? — тихо спрашивает она, словно даже у стен есть уши.

Я смотрю в потолок, думая об утреннем собрании и разнообразии видов ненависти. Та фотография на заборе. Конрад, который важен для Джейми.

Я быстро киваю один раз, не глядя ей в глаза, будто это снимает с меня часть ответственности.

Никак не реагируя на мою реакцию, директор Чен говорит:

— Спасибо, что пришла, Роуз.

Если бы у меня был выбор.

Она поднимается и открывает мне дверь. Мисс Масо уже стоит здесь со скрещенными на груди руками. Директор Чен отмахивается от нее, словно она — школьница, у которой опять проблемы из-за того, что она не умеет держать язык за зубами.

Проходя мимо меня, мисс Масо похлопывает меня по плечу, откуда-то зная, что я поддаюсь, и даже ее звать не пришлось.

— Роуз, пой в унисон, ладно? Возьми свой громкий голос и пой в унисон! Я тебя умоляю.

Мистер Доннелли уже в третий раз останавливает репетицию, потому что я неспособна петь в унисон.

Что бы это ни значило.

Мы сидим на стульях на сцене актового зала и учим очень сложную песню с множеством гармоний, где все поют разные вещи одновременно. У меня нет проблем с тем, чтобы вступить в правильное время или услышать свою партию, и некоторое время, до проблем с унисоном, мне было по-настоящему весело. Есть что-то крутое в том, когда находишься на сцене, смотришь в зал — даже в пустой зал — и поешь, к примеру, гармонию из четырех — пяти частей, а пианистка от всей души аккомпанирует. Жить в музыке — это значит чувствовать, что ничто во всем мире не имеет значения, кроме того, что происходит прямо сейчас.

До тех пор, пока не выяснится, что ты не можешь петь в унисон.

А я, судя по всему, не могу.

— Начинаем с хора, еще раз! — кричит мистер Доннелли. Затем он оборачивается и громко шепчет мне: — Уши, Царелли. Используй уши!

Мистер Доннелли дает сигнал пианистке, а я решаю на этот раз беззвучно открывать

рот — чтобы посмотреть, действительно ли он слышит то, что ему кажется. Потому что — как он вообще может слышать в общем хоре, что я делаю что-то не так?

Он снова останавливает нас и указывает на меня.

— Теперь ты вообще не поешь, — говорит он.

Последние двадцать минут мы потратили на одну эту часть, что всех расстраивает — пассажиры № 1 и № 2 вообще, похоже, хотят меня ударить.

— Ты знаешь, что я понимаю под пением в унисон? — спрашивает мистер Доннелли.

Когда я наконец качаю головой, он так хватается за свой пюпитр, будто сейчас упадет, и смотрит на меня с невероятным раздражением.

— Люди, если вы не знаете, о чем я говорю, спрашивайте! Нет ничего позорного в том, чтобы задавать вопросы — для этого и нужна репетиция. Кто хочет рассказать Роуз, что такое унисон?

Поднимает руку один Митчелл Кляйн, и это вызывает у меня подозрение, что остальные тоже во мраке неведения.

— Унисон — это когда твой голос сливается с голосами других, и ты не выделяешься.

— Спасибо Господу за Митчелла Кляйна! — восклицает мистер Доннелли. — Правильно, Митчелл. Роуз, у тебя уникальный голос, и это отлично. Но в таких песнях все голоса должны работать вместе, чтобы создать единый звук. Если один человек выделяется, нарушается песенное равновесие, и зрителям приходится слушать отдельный голос, а не полноценную музыку. Еще вопросы?

Не хочу снова выглядеть тупой, но в данный момент мне просто нужна информация. И судя по тому, как на меня смотрят несколько человек, информация требуется не только мне.

— Так как вы это делаете? — спрашиваю я.

— О, отличный вопрос. — Доннелли хватается за ухо и сильно дергает. — Ты слушаешь. Слушаешь, что вокруг тебя происходит, и стараешься соответствовать качеству. Пытаешься влиться. Понятно?

Я киваю, как будто это все прояснило.

— Еще раз! — весело говорит мистер Доннелли, словно проблема наконец решена. Он делает знак пианистке, и мы все начинаем петь. Я слушаю так старательно, как могу, и пытаюсь подражать контральто рядом со мной — у нее голос потоньше и поспокойнее, чем у меня.

Теперь мистер Доннелли нас не останавливает.

То есть петь в унисон — значит заставлять себя звучать, как кто — то другой?

Если так, то это логично — в последнее время я думаю, что я, наверно, должна быть кем-то другим. Если бы было так, я бы могла... не знаю... встречаться с парнем, который мне нравится, и не поддаваться, когда меня закидывает вопросами директор, и пройти кастинг на хорошую роль, и правильно петь...

Когда мы заканчиваем петь, мистер Доннелли говорит:

— Все хорошо, господа, идите домой, учите ваши партии и ваши слова! Недостаточно просто знать ноты. Вы должны знать еще и текст! Отбросьте учебники на следующую неделю или вам не поздоровится, — шутит он. — Роуз, подойди ко мне, пожалуйста.

Отлично. Беру сумку и иду к мистеру Доннелли.

— Слушай, я знаю, тебе кажется, что я выделяю тебя из общей массы, — говорит он, — и ты права. Так и есть. У тебя хороший голос — просто немного современный для того, что мы делаем. Знаешь, что я имею в виду?

— Вы имеете в виду, что он не подходит для постановки.

— Нет-нет, ничего подобного. Я бы не выбрал тебя, если бы он не подходил для постановки, — говорит он так, будто отчитывает меня за одну мысль об этом. — Тебе просто нужно удерживать его. Позволь ему вырываться в твоих сольных партиях в других песнях, но в этой все построено на равновесии. Ты это поймешь, — говорит он, хлопая меня по плечу и пытаясь успокоить, но из-за этого я только чувствую, что никогда не пойму и испорчу всю постановку.

Петь одной гораздо веселее. Хоть и нелегко гармонировать с самой собой.

Идя к своему шкафчику, я натягиваю свитер. Меньше, чем через минуту, появляются Холли и Роберт.

Совсем нет желания говорить с ней прямо сейчас. Я знаю, она всего лишь хочет меня подбодрить, но я не хочу слушать, как положительно она относится к моему пению, когда я примерно полчаса получала нагоняй перед всей группой.

И у меня уж точно нет желания находиться рядом с Робертом. После «Morton's» он пялится на меня на всех репетициях. Теперь он стоит рядом с Холли с таким просительным и умоляющим выражением лица, будто думает, что я в любую секунду могу рассказать Холли всю правду о нем.

Похоже, я произвела на него впечатление, что мне это по силам.

— У нас собирается компания поесть пиццу. Хочешь пойти? — спрашивает Холли.

— Спасибо, но мне надо домой, готовиться. Завтра предварительный экзамен.

Холли выглядит смущенной.

— У тебя уже предварительный экзамен? Мы все должны его сдавать?

— Нет, я просто буду тренироваться. Я хочу подать заявку на национальную стипендию в следующем году.

— Боже, Роуз, ты такая умная, — говорит она. — Но ты уверена, что не сможешь пойти? Хотя бы на один кусочек?

— В следующий раз пойду. Думаю, участники «Что бы ни случилось» как раз немного отдохнут от моего уникального голоса.

— Роуз, не переживай из-за унисона — когда мы ставили «Проклятых янки», мистер Доннелли все лето меня доставал из — за этого.

Роберт вдруг посмотрел на Холли, как на ненормальную — по одному этому можно сказать, что она все выдумывает ради меня.

— Просто твой голос слишком интересный для хора. И вот почему в следующий раз ты получишь главную роль! Так что это даже хорошо!

Я устала от слов, вроде «интересный», «уникальный» и «необычный», в отношении моего голоса. Сначала я принимала их за комплименты, но теперь я думаю, что это синонимы слов «странный», «раздражающий» и тому подобное. Я чувствую, как начинаю злиться из-за того, что засмущалась на репетиции, а это плохое состояние для меня. Когда я злюсь из-за своего смущения, у меня изо рта вырываются такие плохие вещи, которые не следовало бы произносить.

Как эта.

— Следующего раза не будет. Театр мюзикла — отстой.

Холли и Роберт подпрыгивают, словно я ударила их электрохлыстом.

— Что... что ты имеешь в виду? — спрашивает Холли.

Из — за болезненного выражения ее лица я чувствую себя так, будто сказала ей самое

оскорбительное из всего, что вообще могла сказать.

Но разве это меня заткнет? Не-а.

— Я думаю, хореография и стиль пения абсолютно неестественные, и сама по себе музыка меня задолбала. Она старомодная.

Это справедливо лишь в самой малой степени. Я, вроде бы, задумывалась о таком, но мне все-таки нравится танцевать, хоть хореография и настолько однообразная, что я чуть не плачу. И я обожаю петь гармонии. Пусть даже музыка старомодная, но я ею наслаждаюсь. Я просто не собираюсь сейчас во всем признаваться перед этой парочкой.

Большие карие глаза Холли становятся извиняющимися.

— О Господи, Роуз, прости меня. Я правда думала, что тебе бы понравилось работать над спектаклем. Поэтому я и хотела, чтобы ты этим занялась.

— Не все так плохо. Обожаю наблюдать за тобой и Стефани — вы обе потрясающие.

Холли украдкой бросает быстрый взгляд на Роберта. От нее не укрылось, что он не вошел в мой короткий список потрясающих людей, участвующих в постановке.

Сомневаюсь, что и он это не заметил.

А потом — я ведь уже в режиме плохого поведения — я добавляю еще кое — что для полного счастья:

— Я просто думаю, что постановка позорная.

Вот оно. Я успешно оскорбила их настолько, насколько это подвластно человеку.

После очередного ошеломленного молчания двух из трех участников спектакля, который я только что обозвала позорным, Роберт холодным, как лед, голосом произносит:

— Во-первых, это Коул Портер — он не может быть позорным по определению. Во-вторых, если бы у тебя была главная роль, ты бы смотрела на все по — другому. Но не каждый тянет на главную роль.

— Роберт! — ахает Холли.

Наверно, она еще ни разу не видела Роберта язвительным.

Если подумать, я тоже не видела.

Меня удивляют слезы у меня на глазах. Я знаю, что однозначно заслужила то, что он сказал, но от этого не легче такое слышать.

— Может, захочешь передумать и не быть со мной придурком.

Я говорю спокойно, выразительно поднимая брови, чтобы напомнить ему — я могу просто открыть рот в любой момент и рассказать Холли, что он лжет. Он становится ярко — красным.

— Встретимся в «Cavallo's», Хол, — Роберт уходит, не глядя на меня.

Холли наблюдает, как удаляется ее парень, а когда она опять поворачивается ко мне, я вижу в ее глазах недоумение, смешанное с тем, чего я раньше в ней не замечала — с подозрительностью.

Холли очень невозмутимо смотрит на меня, а потом говорит со стальными нотками в голосе:

— Я не поняла, что сейчас произошло. Вы с Робертом в ссоре?

Прежде чем что-либо сказать, пытаюсь сообразить, что я вообще делаю и зачем. Я не хочу портить отношения Роберта и Холли — в них есть что-то настоящее и хорошее.

Им повезло.

Так что, строго говоря, я просто стерва.

— У меня плохое настроение, Холли. Вот и все.

Пару секунд она смотрит вниз, на свой пушистый винтажный свитер, застегивает одну из блестящих пуговиц в форме сердечка, а затем спрашивает:

— Роуз, ты уверена, что нормально относишься к нашим отношениям с Робертом?

— Да! — я хватаю ее за руку для выразительности. — Да. Абсолютно. Вы хорошо друг другу подходите. Извини за то, что я наговорила. Ты скажешь ему, что я извинилась?

— Пойдем со мной, сама ему скажешь, — говорит она. — И он тоже сможет попросить прощения. Он не должен был такое говорить.

— Все нормально. Я... Он просто разозлился. Но в следующий раз я пойду с вами. Обещаю.

Холли тянется ко мне и быстро меня обнимает, звеня своими браслетами. Когда она отходит от меня, я все еще вижу в ее глазах подозрительность — из-за этого я чувствую вину за то, что не сказала ей правду.

— Удачи завтра. Расскажешь, как все прошло, ладно? Хочу узнать, что там за тесты.

Она машет мне рукой и уходит вдаль по коридору. Я беру вещи из своего шкафчика и проверяю телефон в ожидании сообщения от Трейси с предложением покататься, но чувствую облегчение, когда его там не оказывается. Мне нужно отправиться домой — слишком уж много безумного в моей голове.

Когда я выхожу из здания, уже начинает темнеть. Я ощущаю запах осени. Листья на кленах сияют оранжево-красным светом на фоне темно-фиолетового неба. Они вызывают у меня желание научиться рисовать. Интересно, рисовать проще, чем петь?

Папа всегда говорил, что без труда не вынешь рыбку из пруда. Думаю, практически каждый папа в истории человечества говорил это своему ребенку в тот или иной момент. Никогда раньше не понимала, что это значит, но теперь, похоже, поняла.

Когда в прошлом году я решила, что собираюсь стать певицей, я не думала, что все будет настолько сложно. Или некомфортно. Всегда считала, что найти свое призвание — это самое трудное. Но как только ты его нашел, все встает на свои места. Если ты предназначен для чего-то определенного, это не должно быть трудным, правда?

Может, я не понимаю всю концепцию судьбы.

По дороге домой я обдумываю такие глубокие философские принципы, уже почти стемнело, и поэтому я чуть не упускаю из вида Энтони и Регину. Они стоят под мостом за несколько кварталов от школы и целуются. Регина прижата к бетонной стене, а Энтони обхватил ее с обеих сторон, словно не хочет никуда отпускать. Она поворачивает голову в сторону, и он двигается с ней, заставляя ее целовать его снова. Ее руки отведены назад, она опирается на них — они с Энтони совсем не прикасаются друг к другу, если не обращать внимания на губы. Он такой большой, что рядом с ней выглядит как Халк.

Я вижу Регину в первый раз после того, как Джейми рассказал мне о ее отце, и теперь она кажется мне другой. А может, я смотрю на нее по — другому.

При виде ее я привыкла бояться. Не могла ничего поделать, чтобы не думать обо всех ужасах, которые она мне говорила и причиняла, и о том, как она любила меня запугивать. Теперь, когда я смотрю на нее, я представляю, что ее бьет отец.

Что именно имел в виду Джейми, когда говорил, что мистер Деладдо бьет Регину? Он... шлепал ее? Набрасывался с кулаками? Кидался в нее вещами?

Каково это — иметь такого отца?

И каково видеть, как твой бывший парень — в которого ты еще влюблена — наставляет на него пистолет и угрожает ему, заставляя оставить тебя в покое? Что она чувствовала,

когда Джейми это сделал? Она хотела, чтобы отец ушел, потому что страдала от побоев, или хотела, чтобы остался, потому что он ее папа?

Каждый раз, когда я думаю о Джейми с пистолетом, у меня по позвоночнику бежит странная легкая дрожь. Мне так и кажется невозможным, что он мог взять оружие, прицелиться во взрослого и приказывать ему.

Интересно, боялся ли он, когда это делал?

И что за отец — и что за коп — даст свой пистолет сыну и предложит ему пойти сделать нечто подобное?

Я еще некоторое время наблюдаю за Энтони и Региной, а потом мне становится противно. Ускоряюсь, чтобы уйти подальше к тому моменту, когда они оторвутся друг от друга.

Прихожу домой, закрываю дверь и максимально бесшумно направляюсь сразу в свою комнату. У мамы в офисе горит свет — она или с пациентом, или работает с документами. Когда я иду по лестнице, пищит телефон, и я прижимаю сумку к себе, пытаюсь приглушить звук. Не хочу сейчас разговаривать с мамой.

Оказываюсь в безопасности в своей комнате, роюсь в сумке, нахожу телефон и вижу сообщение от Трейси о том, что она скинула мне на почту новый выпуск Списка Шика. Как «шеф-редактор», я просматриваю ее посты, прежде чем они выходят в свет. Но она почти не дает мне времени на это — просто отправляет бесконечные сообщения и письма с пометкой «срочно», а мне приходится бросать все свои дела и уделять внимание ее блогу.

Открываю свой ноутбук, но вместо того, чтобы проверить почту, я щелкаю на Бродвейской записи «Что бы ни случилось» и пытаюсь петь в унисон. Понятия не имею, правильно я это делаю или нет. Все, что я знаю — я становлюсь таким параноиком из-за того, как это звучит, что сижу полностью неподвижно, еле шевелю ртом и даже не делаю глубоких вдохов, от чего у меня болит горло.

Петь в унисон — это, наверно, не значит «сдерживать дыхание и делать себе больно».

Выключаю музыку и лезу в шкаф за спортивными штанами. С обратной стороны дверцы шкафа висит зеркало в полный рост, которое я снимала на лето — я повесила его обратно по очевидным причинам, когда началась учеба. Его частично закрывают старые рюкзаки, которыми Трейси больше не разрешает мне пользоваться, и кофты — по ее словам, слишком большие для меня. Они висят на ярко-голубых крючках, которые приделал папа, чтобы помочь мне поддерживать порядок в комнате. Но я по-прежнему могу видеть себя в этом зеркале, посреди всех висящих там вещей.

Обычно я закрываю дверцу, чтобы убрать от себя зеркало, но на этот раз я останавливаюсь и разглядываю себя. Это странно. Когда я смотрю в зеркало, я разочаровываюсь, но не из — за того, что мне не нравится увиденное. То есть, мне оно не нравится, но расстраивает не это. А расстраивает вот что — образ в зеркале не совпадает с образом в моей голове. В моих мыслях я симпатичнее, чем в жизни, поэтому когда я смотрю в зеркало и вижу то, что вижу, я чувствую себя униженной. И немного ненормальной. Откуда бы я взяла эту картинку в моей голове, если не из зеркала?

Я думаю о Холли и Стефани, которые настолько симпатичные, что все в школьных коридорах головы сворачивают. Думаю о Трейси, которая стала королевой «Юнион Хай» — Список Шика поставил ее в более важное положение, чем она занимала, когда была всего лишь очередным чирлидером. И снова задумываюсь над вопросом, который задал Конрад — и который я задаю сама себе — что Джейми во мне нашел?

Я знаю, что он нашел что-то — может быть, и сейчас находит. Он ведь говорил, что я ему нравлюсь. Но... разве время не настало? Думаю, это значит, что он не имел в виду ничего личного. Хотя трудно не воспринимать это таким образом.

Роберт всегда говорил, что я симпатичная, но он явно так больше не считает. Или он не понимал, что говорит, или просто не знал значение слова «симпатичная», пока не встретил Холли. Папа тоже всегда говорил, что я симпатичная. Но что если он говорил это только, чтобы я хорошо относилась к себе? Разве не так родители относятся к своим детям — захваливают, даже когда они это не заслужили?

Я закрываю шкаф и заставляю себя проверить почту. Там письмо от Трейси с темой «СРОЧНО!» и письмо от Вики с фотографией во вложении.

Еще есть сообщение с уведомлением, что на папином сайте новая публикация.

Когда я его вижу, меня охватывает оживание — на сайте папы уже давно не было новых публикаций. Однако я перехожу по ссылке, и публикация оказывается просто набором бессмысленных символов. Раньше такого не было. Интересно, не взломали ли меня? Я захожу под паролем администратора и удаляю это.

Меня бесит, что никто больше не пишет на папином сайте. Его все забыли? Похоже, годовщина смерти — это большое событие, но после него жизнь продолжается.

Я открываю письмо от Вики, из колонок начинает греметь «Monster Mash», и выскакивает фотография. На ней Вики с огромной пышной прической, нарисованной родинкой над верхней губой и в очках «кошачий глаз». Под фотографией подпись: «Подготовилась к Хэллоуину. А ТЫ кем нарядишься, Милашка?»

Я пишу ответ: «Не отмечаю Хэллоуин в этом году. И так чувствую себя, как на шоу уродов. А ты выглядишь ПОТРЯСАЮЩЕ!» Жму на «Отправить».

Потом открываю письмо от Трейси. В нем большой пост — она несколько дней распускала сплетни о нем на сайте. Он демонстрирует тройку любимых дизайнеров Трейси и тройку самых модных учеников «Юнион Хай», в образах которых Трейси увидела много общего с ее любимыми дизайнерами. Пока я рассматриваю фотографии Кристин, Холли и симпатичной новенькой, с которой я ни разу даже не общалась, я осознаю, что мне никогда не попасть в Список Шика.

Никогда.

Все наши друзья оказывались там как минимум один, если не два-три, раза — и сама Трейси все время там — но мне так и не удалось. Даже, когда я ношу образы, которые она сама составляет.

Может, причина моего непопадания в Список Шика больше связана с моим лицом и статусом в «Юнион Хай», чем с одеждой.

Дважды щелкаю на ярлык программы Предварительного экзамена и пытаюсь сконцентрироваться на прохождении теста, но это слишком для моего мозга.

К черту этот дурацкий предварительный экзамен. Я не пойду завтра на тестирование.

Залезаю на кровать, беру телефон и вставляю в уши наушники. Я слушаю Адель, у которой абсолютно уникальный голос, и со мной происходит то, что называется прозрение.

Оперным певцам не приходится петь в унисон.

Рок-звездам не приходится петь в унисон.

И после этого мюзикла мне тоже не придется.

возмездие(сущ.): отплата
(см. также: сюрприз Конрада)

— Дирк Тейлор? — восклицает мама, краснея до корней волос.

Она неуклюже пытается поправить зимнее пальто, переброшенное через ее руку, и сумочку, висящую на плече, когда папа Холли пожимает ей руку и сияет улыбкой на миллион мегаватт (и долларов).

— Я уж точно не ожидала вас встретить на премьере школьного мюзикла, — она слегка качает головой в знак недоверия. — Я такая фанатка ваших фильмов.

Меня раздражает, что все упорно называют работы Дирка Тейлора фильмами.

О каких фильмах мы вообще говорим? Я его даже не знаю в лицо.

Ну, может, и знаю, совсем чуть-чуть. Возможно, он один из тех актеров, которые везде получают небольшие роли, и за счет этого становятся вполне узнаваемыми, но никто не может назвать хоть один фильм, где он снимался.

— Я думала, вы получите награду за «Весенний дождь». Или за «Хороший выход». И вообще за все фильмы, в которых у вас были номинации, — бурно восторгается мама.

Ладно, значит, женщины маминого возраста знают названия его фильмов.

Постойте... номинации? Этот парень номинировался на Оскар?

— Посмотри на свою маму, — шепчет мне в ухо Трейси. — Она вся покраснела — так мило! Так классно, что она сегодня в своем любимом наряде.

Пока Дирк Тейлор внимательно рассматривает мамину юбку — карандаш своими пронзающими, работающими на камеру, голубыми глазами, мне хочется, чтобы сегодня она была одета во что — то другое.

— Вы здесь живете? — спрашивает мама, явно озадаченная присутствием кинозвезды в Юнион — кто бы мог подумать!

Я замечаю, что он все еще держит ее руку, а она даже не делает попыток убрать ее. Холли, стоящая рядом со своим папой с самым большим букетом из всех, которые я видела, тоже замечает реакцию моей мамы и заговорщически мне улыбается, что кажется мне тревожным знаком.

— Мы с папой переехали сюда этим летом, миссис Царелли, — говорит Холли. — В этом году он преподает в Йельской Школе драмы.

— Ну, Холли, талант определенно передается по наследству. Твое выступление было необычайным. У тебя такой приятный голос! — говорит мама.

Мама хвалит Холли за ее выступление и не сказала мне ни слова о моем. Ну и что, что у Пассажира № 3 всего две сольные строчки? Нет маленьких ролей, есть маленькие актеры, так ведь?

Конечно, у нее совсем не было возможности сказать хоть что-то, потому что ее застал врасплох Дирк Тейлор, который, кстати, так и держит ее за руку.

— Холли потрясающая, правда? — говорит Роберт, выходящий из мужской раздевалки. Его шея бережно закутана красным шарфом, будто он может простудиться в холле. Трейси достает свой iPhone и фотографирует его.

— Ты шутишь? — шепчу я.

Она мрачно качает головой.

— Эта штука из трехслойного кашемира.

— Роберт! — восклицает мама. — Я и понятия не имела, что ты такой талантливый! Ты был просто волшебным!

Она не врет — он и правда был потрясающим. Мне кажется, Роберт сейчас лопнет от счастья. «Спасибо, миссис Це», — говорит он с небольшим поклоном.

Я по-прежнему жду, что она скажет что —нибудь обо мне.

— Отличный спектакль, сынок, — говорит Дирк, наконец отпустив мамину ладонь, чтобы пожать руку Роберту.

Голос Роберта опускается примерно на октаву. Он изо всех сил мужественно жмет руку папе Холли и говорит: «Спасибо, Дирк», как будто уже несколько лет зовет его по имени.

— У меня бы ничего не вышло без моей исполнительницы главной роли, — добавляет он.

Роберт целует Холли в щеку. Мама наблюдает за ними чуть дольше, чем следует, а потом переводит взгляд на меня.

Маме всегда нравился Роберт, несмотря на его историю с враньем. Думаю, она, возможно, надеется, что когда-нибудь мы начнем встречаться, и это закончится совместной жизнью. Но сейчас я уверена, что она считает мой шанс упущенным. Ну, конечно, куда уж мне до дочки Дирка Тейлора?

— Милая, ты отлично поработала, — она наконец обращается ко мне, приобняв меня одной рукой и прижав к себе. — Ты смотрелась так, будто тебе по —настоящему весело.

— Любое шоу — ничто без хороших второстепенных актеров, — добавляет Дирк, кивая головой.

На долю секунды, когда его обаяние и харизма направляются на меня, я чувствую его теплоту и энергию... и что-то особенное. Но я знаю, что это актерство и отказываюсь поддаваться ему, как группка мам, стоящих вокруг нас и жаждущих принять участие в беседе. Они придвигаются все ближе и ближе, заставляя меня чувствовать клаустрофобию.

— Отличный танец, Роуз, — продолжает Дирк. — И у тебя отличный гармонический слух и замечательный сильный голос. Я тебя слышал в каждом номере.

Вот вам и унисон.

В разговор влезает Холли:

— Он имеет в виду, что ты фантастически спела.

Дирк кажется озадаченным.

— Ну, конечно, я это и имею в виду! Это потрясающе — иметь такой необычный голос. И почему ты хочешь петь как другие?

Я не хочу петь как другие, Дирк. И как только я покончу с мюзиклом, я никогда больше не буду стараться петь как все остальные.

— Мистер Тейлор? Фото, пожалуйста, — говорит репортер из «Хроник Юнион».

К нему, должно быть, как-то просочилась информация о Тейлорах. Не думаю, что «Хроники» раньше интересовались премьерами в «Юнион Хай».

— На самом деле, это вечер моей дочери, поэтому я предпочту не сниматься, — отвечает Дирк с довольно странной гордостью — он всего лишь упустил возможность сфотографироваться для газеты маленького городка.

— А как насчет вашего фото с дочерью? — спрашивает репортер.

Он не собирается терять самую большую городскую сенсацию за последние, мм,

примерно двадцать лет.

— Все нормально, пап. Я не против, — тихо говорит ему Холли.

— Уверена, милая? — спрашивает он с обеспокоенным видом.

— Все отлично, — заверяет она, а в ее глазах появляется оттенок разочарования, потому что ее отец слишком занят привлечением внимания к себе.

И не он один. Роберт поворачивается к камере, как ракета с тепловым наведением, забыв, что его девушка может не захотеть, чтобы ее снимали лишь потому, что она дочь Дирка Тейлора — особенно, после того, как она блестяще сыграла главную роль в спектакле.

— Ладно, тогда давайте, — говорит Дирк.

Мы с мамой отходим назад, уступая место репортеру. Дирк обнимает Холли, случайно зажимая ее красивые волосы. Она убирает их, а я вдруг вспоминаю, как папа всегда говорил, что мне повезло — мне достались мамины волосы, а не его, как Питеру.

Папе бы понравилось, как я сыграла Пассажира № 3, и не важно, что бы я чувствовала по поводу всего этого. Если бы все пошло по плану, он бы уже вернулся к этому моменту, и возможно, они с мамой говорили бы с Дирком Тейлором вместе, в стиле «добро пожаловать в наши края».

А вместо этого Дирк говорит с мамой в стиле «мне нравится твоя юбка — карандаш».

Дирк поднимает руку, когда репортер уже собирается снимать.

— Кэтлин, Роуз, пожалуйста, идите к нам. С такими приятными дамами фото получится гораздо лучше.

Парень хорош — у них с Холли одинаково шикарные манеры. Но если посмотреть повнимательнее, то поймешь, насколько он расчетлив.

После еще нескольких уговоров Дирка мама соглашается фотографироваться. Я стою в стороне, хотя Трейси пытается подтолкнуть меня вперед, шепча мне на ухо что-то про фото, которое бывает один раз в жизни. Дирк притягивает маму ближе и обнимает ее за талию, заставляя ее покраснеть снова, а его засмеяться. Роберт занимает место между Холли и Дирком, обнимая обоих. Холли улыбается своей идеальной улыбкой, но когда окружающая толпа становится теснее, и все начинают доставать из сумок телефоны, чтобы сделать снимок, эта улыбка становится фальшивой. Не такое выражение лица я привыкла видеть у Холли, которая все время кажется очень спокойной.

Дирк Тейлор — настоящий идиот. Он даже не представляет, что Холли сейчас чувствует. Слишком занят мыслями о самом себе.

Я отхожу назад и иду к раздевалке забрать свои вещи.

— Роуз чертова Царелли! Как дела, Свитер?

Я оборачиваюсь, и хоть я узнала бы этот голос где угодно, я едва распознаю в этом человеке Энджело — он очень изменился по сравнению с прошлым годом.

Энджело — лучший друг Джейми. Он называет меня Свитер, потому что во время нашей первой встречи на уроке самоподготовки в начале девятого класса я была в свитере, хоть на улице было, наверно, градусов девяносто.

Тогда я его по — настоящему испугалась. Казалось, что ему около двадцати, у него были длинные сальные волосы, и каждый день он надевал футболки с изображением разных металл-групп, пропитанные дезодорантом «Ахе». Но однажды он пришел в футболке с Неко Кейс — она лучший исполнитель авторской песни на все времена — и все изменилось. Мы разговорились о музыке. Я выяснила, что он играет в группе под названием «Нахрен это дерьмо» — которую он переименовал в «НЭД», когда понял, насколько проще получить

приглашение выступить, если в твоей рекламе нет ругательств — и мы с Энджелю подружились.

Энджелю со своей группой на полгода уезжал на гастроли, которые они устроили сразу после окончания школы. Теперь его длинные сальные волосы исчезли. Нет и футболки с музыкантами под скользкой черной кожаной курткой. На нем темно — синие джинсы, ботинки Dr. Marten's и серый свитер с огромной застежкой — молнией впереди. Учитывая, что в последний раз я его видела во фраке, который был как минимум на размер ему мал, а его волосы были невымытыми около недели, могу сказать, что Энджелю пошла на пользу настоящая музыкальная деятельность.

Он хватает меня, крепко обнимает и кружит вокруг себя. Я не могу перестать хохотать, хоть у меня и закружилась голова так, что начало тошнить. Я скучала по Энджелю.

Когда мы наконец перестаем вращаться и он опускает меня на пол, ему приходится несколько секунд придерживать меня, чтобы я не врезалась в стену. Но у меня не настолько кружится голова, чтобы не заметить Джейми, входящего в дверь в дальней части холла, рядом с раздевалкой девочек.

Каждый раз, когда я вижу Джейми после небольшого перерыва, я снова чувствую себя семиклассницей, которая смотрит, как он играет в хоккей, и не способна оторвать взгляд. Но теперь я ощущаю что — то другое, вдобавок к трепету и очарованию, и мне требуется несколько секунд, чтобы распознать это чувство.

Это страх.

Я боюсь не его — боюсь за него.

Я беспокоюсь о Джейми. Я слишком многого не знаю о его жизни и о том, что именно он делает для Деладдо.

— Хорошая работа, Роуз, — говорит Джейми.

Не успеваю я понять, что происходит, он наклоняется ко мне и целует в щеку, и я чувствую этот аромат чистоты, который так люблю. Я тянусь к нему, чтобы обнять, но он уже отходит, когда мои руки обхватывают его шею. Мы оба как будто застываем, неуклюже отрываемся друг от друга и делаем шаг назад. Я замечаю, что в одной руке у него телефон, который он постоянно крутит туда-сюда.

— Да, хорошая работа!

Энджелю хлопает меня по плечу и ухмыляется. Он придвигается ближе и слишком громко шепчет:

— Но мюзиклы? Да ладно тебе, чувак! Тебе нужно петь в группе!

— Подожди, это правда? Ты думаешь, я могла бы...

Толпа, собравшаяся вокруг Тейлоров, смеется над чем-то, сказанным Дирком, и Джейми с Энджелю оглядываются посмотреть, что происходит.

— Эй, это тот парень... тот парень из... этой штуки, — говорит Энджелю. — Что он здесь делает?

— Это папа Холли, — отвечаю я.

Энджелю безучастно на меня смотрит.

— Холли, с темными волосами, которая была в спектакле.

— О, да. Она горячая, — задумчиво говорит Энджелю, словно он первый человек, сделавший такой вывод. — А где рыжая? Она такая горячая, что даже типа дымится.

Он оглядывает холл в поисках Стефани, которая, естественно, до сих пор в раздевалке. Никому, кроме нее, не требуется столько времени на переодевание. Это ее первая главная

роль, но она уже научилась искусству заставлять публику ждать.

— Ты имеешь в виду Стеф?

Судя по всему, Энджело понятия не имеет, за кем он наблюдал весь спектакль — догадываюсь, что он не любитель читать программки.

— Помнишь ее с прошлого года, да?

Энджело снова безучастно смотрит около секунды, а потом у него практически отпадает челюсть.

— Так это была Стеф?

Опять мелькают вспышки камер.

— Твоя мама знает этого парня? — спрашивает Джейми.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на маму. Рука Дирка до сих пор лежит у нее на талии. Что бы он сейчас ни говорил, все предназначается ей, и она смеется.

По правде говоря, я давно не видела маму веселой, поэтому часть меня рада за нее, но она раздавлена другой частью, которая супер — раздражена тем, что она — как и все остальные женщины в холле — купилась на притворство папы Холли.

Не могу поверить, что мою маму так впечатлил этот тупица.

— Нет, она только что с ним познакомилась, — отвечаю я, отворачиваясь, чтобы этого не видеть. — А вы что тут делаете?

— Что значит — что мы тут делаем? Пришли на тебя посмотреть! — говорит Энджело. — Ты просто зажгла с этой одной строчкой, которую тебе дали.

Я закатываю глаза.

— С двумя, Энджело. У меня было две.

— Серьезно! — Энджело стоит на своем. — У тебя убойные связки. И ты это от меня скрывала.

— Энджело Мартинез? — говорит Трейси, вырвавшаяся из толчеи восхищенных фанатов вокруг Тейлоров. — Не может быть, что ты Энджело Мартинез.

— Эй, Трейс, дай пять! — Энджело ухмыляется и поднимает ладонь. — Привет, а где эта классная маленькая чирлидерская форма, которую ты всегда носила?

— Синтетика и спандекс — это уже пройденный этап, — говорит Трейси, «давая пять» Энджело по его просьбе, а потом отходит, чтобы разглядеть причудливую застежку — молнию на его свитере.

— Ого, Трейс, ты меня хоть на ужин сначала пригласи, — говорит Энджело, когда она с интересом начинает расстегивать и застегивать молнию.

Она его даже не слышит.

— Можно сфотографировать? «Список Шика» готовит специальный пост о преображениях. Ты идеально подойдешь, если сможем найти твои прошлогодние фото с этими безумными волосами, — говорит Трейси.

— В прошлом году у меня были клевые волосы! — Энджело выглядит оскорбленным и смущенным одновременно. — Что такое «Список Шика»?

— Ты с Луны свалился? — ругает его Трейси, доставая свой телефон, чтобы показать Энджело сайт. Она кидает на меня быстрый взгляд, который означает, что я должна извлечь выгоду из возможности поговорить с Джейми в полуприватной обстановке.

После того разговора, который был несколько недель назад и оставил меня и Джейми в странном состоянии неопределенности, Трейси слегка помешалась. Она все время спрашивает, почему мы с Джейми не вместе и хорошо ли провели время на свидании, хотя я

рассказала ей, что мы делали. Я говорю, что, по его словам, просто не настал момент, а она отвечает, что мне нужно все прояснить — что именно он имел в виду?

Я же не могу сказать, что уже все прояснила. И опять я попала в ситуацию, когда мне приходится что — то скрывать от нее, а мы ведь не должны иметь секреты друг от друга.

Но Джейми просил никому не рассказывать о мистере Деладдо, и я не буду.

На этот День Благодарения мы с мамой ходили в гости к Трейси, где была Стефани со своей мамой. Прежде, чем мы приступили к ужину за красивым столом, который мама Трейси, дизайнер по интерьеру, сделала из стекла и фарфора — а центральный элемент сделан из настоящих листьев с кленового дерева из их двора — папа Трейси произнес молитву.

Я обычно нервничаю, когда люди делают что-то религиозное, потому что у нас дома это не принято, но молитву в День Благодарения я еще могу вынести. Мистер Геррен попросил нас всех подумать о том, за что мы благодарны, о том, без чего не можем представить свою жизнь, и я сразу же подумала о Джейми. А потом мне стало интересно — если Джейми — первый, о ком я подумала, то почему я держусь на расстоянии от него? Только потому, что он сказал, что так нужно? А может быть, ему бы пригодилась моя помощь?

— Роуз? — говорит Джейми.

Он улыбается, но у него усталый взгляд. Теперь он крутит телефон в руках еще быстрее, и я понимаю, что он ждет звонка. Возможно, от Регины.

— Ты хорошо пела.

Я усмехаюсь. Неловкая ситуация — люди говорят тебе, что ты хорошо пела, когда ты пела в хоре. Я имею в виду, разве кто — то прислушивается к хору?

— Что, не веришь?

Пожимаю плечами.

— Мило с твоей стороны, но знаешь, у меня была совсем маленькая роль.

— Да, но я смог тебя услышать.

Я чуть было не сказала ему, что это означает, что я делала все неправильно, но вместо этого я подхожу к нему ближе и наклоняюсь, чтобы никто не мог меня услышать.

— Джейми, я не могу перестать думать о том, что ты мне рассказал.

Его внимательный взгляд сканирует пространство за мной, а потом он смотрит на меня, давая мне понять, что я могу продолжать говорить на эту тему.

— Ты... ты боялся? Когда это делал?

Его взгляд становится чуть-чуть помягче, но он не отвечает.

— Я просто... я переживаю за тебя из — за того, что ты делаешь. Может, тебе не стоит так тесно общаться с Деладдо...

Я не заканчиваю свой вопрос.

— У них плохи дела.

— Разве им может быть хуже, чем было раньше, после того, что ты сделал?

— Не беспокойся из — за...

Когда у Джейми звонит телефон, он отходит от меня так быстро, словно его ударило током или чем — то в этом роде. Он берет трубку и поднимает руку в знак извинения. Потом Энджелло поднимает голову, Джейми кивает ему и машет рукой, не глядя на меня. Он убирает телефон в карман и говорит:

— Мне нужно идти. Ты отлично справилась, Роуз.

— Да, чувак, все было офигенно, — говорит Энджелло. — И Трейс, если я стану, типа,

моделью-звездой в твоём блоге, напиши моему агенту. Он захочет свои десять процентов.

Энджело подмигивает Трейси, и они с Джейми уходят по коридору. У меня нехорошее предчувствие насчет того, что они собираются делать. Настоящее нехорошее предчувствие.

— Эй, Роуз! — пронзительно кричит Энджело, дойдя до самой двери. — Скажи рыжей, что я сказал — она очень горячая. Скажи, что я буду в этой шутке у Трейси, ладно? И дай ей мой номер!

— Куда они пошли? — спрашивает Трейси, когда они выходят.

Я качаю головой. Раньше, когда Джейми уходил от меня, не отвечая на вопросы, это возбуждало. Потом это стало раздражать. Но сегодня это просто пугает. У Джейми и Энджело есть какой-то план, и я могу поспорить, что он как-то связан с Региной и Энтони.

— Девочки, — зовет нас с Трейси моя мама. — Тейлоры пригласили нас всех на десерт в «Morton's». Вы пойдете? — спрашивает она, глядя прямо на меня с неприкрытой надеждой, что я скажу «да».

Мысль о том, чтобы провести еще хоть немного времени, наблюдая за Дирком Тейлором, который позволяет себя фотографировать, чтобы раздуть свое эго и впечатлить мою маму, и Робертом, который влезает в каждый кадр, кажется такой противной, что я готова со всех ног мчаться отсюда. Я хочу сказать «нет», но Трейси толкает меня локтем под ребра и отвечает за меня.

— Звучит здорово, миссис Царелли. Спасибо, мистер Тейлор, — любезно говорит она, пытаясь загладить впечатление от моего сердитого взгляда. — Мы сейчас сходим за вещами Роуз и встретимся с вами в «Morton's» через пару минут. Пошли, Роуз, — говорит она, не дав мне даже рта раскрыть.

Я изумленно смотрю на Трейси, но ей даже не нужно издавать ни звука, чтобы я поняла, что она хочет сказать. «Твоя мама заслужила немного веселья. Не будь стервой».

Роберт потуже завязывает свой шарф, застегивает куртку и берет Холли за руку в варежках. Дирк устраивает целое шоу, наклоняясь, чтобы поднять кожаную перчатку, которую уронила мама, а потом уводит ее к выходу — взяв ее под руку — в холодный декабрьский вечер. Никогда не видела, чтобы какой-то мужчина, кроме моего отца, брал маму под руку. Трудно не дать пинка Дирку Тейлору, чтобы он свалился на ледяную дорожку, и не сказать ему, что последняя вещь, которая нужна в этом мире моей убитой горем маме — это какая-то кинозвезда, морочащая ей голову, когда скорбь по папе настолько сбила ее с толку, что она не понимает, где правда, а где ложь.

Если бы папа ее сейчас увидел, что бы он сделал? Что бы он сказал?

Он ее сейчас видит?

Надеюсь, нет, и ему же лучше.

Едва я чувствую, как к глазам подступают слезы, Трейси берет мою руку в свою и говорит:

— Она большая девочка. Она справится.

Ну, я рада, что хоть кто-то справится.

— Трейс, ты сказала, что мы придем. Я не пойду. Я ничего не говорила про десерт с Дирком Тейлором.

Трейси останавливает машину у светофора на выезде с парковки и включает правый

поворотник.

— Рози, не ве́ди себя так. Не такой уж он плохой.

Я замечаю этот десертный караван, направляющийся в «Morton's» через несколько метров от нас. И вдруг понимаю, что я не пойду. Даже если для этого придется открыть дверь и выброситься из движущейся машины.

— Не такой уж плохой? Он настолько отвратный, что это смущает.

— Я думаю, у него есть свое обаяние.

Конечно, ты думаешь. Потому что он классно смотрелся бы в твоём блоге. Я бесцельно топчу ногой скомканный коврик на полу, пытаюсь его разгладить, хоть и знаю, что под ним лежат журналы.

— Рози, твоя мама обидится, если мы не придем.

— Мистер Голливуд поднимет ей настроение. О Боже. Не думаешь, что он выбрал имя Холли из-за созвучия со словом «Голливуд»? Потому что это было бы убого.

— Давай просто зайдем в «Morton's» на пару минут и уйдем, ладно?

— Трейс, я не хочу смотреть, как моя мама флиртует с этим засранцем.

Треysi молчит — наверно, ее удивило, что я выругалась. Ругательства — не самые мои любимые речевые обороты. Папа вбил нам в головы представление о том, что всегда можно найти более подходящие и выразительные слова, чем ругательства — но я должна признать, что иногда ругательства неплохо звучат. А если употребляешь их с толком, это по-настоящему привлекает внимание.

После паузы Треysi с раздражающим спокойствием, которому она, похоже, научилась в этом году, заявляет:

— Твоя мама не флиртует. Это Дирк Тейлор флиртует.

— Для этого нужны двое, — ворчу я.

— Знаешь что, Рози? Ты ведешь себя как эгоистка.

Треysi с тем же успехом могла бы меня ударить.

— Я веду себя как эгоистка? Мой папа погиб полтора года назад! Это всего восемнадцать месяцев! А она уже... она уже...

Я не заканчиваю это предложение, чтобы не расплакаться.

Обычно, когда у меня включается неразумный режим из-за мамы — или слезливый режим из — за отца — Треysi готова мне помочь, мила и точно знает, что сказать.

Но не в этот раз.

— Она уже что, Роуз? Общается с парнем? Позволяет ему поднять то, что уронила? Идет есть десерт с ним и толпой других людей?

— Фотографируется с его рукой на талии напоказ всему миру! — резко отвечаю я.

Я хватаю iPod, подключенный к аудиосистеме машины, и начинаю пролистывать песни.

Уиллоу... «Sugarland»... «Neon Trees»...

Иногда меня сводит с ума музыкальный вкус Треysi.

Ke\$ha... Энрике Иглесиас...

Эминем и Рианна. Идеально.

Ничто не сравнится с Эминемом, когда тебя все бесит. Его ярость проникает через колонки и проникает в самое нутро. Ты практически ощущаешь ее на вкус. Он всегда звучит так, будто через полсекунды кого — то изобьет. Мне это нравится.

Вот таким исполнителем я хочу стать, а не какой — то дурацкой девочкой из хора в мюзикле, которая поет гармонии из «ла-ла-ла».

Интересно: может ли девушка петь в таком стиле, как Эминем читает рэп?

Я врубаю музыку на такую громкость, что у меня чуть не идет кровь из ушей. Трейси, используя кнопки на руле, делает потише, но все равно оставляет достаточную громкость.

Она сейчас свернет направо и поедет к «Morton's». Я пытаюсь придумать самый безопасный способ выпрыгивания из движущейся машины, когда мимо пролетает машина Джейми, едущая в другом направлении.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я подаюсь вперед, наблюдая за его задними фарами. Не успеваю я еще ничего сказать, как Трейси смотрит на меня с недоверием:

— Ты же несерьезно.

— Ты хочешь узнать, куда они едут?

— Во-первых, это ты хочешь узнать, куда они едут. А мне просто не наплевать. Во-вторых...

Машина позади нас раздраженно сигналист из — за того, что мы не движемся на зеленый.

— Если ты поедешь за ними и мы пойдем, куда они едут, я пойду в «Morton's», — лгу я.

— Нам не стоит даже рядом находиться с теми местами, куда они едут.

— И что это должно значить? — спрашиваю я.

Меня возмущает этот намек на то, что Джейми и Энджелло по умолчанию не способны ни на что хорошее лишь из-за того, кто они есть. Хотя в данном случае я знаю, что Трейси права — что — то происходит, и нам лучше держаться от этого подальше.

Машина снова сигналист, на этот раз уже дольше.

— Их обоих арестовывали как минимум один раз. Это все, что я говорю.

— Пять минут. Потом в «Morton's».

Трейси драматически вздыхает, как будто я прошу о невозможном. Потом включает другой поворотник, и Prius срывается с места, мчась к перекрестку.

Я успокаиваюсь по мере того, как десерт в «Morton's» все сильнее и сильнее удаляется в зеркале заднего вида.

Я снова беру iPod и прибавляю громкость, откидываясь на сиденье, а самый злобный голос на планете долбит мне по мозгам. Кэрон говорит, что я не должна быть снисходительной к своей злости, не пытаюсь в ней разобраться.

Кэрон может идти на Х.

Некоторое время, когда мы едем за ребятами в богатые районы города, Трейси кажется скучающей и раздраженной. Она уже готова сказать, что не собирается больше за ними следить, когда мы сворачиваем в квартал Мэтта Хэллеса.

Теперь все становится интереснее.

Джейми и Энджелло останавливаются перед домом Мэтта. Это огромный красивый особняк в колониальном стиле с белыми фонариками на соснах, растущих с обеих сторон от входа, и гирляндами, украшающими открытую галерею. В одном из окон виднеется громоздкая новогодняя елка, а разноцветные огоньки отражаются на белом капоте спортивной машины Мэтта, припаркованной на подъездной дорожке. Там же много других машин, которые кажутся мне знакомыми — похоже, сегодня у Мэтта тусуется команда по плаванию.

Трейси без разговоров выключает фары, останавливает Prius у бордюра за несколько домов от дома Мэтта, и мы ждем. Я сползаю чуть ниже на своем сидении, когда мы видим,

как Джейми и Энджело выходят из машины, но они сосредоточены на ком-то с рюкзаком — он выходит их встретить из-за живой изгороди, отделяющей владения Хэллисов от соседей.

Их троица переговаривается всего несколько секунд, а потом Джейми поднимает руки и качает головой, как будто он не согласен с чем — то. Они с Энджело делают шаг назад, когда третий человек бросает рюкзак на землю и начинает в нем рыться. Затем он встает, выходит из тени и под уличным освещением становится ясно, что это Конрад с баллончиком краски.

Некоторое время он сильно трясет баллончик и движется к Джейми и Энджело. Джейми скрещивает руки и смотрит на землю, а потом медленно поворачивается лицом к дому. Энджело стоит лицом к улице. Похоже, что они стоят на стреме.

А именно это они и делают — осознаю я, когда Конрад снимает крышку с баллончика и начинает раскрашивать машину Мэтта.

— О Господи, — говорит Трейси. — Теперь они его убьют — правда, убьют.

Мы достаточно далеко, чтобы разглядеть, что именно делает Конрад, но в любом случае это что-то детально продуманное, потому что на это требуется много времени. Когда на улицу заворачивает микроавтобус, Конрад, согнувшись, прячется за машиной Мэтта, а Энджело зажигает сигарету и притворяется, что спокойно общается с Джейми. Микроавтобус проезжает мимо, Конрад выскакивает из-за машины, достает из рюкзака еще один баллончик, а ребята возвращаются на свои посты.

Конрад залезает на капот, чтобы поработать над крышей, и тянется вперед, ложась на лобовое стекло и не пропуская ни сантиметра поверхности. Под уличным освещением видно, что он в черной толстовке, на голове капюшон, а рука неистово работает — бешеный художник — граффитист, пытающийся закончить прежде, чем его поймают.

Когда он все-таки заканчивает, он спрыгивает с капота и запикивает все в рюкзак. Вместе с Джейми и Энджело он направляется к машине Джейми, потом ненадолго останавливается, бегом возвращается к машине Мэтта, залезает на капот и прыгает вверх-вниз, пока не срабатывает сигнализация.

Джейми с Энджело на миг застывают, а затем несутся к автомобилю Джейми и залазят внутрь. Джейми трогается с места и орет из окна на Конрада, который спрыгивает с капота. Едва Конрад оказывается на заднем сиденье, Джейми дает полный газ. Я вижу, как он пытается закрыть заднюю дверь, не вывалившись из машины на повороте.

— Едем, Трейс, — практически шепотом говорю я.

Пронесаясь мимо подъездной дорожки Мэтта с выключенными фарами, мы видим огромные черные буквы, покрывающие капот, крышу и бока когда-то идеального и сверкающего белого спортивного автомобиля — слова «гомик», «гей» и «гомо».

новичок(сущ.): начинающий
(см. также: делающий что-то в первый раз)

— Роуз, передай, пожалуйста, вино Дирку.

Я лучше вылью вино прямо на красивую мамину скатерть из белого льна и посмотрю, как оно расплывется, словно кровавое пятно в фильме про бандитов, чем передам его Дирку. Но я борюсь с сильным желанием испортить этот ужин, который моя мама — а она, между прочим, не перестает улыбаться с тех пор, как познакомилась с мистером Голливуд — планировала несколько дней.

Мама под видом хорошей соседки пригласила Тейлоров к нам в гости в канун Рождества.

— Они, наверно, еще многих в городе не знают, и им будет приятно провести праздник с новыми друзьями, — сказала она объясняющим тоном, как будто половина Йельского Университета не требовала, чтобы кинозвезда провела праздник с ними.

Но нам повезло, и Дирк решил принять приглашение моей мамы.

Я беру бутылку и пытаюсь протянуть ее Дирку, сидящему справа от меня. Роберт, который, судя по всему, теперь стал членом семьи Тейлоров и повсюду их сопровождает, сидит с другой стороны от Дирка. Он тянется через Дирка, чуть не опрокинув свечу, и берет у меня бутылку. Он наливает ему вино, потому что от Дирка, конечно же, и ожидать не стоит, чтобы он сам себе наливал.

На док-станции для iPod в гостиной играет «Jingle Bells».

Если бы я не так устала, я бы была еще более недовольной, чем сейчас. Но я не спала полночи, была шокирована, подавлена, расстроена и взбешена. Шокирована из — за Конрада, который, как я решила, исходя из найденного в Интернете в три часа ночи, совершил уголовное преступление. Подавлена из — за Джейми, который не перезвонил, несмотря на отправленные ему два сообщения о том, что я знаю о случившемся, и мне нужно с ним поговорить. Расстроена из — за того, что уже несколько недель никто не оставляет комментарии или сообщения на папином сайте. И взбешена тем, что мой брат так и не позвонил или не написал, собирается ли он соизволить приехать домой на Рождество.

Даже одного из перечисленного было бы достаточно, чтобы я не могла заснуть. А все вместе чуть не свело меня с ума. И теперь я чувствую себя так, что готова просто свалиться на стол. Или под стол.

— Роуз, — говорит Дирк своим баритоном, от которого у меня зуд по всему телу, — тебе вообще интересны фильмы?

Я думаю, не сказать ли мне «нет», чтобы этот разговор закончился, еще не начавшись, но когда Роберт в неподдельной панике резко поднимает голову от тарелки, мне вдруг хочется разобраться, о чем говорит Дирк.

— Мне нравится кино, — уклончиво говорю я, подавляя своевременный, но абсолютно самопроизвольный, зевок.

— О-о-о, Роуз, ты обязательно должна прийти в наш киноклуб! Это классная идея! — говорит Холли.

Она идеально выглядит в красном свитере клюквенного оттенка с удлиненными

рукавами — колоколами. Трейси сфотографировала бы его, не задумываясь.

— И вы тоже, миссис Царелли! Это же так весело.

— Холли, пожалуйста, зови меня Кэтлин, — неловко улыбается мама.

Догадываюсь, что ей не очень приятно слышать свою фамилию по мужу на ужине, который она устроила для другого мужчины, не моего папы.

Не знаю, сколько еще я смогу все это выносить. Я снова зеваю.

— Замечательная идея! Кэтлин, вы с Роуз должны прийти. Каждый четверг, по вечерам, я со своими студентами смотрю фильм, получивший премию, а потом мы его обсуждаем.

Дирк оптимистично улыбается мне, будто его и правда волнует, вступлю ли я в этот кино клуб, и, поскольку все это просто пропитано харизмой, я чуть не поддаюсь ему. Но я-то знаю — он всего лишь думает, что если я туда вступлю, то мама, скорее всего, тоже вступит. И тогда у него будет идеальный предлог, чтобы проводить с ней еще больше времени.

Хотя Роберта, кажется, абсолютно потрясла возможность моего вступления в кино клуб. На миг ко мне приходит рождественское настроение — я смотрю на ситуацию с точки зрения Роберта, и мне становится его жаль. Тейлоры стали Роберту ближе, чем когда-либо была его семья. Уверена, последнее, чего ему хочется — чтобы рядом находился тот, кто может все это разрушить.

Ну что ж, к счастью для Роберта, мое желание держать маму подальше от Дирка гораздо сильнее, чем желание наказать Роберта за ложь обо мне.

— Так что ты думаешь, Роуз? — говорит Дирк.

— Мы будем смотреть ваши фильмы? — спрашиваю я, стараясь, чтобы это звучало как можно невиннее. Мама смотрит на меня самым суровым взглядом, на который она способна, но Дирк лишь смеется.

— Роуз, если мы будем смотреть только мои фильмы, получившие награды, клуб закроется через неделю.

— Это неправда, пап. Ты снимался в фильмах, которые получили Оскар, премию Британской киноакадемии и Пальмовую ветвь, — с неподдельной гордостью говорит Холли, лучезарно улыбаясь Дирку.

Ни разу не видела, чтобы Холли так смотрела на своего папу, и это меня удивляет — я думала, она считает все эти Голливудские штучки фигней. Когда я вижу, как Дирк обнимает ее и прижимает к себе, на меня обрушивается чувство утраты.

Какое-то время я его не ощущала. Не было подходящих ситуаций. Мысли о папе обычно были связаны с борьбой с ужасающими образами в моей голове, поэтому я не позволяла себе много думать о нем. Но тоска по человеку, который должен сидеть рядом со мной за этим столом — где сейчас вместо него сидит Дирк Тейлор — наполняет мою грудь и раздавливает меня.

Я встаю, чтобы выйти, когда мы все слышим, как кто — то открывает ключом входную дверь.

Мама застывает. Я вижу, как она мысленно проверяет список членов семьи и понимает, что есть лишь один человек, который может открывать нашу входную дверь в канун Рождества. Ее лицо светится надеждой.

Я подхожу к двери секунд на пять раньше, чем мама — как раз вовремя, чтобы увидеть там Питера. Он выглядит так, словно не ел весь семестр.

Рядом с ним беспокойно топчется Трейси.

Я на миг закрываю глаза. Не понимаю, почему Трейси здесь. Рядом с Питером.

— Питер! — радостно, безумно и обеспокоенно одновременно восклицает мама.

— С Рождеством, мам, — говорит он, наклоняясь ее обнять.

У него под глазами по — прежнему супер-темные круги, которые были этим летом, но взгляд хотя бы не остекленевший. Он на удивление ясный.

Он продолжает обнимать ее, потому что она не хочет его отпускать, и через мамино плечо Питер разглядывает мое лицо так же, как я разглядываю его.

— Привет, Роза. У тебя такой вид, будто ты спишь на ходу.

У меня сейчас голова взорвется. Как он вообще может говорить со мной в таком тоне после того, как с сентября меня обламывал? Я не обращаю на него внимания и поворачиваюсь к Трейси.

— Что ты тут делаешь?

Это прозвучало злее, чем я собиралась, и застало ее врасплох.

— Я просто... Я шла с тобой поговорить и перед домом столкнулась с Питером.

Питер смотрит на нее сверху вниз и слегка улыбается.

— Рад тебя видеть, Трейс.

Что? Я выгляжу так, будто сплю на ходу, а ее он рад видеть?

— Привет! Ты, должно быть, Питер, — раздается позади нас голос Дирка. — Много с тебе слышал.

Он протягивает руку в сторону нашей маленькой счастливой группы, чтобы поделиться одним из своих мужественных рукопожатий.

Выражение лица Питера меняется — сначала смущенное, потом одобрительное, потом удивленное, и опять смущенное — и он пожимает руку Дирка.

— Мм, привет, — красноречиво отвечает он.

— Питер, это Дирк Тейлор. Он и его дочь Холли недавно переехали в наш город и сегодня с нами ужинают. Холли — одноклассница Роуз, — объясняет мама, пропуская слова о кинозвезде. — Мы почти дошли до десерта. Почему бы вам вдвоем не сесть за стол?

Мама говорит так, словно говорить «вы вдвоем», имея в виду Питера и Трейси — это самая нормальная вещь в мире.

— Мам, на самом деле, мне нужно с тобой поговорить, — заявляет Питер. — С тобой тоже, Роуз.

— Кэтлин, мы помоем посуду, и десерт как раз будет готов. Не спеши. Рад знакомству, Питер.

— Взаимно, мистер Тейлор, — с легким благоговением говорит Питер.

Фу, фу, фу.

— Давай, раздевайся, — говорит мама.

Когда Питер снимает шапку, его непослушные волосы взъерошиваются, и он вдруг становится невероятно похож на папу. Я даже отхожу от него на шаг. Мама тоже это замечает — это понятно по пристальному взгляду, с которым она берет его куртку и шапку.

Совсем неплохо, что маме напомнили о папе, пока Дирк Тейлор моет посуду на ее кухне.

Трейси, все еще стоящая рядом с Питером, теперь переминается с ноги на ногу, постукивая по полу высокими каблуками. Ее длинный полосатый шарф завязан идеальным узлом.

— Роуз, я пришла с тобой поговорить кое о чем, но я лучше тебе попозже позвоню, — нерешительно говорит она.

Уходить ей явно не хочется.

— Нет, Трейс, все нормально. Оставайся.

Питер улыбается ей одной из своих фирменных улыбок, и я вдруг понимаю — какое бы нехорошее известие Питер ни собирался нам сообщить, Трейси уже его знает.

И еще понимаю, что камень, который я чувствую на сердце с тех пор, как открылась входная дверь — это ревность.

Я злюсь на свою лучшую подругу, она меня обидела, но в этой ситуации есть что-то еще, и это хуже. Гораздо хуже.

Мы вчетвером идем в гостиную, и мама уже забыла о том, что Питер собирается, образно говоря, столкнуть ее с товарным поездом.

— Мам, мне пришлось взять академический отпуск на семестр, — говорит Питер, не давая ей даже присесть.

Улыбка моментально исчезает с ее лица.

— Нет, Питер, это не очень хорошая идея. Сейчас для тебя полезна система.

Я готова расхохотаться. Какую именно систему она имеет в виду? Систему ежедневных вечеринок и последующего сна на занятиях? Систему употребления тяжелых наркотиков со своей девушкой? Какую систему?

— У меня не было... выбора, — говорит Питер.

Мама выглядит озадаченной, но до меня мгновенно доходит. Я жду — собирается ли Питер пояснить, но он слишком труслив, чтобы это сделать, поэтому вмешиваюсь я.

— Мам, он хочет сказать, что его выперли из школы.

— Я не это хочу сказать, — рассерженно отвечает Питер. — Я просто взял академотпуск на семестр.

— Зачем? — говорит мама.

— Потому что он ходил по вечеринкам вместо того, чтобы учиться, — отвечаю я. Ничего не могу с собой поделать.

— Роуз, хватит отвечать за брата.

— Скажи ей, что я неправа, Питер, — подначиваю я, не глядя на маму.

На долю секунды мне кажется, что Питер сейчас пошлет меня на три буквы, но он лишь медленно качает головой.

— Ты не совсем неправа, — признает он.

— Роуз Царелли, — говорит мама, поворачиваясь ко мне. — Ты лгала мне.

Его выгнали из школы, а она злится на меня?

Я спрыгиваю с дивана от возмущения:

— Я лгала? Что ты... Как ты вообще...

— Ты уже несколько месяцев мне говоришь, что не общаешься с Питером!

— Она и не общается, миссис Царелли, — говорит Трейси в мою защиту, хоть это и неправда. — Я знаю, что она не общается.

Голос Трейси посреди личного семейного разговора выводит меня из себя.

— А ты что здесь делаешь?

— Она тебя защищает, Роуз, — говорит Питер. — Не будь такой сучкой.

— Питер! — кричит мама.

Из дверного проема высовывается наша местная кинозвезда.

— Кэтлин? Все нормально?

Он смотрит на нее с серьезной озабоченностью, которую он, наверно, годами доводил

ее до совершенства, тренируясь перед зеркалом.

Чудовищно смущенная мама нервно сглатывает и улыбается.

— Все отлично, Дирк. Просто улаживаем разногласия. Я подойду через минуту.

После еще одного идеально сыгранного взгляда, на этот раз сочувственного, Дирк исчезает на кухне, где, судя по звукам, Холли и Роберт наполняют посудомоечную машину.

Из — за сочетания изнеможения и гнева я чувствую себя словно в отключке — все вокруг кажется нереальным. Мой взгляд падает на телефон, который лежит на журнальном столике, где я оставила его на время мучительного поглощения закусок.

— Если ты не контактировала с Питером, откуда ты узнала, что с ним происходит? — спрашивает мама.

Если бы Питер не обозвал меня сучкой, я бы не решилась показать ей содержимое своего телефона.

Но он обозвал меня сучкой.

Я беру телефон и вижу, что пропустила три сообщения от Трейси. Сразу же открываю «Фото». Сажусь рядом с мамой и показываю одну из оставленных мной фотографий Питера. Она бледнеет.

Питер, узнав свой старый iPhone, вскакивает.

— Что ты делаешь?

Он хватает меня за руку и поворачивает телефон к себе, чтобы увидеть, что я ей показываю.

На этом фото Питер и Аманда склонились над журнальным столом со странными маленькими трубочками в руках.

Все замолкают, пытаюсь понять, что происходит.

Питер садится с другой стороны от мамы, и его пристальный взгляд пронизывает меня как кинжал.

— Я просил тебя удалить мои фотографии.

— А зачем ты отдал мне телефон с ними? — парирую я.

Мама зажимает рот руками и закрывает глаза.

— Все будет хорошо, мам. Мне просто нужен перерыв, но мне разрешат вернуться. Не переживай из — за этого.

— Не переживать из-за этого? — говорит она.

Она вырывает у меня из рук телефон и тычет этим фото Питеру в лицо.

— У тебя зависимость?

Питер усмехается.

— Мама, это колледж. Не будь смешной.

— Не называй ее смешной! — говорю я. — Ты не думаешь, что мы поняли, что с тобой что — то не так, когда ты летом приехал домой? Ты встречаешься с этой наркоманкой...

— Она не... — Питер перебивает сам себя. — Господи, Роуз, иногда я просто забываю, что ты еще такая маленькая. Иди помоги на кухне, ладно? Мне нужно поговорить с мамой наедине.

У меня практически идет пар из ушей.

— Маленькая? А ты из тех, кто принимает наркотики, чтобы впечатлить девушку, которая ни хрена тебе не подходит!

— Роуз! — говорит мама, не привыкшая к тому, чтобы я сбрасывала бомбы на букву «Х». — Сегодня канун Рождества! — добавляет она, как будто это так важно.

Словно по заказу, плейлист с рождественскими песнями возвращается на начало, и снова включается «Jingle Bells».

Питер смотрит на Трейси, которая тут же встает, словно они общаются посредством телепатии.

— Розы, мне нужно с тобой поговорить. Пожалуйста, — умоляет Трейси.

Не отвечая ей, я забираю свой телефон у мамы и, громко топая, ухожу в свою комнату. Я поняла, что Питер каким-то образом завербовал мою лучшую подругу, чтобы она помогла ему сообщить эту новость, и теперь она на его стороне. Трейси идет за мной и встает в дверях с виноватым видом. Не буду же я захлопывать дверь прямо перед ней.

— Откуда ты об этом узнала? Ты общалась с ним за моей спиной? — я требую объяснений.

— Я пришла, потому что ты не брала трубку, — медленно говорит Трейси, как будто я могу ее укубить в любую секунду. — Когда я оказалась здесь, Питер выходил из своей машины. Мы поговорили пару минут.

Она не ответила ни на один из моих вопросов. А еще не сказала мне перестать быть параноиком — она обычно так говорит, когда думает, что я выхожу из-под контроля.

— Что он тебе сказал? Или ты не должна ничего рассказывать? — гневно выплевываю я.

— Он сказал, что папа Аманды забрал ее из школы, отправил на реабилитацию и сказал декану, что Питеру тоже нужна помощь.

Я отворачиваюсь и ударяю по клавиатуре компьютера, загружая экран — хоть что-то, чтобы закрыться от нее. Выскакивает уведомление почтовой программы — новое письмо от Вики с темой «Северные олени рулят!!!!» Я открываю его и вижу ее фотографию с огромными пушистыми оленьими рогами. Они торчат из массы гигантских кудряшек, уложенных на голове под безумными углами. В письме всего две строчки: «Пыталась оставить пост на твоём сайте. Он не работает, потому что там много праздничных сообщений для твоего папаши?»

Мой сайт работает... или нет? Я набираю его адрес в браузере, и он сразу же открывается.

— Роуз, — раздраженно говорит Трейси, стараясь привлечь мое внимание. — Мне звонил Мэтт.

Я все еще пытаюсь сообразить, с чего Вики взяла, что сайт не работает, когда слышу слова Трейси. Есть лишь одна причина, по которой Мэтт мог позвонить Трейси, и это явно не желание поздравить ее с Рождеством.

— Он нас видел? — спрашиваю я, оборачиваясь.

— Не знаю. Но он просил передать Конраду, что он труп.

— Откуда он узнал, что это Конрад?

Трейси наклоняется ко мне.

— Конрад с тем же успехом мог подписаться своим именем.

Мы с Трейси подпрыгиваем от того, что дверь в комнату Питера с грохотом захлопывается. Трейси оглядывается и смотрит на закрытую дверь Питера.

— Девочки! Десерт на столе, — зовет снизу мама.

У нее зажатый голос от напряжения — она пытается сделать вид перед звездным гостем, что ее сын просто приехал домой из престижного северо-восточного колледжа, а не объявил, что его выгнали за употребление наркотиков.

— Мы должны сообщить в полицию, — говорит Трейси.

— Они просто арестуют Конрада, а у Джейми с Энджелло тоже будут неприятности.

— Конрада не арестуют, если он расскажет о той вечеринке.

— Это не сработает, — рывкаю я. — Так испортить машину? Это может рассматриваться как преступление. А почему он это сделал, значения не имеет.

— Девочки? — снова зовет мама, на этот раз уже с большим отчаянием.

У меня начинает гудеть голова от переутомления — я не могу туда вернуться.

— Скажи, чтобы начинали без меня. Я позвоню Джейми и расскажу про Мэтта.

Трейси уже готова со мной поспорить, но я перебиваю ее.

— Иди посмотри, как там Питер, — говорю я, наконец поддаваясь искушению захлопнуть дверь.

— Хорошо, Роуз, — говорит Трейси из коридора.

Я слышу, как ее каблуки стучат по лестнице, а она говорит что — то маме. Потом открывается и закрывается входная дверь.

Похоже, после всего этого она и не претендует на десерт.

Я тянусь к своему телефону и в этот же момент вижу, что мне звонит Вики.

— Розалита! С Рождеством, девочка! Оно у вас снежное?

Я люблю разговаривать с Вики. Большую часть времени мне даже не приходится ничего говорить, потому что она болтает за нас обеих.

— Привет, Вики. Нет, снега пока не было.

— Получила последнее?

— Хорошие рога, — говорю я.

Я сажусь на кровать, а потом падаю на спину, утопая в толстом одеяле. Такое ощущение, что это самое уютное место во всем мире.

— Пришлось над ними потрудиться, милая. Сделала их только ради тебя.

— Спасибо, Вики.

— Ты в порядке, милаш? Голос испуганный.

— Праздники. Ты же знаешь.

— Ой, милая, праздники могут быть противнее, чем кастрюля с гремучими змеями, — говорит она. — Эй, а что с твоим сайтом? Вылезает одна из этих чертовых системных ошибок.

— На нем какое-то время никто не пишет. Все забыли.

— Ни за что, милая. Это невозможно. Ты пойдешь и позвонишь в техподдержку. Они скажут, что не так. Но поверь мне, никто не забыл твоего папочку.

Может, она и права. Это могут быть всего лишь глюки техники. Наверно, на сайт писало столько людей, что он просто сломался. Хотя такие вещи случаются только, когда умирают знаменитости и народ сходит с ума, отправляя сообщения о том, как сильно они любили того, с кем ни разу не встречались.

Интересно, сколько будет посещений на сайте Дирка — я на него заходила часа в четыре утра — если он умрет. Возможно, больше, чем на папином. Если бы папа был киноактером, а не инженером, на его мемориальном сайте определенно было бы больше посещений.

А маму, возможно, уже не интересовал бы никто другой.

— Ты тут, милаш?

— Да, извини, Вики.

— Скучаешь по папаше?

— Да. А ты скучаешь по Тревису?

— Каждый день. Каждый день. Но у нас все будет в порядке, сладкая, просто помни это.

Даже, если ты чувствуешь, что движешься назад, время все равно движется вперед, и оно лечит все.

Я слышу, что в ее доме есть люди — кто-то гроыхает кастрюлями и сковородками.

— Мне нужно поправить рога и быть милой с моими гостями. А ты сейчас устроишь вам с мамашей хорошее Рождество, ладно? И помни, что она тоже скучает по папаше. Благослови тебя Бог, милая.

К тому времени, когда я кладу трубку, я уже не могу встать с постели. Я лежу, слушаю, как внизу играют рождественские песни, вилки стучат по тарелкам с десертами, а Питер говорит по телефону в своей комнате — наверно, рассказывает Аманде, какие мы с мамой идиотки. Дирк что-то говорит, и Холли с Робертом смеются, но я не слышу маму. Пытаюсь представить, как она строит хорошую мину при плохой игре и развлекает гостей, а сама, возможно, умирает от смущения из — за того, что ни один из ее детей не соизволил спуститься к десерту.

По — взрослому и по — рождественски было бы спуститься вниз и помочь ей — развлекать всех и каждого, убирать со стола, мыть посуду после того, как все разойдутся.

Вот чего хотел бы от меня папа — даже, если она влюбилась в другого парня.

Это была моя последняя мысль перед тем, как глаза закрылись без моего разрешения.

Я просыпаюсь и вздрагиваю.

Я забыла позвонить Джейми.

Хватаю телефон. 2 часа ночи. Звонить слишком поздно.

Но это экстренный случай.

Я отправлю сообщение. Пишу: «Мэтт звонил Трейси. Он знает, что это Конрад». Палец замирает над кнопкой «Отправить», а потом нажимает на нее.

Около минуты я смотрю на телефон на случай, если что-то произойдет. Когда ничего не происходит, я на цыпочках иду в ванную почистить зубы и избавиться от вкуса рождественского-ужина-который-прошел-неудачно. Я почти справляюсь с этой задачей, когда слышу сигнал телефона.

Бегом возвращаюсь в комнату, изо рта вытекает пена от пасты и капает мне на футболку.

Он ответил: «Не спишь?»

«Вроде, нет», — пишу я в ответ.

«Я могу приехать?» — спрашивает он.

Опять все сначала.

Смотрю на телефон — убедиться, что я не ошиблась, посмотрев на время.

Не ошиблась. Сейчас 2:13.

«На улице?» — пишет он, не дождавшись ответа.

«Задняя дверь», — отправляю я.

Проходит пятнадцать минут, и после попыток спасти размазавшийся во сне макияж и переодевания в не испачканную зубной пастой одежду я слышу, как к дому подъезжает

машина. Через щель в занавеске я вижу Джейми. У меня сбивается дыхание, когда я думаю о последней нашей встрече среди ночи.

Но теперь об этом и речи быть не может.

Открываю дверь и выхожу в коридор. Понятия не имею, получится ли у меня это сделать — лестница на первый этаж совсем рядом с маминной комнатой, а я никогда не обращала внимания, скрипит она или нет. Я начинаю спускаться на цыпочках и с радостью обнаруживаю, что наша лестница практически бесшумна по сравнению с лестницей дома у Трейси.

На секунду я останавливаюсь — а вдруг кто-то еще не спит? Но в доме тихо. Прокрадываюсь через гостиную и кухню к задней двери. Вот и он, под самыми яркими за всю мою жизнь звездами, в своей камуфляжной куртке, без шапки и перчаток, хотя на улице, наверно, минус двадцать. Он даже виду не подает, что ему холодно.

Тихо и осторожно я открываю заднюю дверь и держу ее открытой. Он не движется с места.

— Я могу войти? — спрашивает он.

— Да, — шепчу я. — Только тихо.

Он все еще не движется.

— Что не так?

— Я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, — говорит он.

— Отлично.

— Не совсем, если мне придется заходить через заднюю дверь.

Я дрожу от холодного воздуха, проникающего через открытую дверь.

— Просто моя мама не хотела бы тебя здесь видеть.

Он засовывает руки в карманы.

— Так вот почему ты тогда не разрешила за тобой заехать.

Пару секунд я нахожусь в замешательстве. Свидание — он говорит о свидании.

Я вижу это в глазах Джейми и понимаю, что уже во второй раз не разрешила ему прийти ко мне домой как все нормальные люди.

Я обидела его.

Но, строго говоря, он вообще не должен сюда приходить. Он же сказал, что я заслуживаю кого-то другого.

— Я не разрешила за мной заехать, потому что не знала, свидание это или нет, — говорю я, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза. — И выяснилось, что нет.

К сожалению, он даже не пытается спорить.

Кажется, что Джейми хочет что — то сказать, но не говорит. Он осторожно переступает через порог, словно так и ждет сигнала тревоги, чтобы убежать. Я веду его через прихожую в теплую кухню.

— Ты одета, — произносит он, глядя на теплую кофту, которую я натянула.

Она совсем не сочетается с черной юбкой и узорчатыми шерстяными колготками, в которых я была на ужине. Но сейчас меня это волнует меньше всего.

— А ты же, вроде, засыпала.

— Я ненадолго заснула в одежде.

Я достаю из шкафа два стакана и наливаю в них воду. Когда я поворачиваюсь, чтобы дать ему стакан, он так внимательно разглядывает мое лицо, что мне хочется отвернуться. Когда Джейми так пристально на меня смотрит, я могу этим наслаждаться совсем недолго, а

потом мне становится стыдно. Хотела бы я быть симпатичнее, для его же блага. Я бы хотела, чтобы он смотрел на красивое лицо, а не на такое, как у меня.

Я не из тех девчонок, которые бродят без дела и болтают, какие они страшные. Я не люблю зеркала — так и есть, я знаю, что мои лучшие подруги симпатичнее меня, но я совсем не помешана на этом, как некоторые.

Но когда на меня смотрит Джейми Форта, каждой клеточкой моего тела мне хочется быть красивой.

— Прошлой ночью я не могла уснуть, — говорю я, понимая, что у меня темные круги под глазами. — Похоже, сегодня тоже не смогу.

Он ставит свой стакан на барную стойку, за которой мы стоим рядом друг с другом, не делая ни глотка. Наше молчание прерывается лишь тиканьем часов, висящих на стене. Тускло светится духовка, и мне не хочется включать яркий свет, поэтому я втыкаю в розетку вилку елочной гирлянды, которую мама натянула над раковиной. На кухне становится чуть светлее.

— Почему ты не могла уснуть?

Пожимаю плечами.

— Не могла перестать думать.

— О чем?

— Обо всем. Сегодня Питер приехал. Его выгнали из школы за наркотики. Я, вроде как, уже знаю об этом.

— А мама знает?

— Думаю, она старается не знать, если это имеет смысл.

— Ты переживаешь? — спрашивает он.

— Я на него злюсь, — говорю я, и меня не волнует, как это звучит.

Одна из вещей, которые я люблю в разговорах с Джейми — для него не существует больших проблем, он не психует ни из-за чего. Он остается спокойным и не накручивает себя. Поэтому я чувствую, что могу рассказать ему что угодно.

Джейми оглядывается через плечо на гирлянду. Один из фонариков все время мигает, он тянется к нему и что-то регулирует, пытаясь это исправить. Фонарик прекращает мигать.

— Так вот, я говорила, Мэтт все знает, — говорю я.

Джейми кивает, давая понять, что он не удивлен.

— Джейми, ты знал, что Конрад собирался сделать тем вечером?

— Он сказал, что ему нужна помощь с одним делом. Но не сказал, с каким, пока мы туда не приехали.

— Было видно, что ты пробовал его отговорить.

Джейми слегка улыбается, а потом протягивает руку и убирает прядь волос от моего лица, что меня удивляет. Кончики его пальцев едва касаются моей кожи, но я чувствую их, когда он делает это снова и снова.

— Теперь ты за мной шпионишь?

Я начинаю краснеть.

— Что ты там делала? — спрашивает он.

— Следила за тобой.

— Зачем?

— Я же говорила — я переживаю. За тебя.

Он смотрит на меня отсутствующим взглядом, как будто оценивает меня с далекого

расстояния. В разговорах с Джейми много молчания. Иногда оно означает, что он пытается придумать, как о чем-то заговорить. А иногда — что ему нечего сказать. Единственный способ выяснить — ждать.

— А я переживаю за тебя, — наконец говорит он, неловко произнося эти слова, как будто никогда раньше их не проговаривал.

Джейми берет мой стакан с водой и ставит его на барную стойку рядом со своим. Потом поворачивается ко мне лицом и опирается руками на стойку по обе стороны от меня. Он так близко, что я вижу золотистые пятнышки в его ореховых глазах и чувствую морозный декабрьский запах от его куртки.

У меня начинает ныть внизу живота, а дыхание становится поверхностным.

Как он это делает? Как он добивается такой реакции за три минуты? Он всего лишь зашел в дом, даже не прикасался ко мне! Все, что он делает — просто... остается собой.

Я бы, наверно, так ответила.

Пытаюсь заговорить, но во рту пересохло. Я делаю глоток и пытаюсь еще раз:

— Почему ты за меня переживаешь?

— Ты грустная. Не всегда, но часто.

Он прав?

В начале года у меня были планы. Я планировала кем — то стать, найти что — то свое, завести друзей, нравиться им, быть дерзкой — Роуз 2.0. Я была счастлива. Но все это оказалось слишком сложно воплотить в жизнь.

У Трейси есть «Список Шика»; Стефани — это вообще женщина — шоу, сейчас она популярна во всей школе; у Роберта и Холли есть театр, и они есть друг у друга. А мне что осталось?

Оказалось, что участие в мюзиклах — это не мое, и я не уверена, что мне теперь делать с пением. Я вложила много трудов в сайт, но на нем ничего больше не происходит. Я даже не прошла предварительное тестирование, как планировала. Я нигде.

Нет. Не нигде. Хотя он и не должен здесь быть по целой куче причин, Джейми Форта у меня на кухне посреди ночи, смотрит мне в глаза и говорит, что переживает за меня, потому что я часто грущу.

Это уже кое-что... Даже больше, чем кое — что.

— Можно вопрос, Джейми?

— Да, — говорит он, а его взгляд блуждает по моему лицу и останавливается на губах.

Я чувствую, как к щекам приливает жар.

— Почему ты чувствуешь вину из — за мистера Деладдо, если он делает то, что делает?

— Теперь у них никого нет. Из — за того, что я сделал.

В голове не укладывается его логика.

— Не из — за того, что ты сделал, а из — за того, что он сделал.

Джейми пожимает плечами. Не могу сказать — или мои слова не имеют для него смысла или он просто не согласен.

— Я думал, это все исправит, если он уйдет.

— Он больше их не обижает.

Он качает головой.

— Но дела пошли хуже. Регина с Энтони, и с Конрадом вся эта хрень творится. Миссис Де не выходит из дома.

— Она не выходит из дома? Как, вообще?

Джейми медленно качает головой.

— Что ты ему сказал, когда... у тебя был пистолет?

— Я сказал, что все знаю. И что он должен уйти.

— А он?

— Этот парень трусливый, как цыплячье дерьмо, — Джейми смотрит вниз, изучая свои рабочие ботинки. — Я все знал, причем давно. Регина заставила меня пообещать ничего не делать. Не надо было ее слушать.

— Как это могло так долго продолжаться?

— Такие ребята дерутся только там, где никто не видит.

— А ты как узнал?

Он не отвечает сразу же. Потом говорит:

— Увидел у нее синяки.

Я знаю — я должна сочувствовать Регине, а не безумно ревновать Джейми, но мне очень тяжело думать о том, что он был с ней.

Я отклоняюсь от него — тянусь за своей водой, хотя она не полезет мне в горло даже, если мне за это заплатят — но он не убирает руки. Я в ловушке.

— Роуз.

Я делаю глубокий вдох, отказываюсь от своих тупых отвлекающих маневров и смотрю ему в глаза

— Это было давно, — говорит он, а потом наклоняется ко мне и целует так нежно, что у меня перехватывает дыхание.

На миг, когда его губы касаются моих, я думаю, что смогу отвлечься, придумать способ избежать этого поцелуя — его же не должно быть.

Но его руки придвигаются еще ближе ко мне, и я ничего не могу с собой поделать.

Есть что-то классное и ужасное одновременно в поцелуях с парнем, от которого ты моментально таешь. Очень возбуждающе — быть беспомощной, когда он к тебе прикасается, но быть рабом его привлекательности — отстойно. Ты вдруг поступаешь совсем не так, как думала, что решила, и делаешь точно то, чего делать не должна.

Это одна из многих вещей, в которых я еще не разобралась. Почему, если ты к кому — то равнодушна, ты практически лишаешься способности принимать разумные решения?

Этот поцелуй отличается от других. Он не бесконтрольный, не опрометчивый, не пламенный. Он мягкий, нежный, теплый и безопасный.

А это еще опаснее.

Для меня не звучат фанфары, когда красивые и теплые руки Джейми оказываются под моей кофтой и направляются к моей грудной клетке. Не знаю, чего я ожидала — голоса свыше, объявляющего, что очень скоро парень в первый раз дотронется до моей груди? Кончики его пальцев задевают низ моего бюстгалтера, а через секунду руки уже скользят по его тонкой ткани.

— Хорошо? — шепчет он, не отрывая губ от моих, кажется, что его голос проникает внутрь меня.

Я киваю, потеряв дар речи, когда его пальцы прикасаются к моему бюстгалтеру и движутся к застежке. Все происходит так быстро, что мне приходится опереться на барную стойку, чтобы не сползти на пол.

Он без труда расстегивает бюстгалтер, будто проделывал это миллион раз, и я на миг напрягаюсь. Я думала, что в этом процессе есть целая стадия, когда прикасаются через

одежду, и только потом одежду начинают снимать или расстегивать или еще что-нибудь.

Он чувствует, что я сомневаюсь, и держит руки на моей спине, давая мне время передумать. Но этого не происходит, и он медленно приближается к моей груди, исследуя обнаженную кожу.

Внезапно меня перестает волновать, расстегивал ли Джейми миллионы лифчиков до меня. У меня просто нет слов, чтобы описать, насколько хорошо, когда тот, кто тебе нравится — тот, кого ты любишь — так к тебе прикасается.

Любовь. Это любовь? Любовь и притяжение — по ощущениям одно и то же? А как тогда узнать, что это?

Стой, стой, стой. Это неправильный вопрос. Правильный вопрос — если мы не вместе, почему это вообще происходит?

Почему я позволяю этому происходить?

— Джейми, — шепчу я, а он целует мою шею, рисуя пальцами круги на моей чувствительной коже, от чего мне трудно говорить.

Я закинула голову назад и закрыла глаза. И, кажется, не могу их открыть.

— Зачем ты это делаешь? — умудряюсь выговорить я.

Его руки замирают, хотя остаются там же, где были. Потом он слегка усмехается — я чувствую его горячее дыхание на своей шее.

— Я, наверно, что-то не так делаю.

Заставляю себя открыть глаза и взглянуть на него.

— Нет, это... Я чувствую... Ты такой...

Я задыхаюсь. И не могу закончить предложение.

Руки Джейми проскальзывают вниз, и он вытаскивает их из-под моей кофты. Он снова ставит их на барную стойку с обеих сторон от меня, но не встречается со мной взглядом.

— То есть, я думала... Ты сказал... Что-то изменилось? — спрашиваю я.

— Нет, Роуз. Ничего не изменилось. Извини...

Я кладу руки ему на грудь, чтобы он остановился.

— Пожалуйста, не надо. Я чувствую, что мы... не должны так делать. То есть, я догадываюсь, что мы не должны, но это не плохо. Я не чувствую, что это неправильно, понимаешь? Для меня.

Джейми наклоняется и целует меня в макушку.

— Неудивительно, что ты не можешь заснуть, — говорит он, уткнувшись в волосы.

Смутившись от того, как неуклюже смотрится расстегнутый бюстгальтер под теплой кофтой, я застегиваю его. Джейми стоит на том же месте, прямо напротив меня, словно вообще не хочет двигаться.

Потом он на шаг отходит назад, лезет во внутренний карман куртки и достает оттуда толстый светло-голубой пакет, перевязанный красной лентой. Он протягивает его мне.

Я неуверенно беру его.

— Это мне?

Он кивает.

— С Рождеством.

Подарок. Он принес мне подарок. Я держу его в руках и не хочу открывать. Он и так идеален.

— Открывается вот так, — поддразнивает он меня через минуту и тянет за один конец ленты.

Лента ослабевает, подарочная упаковка разваливается, и оказывается, что в ней какие-то старые ноты. На обложке написано «Пановка. Искусство пения, 24 вокализа для сопрано».

Я открываю ее и вижу на форзаце имя Сильвии Дюран, написанное аккуратным мелким почерком. Под ним дата — двадцать лет назад, и целый список фраз, например: «Выделяй фразы», «Тренируйся с энциклопедией» и «Усваивай темп».

Это книга с все более и более сложными вокальными упражнениями, и во всех сделаны пометки по дыханию и фразировке. Кто — то очень серьезно над ней поработал.

Я не сопрано, но меня это не волнует — все равно крутой подарок.

Джейми протягивает руку и переворачивает страницы обратно к форзацу с рукописными заметками.

— Моя мама тоже пела.

Я всматриваюсь в имя Сильвии Дюран целых десять секунд, и только потом до меня доходит.

— Подожди, так это... это книга твоей мамы?

— Да. Она занималась, когда я был маленьким.

— Я не могу...

— Нет, можешь.

— Джейми, она бы хотела, чтобы ты...

— Она бы хотела, чтобы книга досталась певице, — говорит он, вынимает ее у меня из рук и кладет на барную стойку позади меня, чтобы я не могла ее вернуть.

Я чуть было не сказала, что я не такая певица, какой, возможно, была она, но остановила себя.

Я певица — я чувствую это. И он тоже.

Каким — то образом, на уровне инстинктов, я знаю, как важно произносить эти слова, верить в них и полагаться на то, что это правда.

Он наклоняется, целует меня в щеку и берет мою руку в свою — я чувствую, как он легонько гладит мою ладонь большим пальцем. Его губы на мгновение замирают, и я ощущаю на щеке его дыхание. А потом он направляется к задней двери.

— Джейми, — говорю я, хватая его за рукав камуфляжной куртки.

Понятия не имею, сколько у Джейми осталось вещей его матери, и уж точно не чувствую, что эта книга по музыке с ее почерком, заметками и мыслями должна быть моей. Но я знаю, что когда кто — то делает такой широкий жест, как Джейми, ты должен его принять — ты обязан.

Но мне тоже хочется что-нибудь ему подарить.

Мои пальцы скользят по его рукаву и снова возвращаются к его ладони.

— Просто хотела сказать, что никто и никогда... не делал со мной такого. Что ты сделал. До этого.

Удивление на его лице быстро сменяется сожалением, он закрывает глаза и опускает голову. Не на такую реакцию я надеялась. Просто хотела, чтобы он увидел, как много это для меня значит. Как много он для меня значит.

— Подожди... что-то не так? — спрашиваю я.

Он борется с собой пару секунд, а потом говорит:

— Я не думал... Я должен...

Я жду окончания предложения, но его так и нет.

В страсти есть очень много непонятного, в чем я еще не разобралась, но кое — что я уже знаю: когда люди говорят о прикосновениях друг к другу, достаточно одной секунды, чтобы все неправильно понять и по — настоящему смутиться.

— Мне очень понравилось, — шепчу я и смущенно краснею от звучания этих довольно простых и невинных слов.

Через некоторое время он подносит мою руку к губам и целует ее.

Джейми выходит и исчезает в темноте, а я стою в тишине кухни, слушаю тиканье часов и вспоминаю свои чувства в момент, когда руки Джейми Форта оказались на той части моего тела, которую раньше не трогал ни один парень.

Чувствую, что я его.

пожарище(сущ.): большой разрушительный пожар; пламя
(см. также: терапия с мамой и братом)

— У тебя нет на это права!
— У меня на все есть право. Ты несовершеннолетняя!

Кажется, Кэрон озадачена таким напряженным спором между мной и мамой. Питер так развалился на диване, что практически стал его частью, откинулся на мягкие подушки и уставился в потолок, пытаюсь притвориться, будто его нет с нами в этой комнате.

Этот Новый год — отличное начало для Царелли.

Я последовала совету Вики, позвонила в компанию, обслуживающую мой сайт, и сказала, что уже очень долго при попытке оставить комментарий появляются странные страницы с кодом и ничего больше. Когда беседовавшая со мной женщина предложила мне поговорить об этом с мамой, я точно поняла, что случилось.

— Ты их обманула, сказала, что тебе восемнадцать, и взяла кредитную карту Питера, чтобы создать сайт...
— Я не брала — он мне ее дал!

— ...а когда я им рассказала о твоём вранье, мне ответили, что я могу прикрыть эту лавочку. Но все, что я сделала — отключила возможность комментировать. Поэтому считай, что тебе повезло, что сайт вообще работает.

Я сейчас, должно быть, выгляжу как сам дьявол. Уверена, что у меня свекольно — красные глаза, а слезы и сопли так и текут. Кэрон внимательно за мной наблюдает, возможно, пытаюсь решить — стоит ли меня сейчас спрашивать о борьбе с моими жестокими порывами.

Да, Кэрон, я с ними борюсь. Борюсь с желанием одним прыжком вскочить на твой очаровательный стеклянный журнальный столик и придушить свою мать на твоём уютном диванчике.

Все, что я могу сделать — оставаться на своём месте.

Я громко хлюпаю носом, а Питер берет с дальнего конца столика, стоящего между нами, коробку с бумажными платками и кидает ее мне, не говоря ни слова.
Я ловлю ее и вытаскиваю платок, чтобы вытереть лицо.

— Кэтлин, какой смысл в мемориальном сайте, если люди не могут оставлять там комментарии? — рычу я.

— Роуз, мама тебе говорила, что не будет участвовать в разговоре, если ты будешь называть ее по имени. А если у нас нет разговора, то нам и находиться здесь незачем, — говорит Кэрон.

— Мне же лучше, — ворчу я.
— А тебе, Кэтлин? — спрашивает Кэрон.
— Нет. Нам нужно поговорить о нескольких вещах.

Говоря это, мама не смотрит ни на меня, ни на Питера, а Кэрон кивает. Очевидно, у этой сессии уже есть определенная повестка дня.

— Роуз, хотела бы ты сказать что-нибудь еще о сайте?
Да. Например, почему у меня нет никакой личной жизни? Почему она отслеживает все,

что я делаю? И почему она так безумно относится ко всему, что дает мне ощущение связи с моим отцом? Точнее, давало — когда люди еще могли комментировать.

Выбрасываю платок в мусорную корзину с такой силой, на которую только способен человек, выбрасывающий мокрый платок.

— Давайте вернемся к проблеме с сайтом в конце сессии, — Кэрон снова кивает маме. Мама разглаживает складку на юбке.

— Питер, нам нужно поговорить о твоём возвращении в школу осенью. Декан сказал, что если ты пройдёшь амбулаторную программу реабилитации, найдёшь работу на неполный день и сдашь экзамены, тебя примут обратно.

— Я не вернусь, — объявляет Питер потолку.

— Что, прости? — говорит мама так, словно она не могла расслышать то, что она услышала.

— Ты не спросила, — говорит он. — Просто вид сделала.

— Ты прав. Я сделала вид. И знаешь, почему? Потому что тебе повезло, что ты на хорошем счету в этой школе.

Питер достаёт из кармана ключи и крутит в руках брелок в виде открывашки для бутылок.

— Я ничего не учу.

Потому что ты не ходишь на занятия, думаю я.

— Питер, я думаю, твоя мама говорит, что учеба в Тафтс — это невероятная возможность, и тебе повезло — у тебя есть второй шанс.

Мама слишком быстро качает головой.

— Это часть того, что я говорю.

Сейчас она бросится в бой — наверно, несколько дней к этому готовилась.

— Семья вложила деньги в твоё образование. Если не собираешься его продолжать, верни деньги.

Питер начинает подбрасывать ключи в воздух и ловить их.

— Тебя только деньги волнуют, — говорит он, ударяя в мамину ахиллесову пятку.

Если он и попал в точку, то мама этого не показывает.

— О, конечно, меня волнуют деньги, — говорит она. — Деньги, которые я тебе давала на жизнь, когда ты по идее учился, потрачены на наркотики и алкоголь. Это непочтительное и саморазрушительное поведение, которое не нужно ни мне, ни твоей сестре. Поэтому ты или следуешь плану, или уходишь из моего дома.

Питер ловит ключи, и его рука застывает в воздухе — он пытается определить, серьёзны ли её намерения. Он переводит взгляд с мамы на меня. Я смотрю на неё.

— Не вмешивай меня в это, — говорю я. — Он на меня никоим образом не влияет.

— Ой, неужели? Ничто из этого на тебя не влияет? А почему тогда я получила сообщение от директора Чен, в котором она предлагает нам встретиться на следующей неделе, потому что она «обеспокоена»?

Мой мозг сразу же начинает гудеть от перегрузки.

Вечеринка плавательных гигантов?

То, что Конрад сделал с машиной Мэтта?

Мэтт вышиб мозги Конраду? Насколько я знаю, Мэтт пока что ничего не сделал с Конрадом.

Не знаю, что это за встреча, но знаю одно: уверена, что не собираюсь идти в кабинет

директора со своей мамой. Там и одной находиться не слишком — то хорошо.

Она делает глоток мятного чая, который нам приготовили, пока мы ждали в приемной. Выражение ее лица дает понять, что она готовила для меня западню с этой информацией.

— Несправедливо, — заявляю я.

— Что несправедливо? — спрашивает она, притворяясь, что не сделала ничего такого. Такое ощущение, что я ссорюсь с Трейси, а не с мамой.

— Ты знаешь.

— Роуз, — спрашивает Кэрон, — ты в первый раз слышишь об этой встрече?

Я киваю. Кэрон смотрит на мою маму, которая внезапно решает долить в свой чай горячей воды из супер — высокотехнологичного кулера Кэрон, стоящего на другом конце комнаты.

— Кэтлин, ты собиралась перед приходом сюда поговорить с Роуз об этой встрече?

Мама наблюдает, как горячая вода наполняет ее чашку.

— Просто из головы вылетело.

Кэрон поднимает брови:

— Ты понимаешь, что мы в нашей беседе не об этом договаривались?

— Отстойно, что вы вдвоем проводите свои сессии. Это дает ей преимущество, — говорю я Кэрон.

— Это даже больше, чем приветствуется, если ты будешь ходить со мной раз в неделю, а не раз в две недели, — говорит мама, возвращаясь обратно на диван.

— Кэтлин, эти сессии не должны быть полем боя.

Мой брат самодовольно улыбается, с наслаждением наблюдая, как мама получает словесный отпор от своего мозгоправа.

— Я заметила, — говорит мама.

Кэрон ждет.

— Извини, Роуз, — нехотя произносит она.

Могу сказать, что ее раздражает необходимость извиняться передо мной. Она же в последнее время считает, что я во всем перед ней виновата.

Это чувство взаимно, Кэтлин.

— Давайте вернемся к теме разговора, — предлагает Кэрон.

— Питер, ты должен до завтра решить, что будешь делать, — говорит мама.

Питер возвращается к своей игре с подбрасыванием ключей, как будто его ничто в этом мире не волнует.

— Есть еще что-то, о чем ты хочешь поговорить? — подсказывает Кэрон.

Когда мамино уверенное выражение лица становится испуганным, я понимаю, что мы подошли к настоящей причине, по которой здесь собрались.

— Я бы хотела поговорить о Дирке. Тейлоре, — добавляет она, словно у кого — то есть сомнения, о каком Дирке.

У меня замирает сердце. Питер роняет ключи — они выскальзывают из его руки и, звеня, падают на журнальный столик.

— Продолжай, — ободряет Кэрон.

Мама прокашливается.

— Мы с Дирком подружились...

— Вы не друзья, — перебиваю я.

— Дай ей закончить, — говорит Кэрон с такой мягкостью, которая дает понять, что

мама сейчас объявит о том, что я по-настоящему возненавижу.

— Он пригласил меня на ужин. Я сказала «да»...

— Нет, ты не сказала, — вырывается у меня изо рта.

— ...и мы идем в ресторан на следующей неделе.

Мама задерживает дыхание, со страхом глядя на меня, как будто она ждет, что я скажу нечто ужасное.

Когда моя мама начала ожидать от меня оскорблений?

Наверно, после того, как я начала ее оскорблять.

— Это свидание? — спрашиваю я.

— Да.

— Но... как насчет папы? — шепчу я, пересиливая боль в горле от подступающих слез.

— Милая, я люблю твоего отца. И всегда буду любить, — она трет лоб, словно у нее болит голова. — Ужин с другим человеком этого не изменит.

— Но Дирк... Он... — я не могу подобрать слова, чтобы выразить свое смущение.

Разве мама не должна хотеть пойти на свидание с кем-то, похожим на папу? Если она будет встречаться с тем, кто кардинально от него отличается, значит она никогда не любила его по-настоящему?

— У него нет ничего общего с папой, — наконец говорю я.

Питер фыркает.

— И?

— Ну, разве это не значит...

— Ой, Роуз, повзрослей сначала, — говорит Питер.

— Питер, — предупредительно говорит мама.

— Ну и что, если ты будешь встречаться с Дирком? Не такая уж проблема. Папа же умер.

Я снова начинаю плакать. Мама резко поворачивается и хватается Питера за руку. Питер быстро выпрямляется, словно думает, что ему придется защищаться физически.

— Знаешь, что меня больше всего в тебе беспокоит в этом году? — говорит она жестоким тоном, которого я никогда раньше не слышала. — Ты стал недобрым.

Питер отбрасывает ее руку и откидывается назад, скрестив руки на груди и пытаясь скрыть тот факт, что ему нужна минута, чтобы прийти в себя.

Если бы я не ненавидела Дирка раньше, уверена, что возненавидела бы его сейчас. Это он виноват в том, что мы здесь и так себя ведем.

— Что с тобой происходит, Роуз? — тихо спрашивает Кэрон.

— Он умер совсем недавно, — говорю я, используя тыльную сторону ладони вместо носового платка.

— Он умер два года назад, — говорит Питер.

— Полтора года назад, — поправляет мама.

— Зачем ты это делаешь? — спрашиваю я ее. — Потому что Дирк — кинозвезда, а папа был всего лишь инженером?

Мама кажется огорошенной, будто готовилась ко всему, что я могу сказать, за исключением этого.

— Я очень горжусь твоим отцом... тем, каким он был умным, и как он пытался помочь людям в Ираке восстановиться. А о том, что папа был инженером, а Дирк — актер, даже говорить не стоит.

— Это неправда! — возражаю я.

— Роуз, люди разного возраста по — разному переживают горе, — говорит Кэрон, когда становится ясно, что мама не будет реагировать на мои слова. — Взрослых скорбь может заставить задуматься о том, что они наполовину прожили жизнь — и им хочется жить как можно более полной жизнью. Молодым людям скорбь может приносить чувство брошенности. Ты переживаешь из-за того, что Дирк собирается забрать у тебя маму?

Мой мозг подсказывает, что если я так отношусь к маме, то буду только рада, если Дирк ее заберет — да и папа, наверно, тоже был бы рад. Но слезы, бегущие по моим щекам, говорят о чем — то совсем другом.

— Если она собирается жить полной жизнью, встречаясь с другим человеком, не моим папой, тогда мне нужен мой сайт.

Слышу, как мама хлюпает носом — она тянется к коробке передо мной и достает из нее носовой платок.

— Я чувствую, что взаимодействие с людьми на этом сайте постоянно держит тебя в состоянии скорби по отцу, и ты не можешь уйти от него, — говорит она.

— Я и не хочу от него уходить.

Я слышу панику в своем голосе, но даже не пытаюсь ее скрыть. Мысль о том, чтобы уйти, выводит меня из себя. Сейчас я помню о папе через скорбь. Если бы у меня не было печали по нему, он бы просто уплыл и растворился на задворках моей жизни, которая будет продолжаться без него. Как будто его никогда и не существовало.

— Я не хочу его отпускать.

— Папа и скорбь — это две большие разницы, — говорит мама.

Мой мозг входит в режим «не — могу — понять». Как я могу его удерживать, не скорбя по нему?

Мама сморкается.

— Я хочу, чтобы ты помнила его, но не хочу, чтобы его смерть стала всей твоей жизнью. А когда ты постоянно проверяешь сайт — не написал ли на нем кто-нибудь — я чувствую, что именно это и происходит. А если кто-то напишет то, что тебя расстроит, и ты опять три дня не будешь выходить из своей комнаты?

Краем глаза я вижу, что Питер смотрит на меня.

— Это было совсем другое, — говорю я. — Там уже несколько месяцев нет комментариев именно о папе. Теперь пишут про группы поддержки и все такое.

Произнося эти слова, я осознаю, что, несмотря на все мои аргументы в пользу сайта, его предназначение изменилось, пока я не уделяла ему внимание. Прошло время, и он без моего ведома стал чем — то еще.

Может быть, и со скорбью происходит то же самое — хочешь ты этого или нет.

— Давай договоримся, — говорит мама. — Я верну функцию комментирования, если ты убереешь фотографию.

— Какую фотографию? — спрашивает Питер, полностью выпрямляясь и больше не пытаясь скрыть свой интерес.

Когда я выкладывала там фото родителей, прощающихся в день папиного отъезда, я не знала, что из-за этого могут быть неприятности. Правда не знала. Но, думая об этой фотографии сейчас, я понимаю, почему она доводит маму практически до безумства. На ней папа стоит рядом с черной машиной, которая ждет его, чтобы увезти в аэропорт, а около него на земле стоят чемоданы. Мама идет к нему, чтобы его обнять. Ее лица не видно, но

если внимательно присмотреться к ее рукам, которые тянутся к нему, кажется, что она хочет схватить и остановить его. А у него на лице неподдельная печаль. Он явно не хотел уезжать.

— Фото, где мы прощаемся, — говорит она.

Могу сказать, что Питер знает, какое фото она имеет в виду.

— Почему ты хочешь, чтобы она его убрала? — спрашивает он.

Мама требуется время, чтобы ответить.

— Потому что на нем очень ясно видно, что мы совершили ошибку, — наконец произносит она. — Он не хотел ехать. И я не хотела его отпускать. Но он поехал, несмотря ни на что, потому что мы так решили и придерживались своего плана.

Она говорит так, словно все это происходит сейчас, на подъездной дорожке около нашего дома. Она качает головой и роняет руки на колени.

— Это прозвучало злобно, — говорит Кэрон.

— Он никогда не должен был там оказаться.

Мы с Питером смотрим друг на друга, удивленные, что она говорит настолько прямо.

— Для тебя фотография означает именно это? — спрашивает Кэрон.

Она кивает.

— Это был наш последний шанс передумать.

— Мы должны были что-то сказать, — говорит мне Питер.

Мама закрывает глаза.

— Дети не зря не участвуют в принятии таких решений.

— Но мы знали, что это безумие, — говорит он, откашливаясь, когда у него надламывается голос. — Мы говорили об этом.

— Милый, это не входило в твои обязанности — что-то говорить.

— Но что, если... — начинаю я.

Ее глаза открываются.

— «Что если» значения не имеет, — говорит она, прерывая меня.

— Закончи свою мысль, — говорит мне Кэрон.

Мама опускает голову и ждет.

— Что, если бы мы с Питером сказали вам с папой, что он не должен ехать? — спрашиваю я.

Мама качает головой, но я вижу ее вопросительный взгляд.

После небольшой паузы Кэрон говорит:

— Роуз, несколько месяцев назад ты бы сказала, что твоя мама виновата в поездке Альфонсо в Ирак. Теперь это звучит так, будто вы с Питером считаете, что это ваша вина и что вы могли все предотвратить.

— Если мы с папой не могли остановить запущенный процесс, то и вы ни черта бы не смогли, — говорит мама, пока я придумываю, как отреагировать.

Мы не каждый день слышим от мамы слова типа «черт». Как будто она убеждает себя в своей правоте и вере в то, что мы никоим образом не могли внести свой вклад.

Уверена, что во время паузы, которая за этим следует, мы все втроем представляем параллельную вселенную, в которой мы с Питером помогаем родителям принять правильное решение. Однажды вечером, перед тем, как лечь спать, мы садимся в гостиной и говорим им: «Мы лучше никогда не пойдем в колледж, чем отпустим папу в Ирак, чтобы оплатить наше обучение».

В этой вселенной папа остается жив, а прямо сейчас мы сидим все вместе.

В книге Панофки, принадлежавшей маме Джейми, оказалось гораздо больше дат и пометок, чем я сначала подумала.

Я пользуюсь приложением на телефоне, подбирая мелодии к каждому упражнению по порядку, и каждый раз, когда я переворачиваю страницу, мое представление о ней становится чуть яснее. Сначала рукописные заметки просто напоминали ей об определенных вещах, которые нужно делать на занятиях, но примерно на середине книги они становятся все более и более личными. На одной из страниц она пишет: «Иногда я так устаю от пения, что могу заплакать». На другой: «Все такое громкое. Практически невозможно слушать». А ближе к концу есть заметка: «Он опять плачет. Опять. Опять. Это никогда не закончится. Ничего никогда не закончится».

Интересно, читал ли это Джейми? И если читал, то с какими чувствами?

Я отлистываю страницы на начало книги и начинаю петь первое упражнение — пока что я знаю его лучше всех. Я пою на октаву ниже с указанного момента, и это сложно для меня — ощущаю, что я мало тренировалась и не занималась вокалом. Тем не менее, я хорошо себя чувствую, как будто делаю физические упражнения, развивая мышцы.

Меня пугает внезапный стук в дверь. Я закрываю книгу и почему-то убираю ее в ящик стола. Открываю дверь, за которой стоит Питер.

— Что ты сейчас пела?

— Вокальное упражнение, — отвечаю я, чувствуя странное смущение, словно он застукал меня за тем, чего я делать не должна.

— Звучит как какая — то классика.

— Наверно, так и есть.

Он больше ничего не говорит, и я отступаю назад и сажусь на кровать. Он топчется в дверном проеме, смотря по сторонам. Уже несколько месяцев его нога не ступала в моей комнате. Когда его взгляд падает на потрепанную и изорванную библиотечную книгу «Юлий Цезарь», которую задал Кэмбер, а я еще не прочитала, он спрашивает:

— Знаешь определение «трагической вины»?

Я смотрю на него и говорю со всей иронией, на которую способна:

— Особенность, ведущая к несчастьям героя.

Питер усмехается. Он все еще довольно худой, с мешками под глазами, какое — то время не брился, но выглядит уже не так плохо, как летом.

— Кэмбер дал вам задание — определить свою трагическую вину?

— Да.

— И какая у тебя?

На самом деле, я сегодня много думала об этом. Как только мы вернулись с терапии, я убрала с сайта фотографию. После того, как мама объяснила, что она для нее значит, я ужасно себя почувствовала, ведь я разместила это фото на главной странице. Не знала, что у нее связаны такие ощущения с фотографией, но если бы я задумалась об этом хотя бы на полсекунды, я бы, возможно, догадалась.

Похоже, моя трагическая вина — нечувствительность.

На моем компьютере как раз открыта программа по веб-дизайну, и я вижу пустое место там, где должно появиться новое фото. Его рамка слегка пульсирует, напоминая, что в ней

ничего нет и мне нужно определиться. Снова.

— Я еще не выбрала свою трагическую вину, — обманываю я. — А что было у тебя?

— Не помню, — говорит он, возможно, тоже обманывая меня. — Можно войти?

Удивлена, что ему этого захотелось.

— Заходи, — говорю я, отодвигаясь к спинке кровати.

Странно видеть здесь Питера. Он садится за мой письменный стол и смотрит на монитор. Ничего не спрашивая, он начинает пролистывать страницу на экране, изучая сайт. Я не возражаю, потому что никогда раньше не видела, чтобы Питер заходил на сайт. Не знаю, заходил ли он туда вообще. Сначала, когда я сказала, что собираюсь его создать, он не хотел иметь с этим ничего общего. Я была довольно удивлена, когда он согласился дать мне свою кредитную карту для оплаты хостинга.

— Хочешь помочь мне выбрать новое фото?

Он не отвечает, и я встаю с кровати, тянусь через его плечо и открываю папку с фотографиями. Когда весь экран заполняется папиными фотографиями, Питер отодвигает мою руку и возвращается на страницу сайта.

Папа исчезает.

Я бы рассердилась, если бы не догадалась, что Питер не может смотреть на фото нашего отца.

Он пролистывает до конца главной страницы и видит ссылки на сайты людей, погибших вместе с папой. Первый из них — сын Вики. Питер нажимает на ссылку, открывая сайт Тревиса.

— Это сын той женщины? Женщины, с которой вы дружите, и это не нравится маме?

— Да, Вики.

Я снова тянусь через Питера и возвращаюсь к папке с фотографиями. Когда снова появляется папа, он отворачивается от монитора. Нахожу папку с Вики и открываю ее новогоднее фото.

— Она из Техаса, — говорю я, словно это объясняет оленьи рога на ее голове.

Питер увеличивает изображение, будто хочет более внимательно рассмотреть ее лицо. Глядя на нее, он говорит:

— А что мама имела в виду, когда сказала, что ты три дня не выходила из своей комнаты после годовщины?

В голосе Питера слышен оттенок беспокойства. Что-то внутри меня готово пойти ему на встречу.

— Да ничего. Просто читала, что люди пишут, и старалась ответить каждому. Это заняло много времени.

— И что они писали?

Я закрываю фото Вики и возвращаюсь на сайт. Питер начинает читать комментарии, которые размещались там с июня.

Когда я мысленно возвращаюсь к годовщине, то время представляется мне расплывчатым, но не в плохом смысле. Требовалось много времени, чтобы придумать, что ответить людям — мне хотелось говорить правильные вещи — поэтому я не легла спать допоздна, а после одного — двух часов сна снова возвращалась к сайту.

В те три дня на меня как будто обрушилась лавина. Я отвечала нескольким людям, спала совсем недолго, просыпалась и видела пятнадцать новых сообщений от других людей. Никогда раньше не думала, что у папы так много друзей, а потом вдруг человек пятьдесят из

них рассказывали такие вещи, которых я не знала.

— О каких комментариях она говорила, что они тебя расстраивают?

Я проматываю страницу и нахожу комментарий от одного парня о том, как он был счастлив, когда папа сказал, что собирается остаться в Ираке еще на полгода. Указываю на экран, и Питер читает его про себя.

— Он собирался остаться?

— Она сказала, что он принял это решение незадолго до смерти и просто не успел нам сообщить.

Питер никоим образом не реагирует. Он просто крутит колесико мышки, читая другие комментарии.

— Ты ни разу не был на сайте? Я имею в виду, ты же оплатил его, — говорю я. — По мнению мамы, это делает нас с тобой одинаково виновными.

— Не знал, что она будет беситься из — за кредитки, — говорит он. — А ты?

Качаю головой.

— Я думала, что ей, вроде как, нравится сайт.

— Почему ее так волнуют те несколько дней?

Я наклоняюсь к столу и опираюсь на него локтями.

— Она не могла меня заставить ничего сделать. Я, типа, не выходила из — за компьютера даже в душ или на улицу.

— Ты хоть ела? — спрашивает он.

— Немного.

— Она ненавидит, когда мы не едим.

Я протягиваю руку и дергаю его за пояс. Между джинсами и его кожей около пяти сантиметров.

— Да знаю, знаю, — говорит он.

Я беру со стола ноутбук и вместе с ним забираюсь на кровать.

— Что ты завтра скажешь маме? — спрашиваю я.

Питер откидывается на спинку моего вращающегося стула и начинает крутиться.

— Понятия не имею.

— А Аманда что думает?

Он опускает ноги на пол и перестает вращаться.

— Аманда? Мы расстались, когда она ушла из школы.

— Из-за тебя?

Питер почесывает щетину на лице с чуть смущенным видом.

— Ее идиотский отец приехал в наш кампус, вытащил ее из комнаты и затолкал в свою машину, не дав ей даже вещи собрать. А потом я получил смс. Каким-то образом я меньше чем за час превратился из любви всей ее жизни в «полного наркошу».

Я практически слышу, как Аманда говорит Питеру своим фальшивым сладеньким голосом, что я «милашка», и спрашивает, каково иметь младшую сестру, глядя на него большими воспаленными глазами.

— Она обозвала тебя наркошей? Какая неудачница.

Питер пристально смотрит в пол, но левый уголок его рта поднимается в крошечной улыбке.

— Ты ей ответил?

— Примерно через две секунды после отправки этого смс у нее отключился телефон.

— Скучаешь по ней?

— Иногда.

Мне хочется еще покритиковать Аманду, но я не делаю этого. Если я и научилась чему — то от Кэрон после возвращения Питера, то лишь тому, что никто не может обвинять Питера в его зависимостях, кроме него самого. И точка.

Хотя не знаю, согласен ли с этим Питер.

— Ты же собираешься на реабилитацию, да?

— Думаешь, я должен так поступить? — говорит он.

Его вопрос не звучит злобно — скорее, он действительно хочет это знать.

— Это лучше, чем если тебя выгонят из дома.

Питер поднимает брови, как будто не вполне уверен в этом, и опять начинает крутиться на стуле.

Я опускаю взгляд на ноутбук и возвращаюсь к папке с фотографиями папы. Разворачиваю компьютер и включаю слайдшоу, чтобы Питер мог посмотреть. Мне не нужно смотреть — они все в моей памяти.

Он не хочет их смотреть — точно могу сказать. Но он не отводит глаза. По выражению его лица, которое меняется каждые несколько секунд, я понимаю, на какое фото он смотрит. Уверена, что на моем лице отражались те же эмоции, когда я смотрела слайдшоу.

Оно заканчивается, и он встает со стула и садится на край моей кровати. А потом показывает на фото, которое еще висит на экране — последнее в слайдшоу. Это первая фотография, которую папа прислал из Ирака. Он улыбается в камеру, а у него на шее висят ламинированные пропуска.

— Вот эта.

Мне и в голову не приходило выбрать эту фотографию, потому что на ней едва ли мой папа. Но ведь он таким и был — инженером в Ираке. Я перетаскиваю ее на пустое место, и она появляется на главной странице. Хороший выбор. Гораздо лучше, чем фото, сделанное в день его отъезда.

Питер смотрит на экран и кивает.

— Питер, ты должен пойти на реабилитацию. Он бы этого хотел.

— Я пойду, — тихо говорит он, не отводя взгляд от ноутбука. — Хороший звук, Роуз.

Такая смена темы меня смущает.

— Что ты имеешь в виду?

— Твое пение. Хороший звук. Не согласна?

— М-м... Я не совсем...

— Ну, у тебя получается, — говорит он. — Тебе нужно продолжать заниматься.

Питер встает. Идя к двери, он улыбается мне. И я в первый раз за последний год узнаю своего брата.

знойный(прил.): горячий и жаркий

(см. также: кабинет директора Чен... танец в День Святого Валентина...)

В кабинете директора Чен было бы как в бане даже без всей толпы, которая сюда набилась. Старинные школьные радиаторы, выглядящие так, словно их сделали во время индустриальной революции, лязгают и шипят, предвещая грядущие пытки. Преждевременные сердечки из плотной цветной бумаги ко Дню Святого Валентина в прямом смысле слова сползают с директорских стен, отяжелевшие от влаги. Все потеют, но Мэтт Хэллис сильнее всех.

Я достаю телефон, чтобы написать Трейси, как смешно видеть Мэтта таким напуганным, а потом вспоминаю, что сообщения совсем не вписываются в мой план по ее игнорированию — это наказание за то, что она мне соврала. На прошлой неделе она наконец признала, что Питер прислал ей смс с просьбой встретиться с ним около дома в канун Рождества и помочь сообщить неприятную новость о его исключении из школы. Я тогда пожелала Питеру завести своих собственных друзей. А он сказал, что я тупая.

Поэтому никаких сообщений Трейси насчет Мэтта. Ну и отлично. Все равно не могу сейчас в полной мере насладиться его страданиями — я и сама в шоке.

С одной стороны директорского стола сидит Конрад со своей мамой. Интересно, в первый ли раз с этого лета миссис Деладдо вышла из дома? Мы с мамой сидим прямо напротив стола, по другую сторону — Мэтт со своим папой, а мисс Масо и мистер Доннелли стоят позади меня. Я оглядываюсь и вижу, что у мисс Масо в руках стопка листовок с надписью «Вступай в СГН «Юнион Хай»!»

Судя по мрачным лицам людей в этой комнате, совершенно ясно, что эта встреча посвящена более важным вещам, чем Союз Геев и Натуралов «Юнион Хай», созданный мисс Масо.

Папа Мэтта не может сидеть спокойно — он постоянно соскакивает со стула и достает свой BlackBerry, задевая макушкой красные пластиковые сердечки, свисающие с директорского потолка. Он отмахивается от них, даже не разбираясь, что это такое.

Интересно, он такой же гомофоб, как его сын, или Мэтт сам всему этому научился.

Когда открывается дверь и входит офицер полиции Юнион по фамилии Вебстер, мистер Хэллис наконец успокаивается. Мы с офицером Вебстером знакомы с прошлого года. Он спас меня, когда мои одноклассники были готовы забить меня до смерти камнями за то, что его напарник конфисковал весь алкоголь на вечеринке в честь встречи выпускников. Благодаря мне, между прочим.

Офицер Вебстер здоровается со всеми одновременно, а затем — мне повезло — отдельно обращается ко мне.

— Роуз, верно? Рад снова тебя видеть, — говорит он, загородив дверь, как будто не дает кому — то сбежать.

Мама поворачивается ко мне, а ее выражение лица так и говорит: «Ты мне это потом объяснишь».

Даже не могу обвинить маму в том, что она слышит сигнал тревоги, когда полицейский офицер обращается по имени к ее дочери. Мама все еще привыкает к тому, что ее сын,

который должен учиться на втором курсе в колледже, каждое утро встает в 7:30 и посещает амбулаторную программу реабилитации в местной больнице.

— Спасибо вам всем, что пришли, — говорит директор Чен. — У нас возникла ситуация, при которой и Мэтт Хэллис, и Конрад Деладдо теоретически могут получить обвинения в преступлении. Но я верю, что мы сумеем этого избежать, если сегодня объединим наши усилия.

Кажется, директриса обращается к мистеру Хэллису.

— Главным образом, меня беспокоит то, что вы предлагаете какое-то наказание вместо законных мер, — говорит мистер Хэллис, глядя на Конрада.

Миссис Деладдо переводит взгляд с мистера Хэллиса на своего сына и обратно.

— Извините, но я не понимаю. Наказание за что? — спрашивает она, а в ее тоне слышится извинение за то, что она не в курсе событий.

— Вы не знаете? — недоверчиво говорит мистер Хэллис.

Его блестящие ботинки из черной кожи скрипят, когда он переносит вес вперед, наклоняясь на стуле. Миссис Деладдо слегка отодвигается назад.

Директор Чен ободрительно улыбается маме Конрада.

— В связи с тем, что подростки не всегда обо всем рассказывают родителям, я начну с начала.

Миссис Деладдо кивает и посильнее кутается в свой темно-синий пиджак, словно она мерзнет, несмотря на практически трехзначную температуру в кабинете директора. Конрад горбится на стуле и свирепо смотрит на меня, как будто абсолютно убежден, что мы здесь сидим из-за меня, а не из-за того, что он, грубо говоря, написал свое имя на машине Мэтта, а наш директор оказалась достаточно умной и его вычислила.

— В августе, перед началом учебного года, дома у Майка Даррена была вечеринка команды по плаванию. На ней Мэтт и другие участники команды издевались над Конрадом, называя это его «посвящением». Издевательства включали гомофобные унижения и жестокие действия. Когда Конрада толкнули в бассейн, и он сразу же не появился на поверхности, Роуз забеспокоилась. Затем Мэтт толкнул в бассейн и ее. Джейми Форта помог Конраду и Роуз выбраться.

Мама смотрит на меня, ожидая подтверждения, но я не отвожу взгляд от вазочки с конфетами директора Чен — на этот раз она наполнена маленькими розовыми сердечками. С того места, где я сижу, кажется, что на одном из них написано «Выкуси». Это возможно?

— Через несколько недель после начала года до меня дошли слухи, что Конрад ушел из команды по плаванию. Я не могла выяснить, почему, — говорит она миссис Деладдо, которая так побледнела, что я боюсь, как бы она не сползла со стула на пол. — Мы устроили собрание, которое провели мисс Масо и мистер Доннелли, чтобы научить школьников толерантности.

— Разве старшеклассники не знают, что такое толерантность? — спрашивает мистер Хэллис, выразительно глядя на свои часы и намекая, что собрание могло бы двигаться побыстрее.

Он даже не обратил внимания, как иронично прозвучал этот вопрос, заданный именно им.

Так и хочется предложить ему конфету-сердечко с надписью «Выкуси».

— Каждому нужно время от времени напоминать, — спокойно отвечает директриса, прежде чем продолжить. — В декабре офицер Вебстер, которого я держала в курсе дела,

сообщил мне, что мистер Хэллис позвонил в 911 и сказал, что кто-то написал баллончиком на машине Мэтта слово «гомик» и прочие вариации этого ругательства. Его сын был совершенно уверен, что это сделал Конрад. На следующий день мы встретились с мистером Хэллисом и офицером Вебстером, и я объяснила мистеру Хэллису, что произошло между мальчиками в августе, перед началом года.

Директриса внимательно смотрит на Конрада и добавляет:

— Мистер Хэллис любезно согласился отказаться от своих претензий при условии, что по окончании праздников мы организуем эту встречу и придем к адекватному соглашению.

Судя по злобному взгляду мистера Хэллиса на Чен, можно догадаться, что она не просто рассказала ему о случившемся между Конрадом и Мэттом, чтобы заставить его любезно отказаться от претензий. Возможно, она сказала мистеру Хэллису, что если он не позволит ей урегулировать конфликт, как она считает нужным, закон будет не на стороне Мэтта, благодаря всем свидетелям, которые откликнулись после вечеринки.

Все свидетели — это, конечно же, я.

Моя мама и миссис Деладдо, похоже, поражены всей этой информацией. Мистера Хэллиса просто раздражает процесс, который следовало бы ускорить.

— Другими словами, миссис Деладдо, — выходит он из себя, — я не буду предъявлять обвинений, если ваш сын оплатит мне покрасочные работы.

— Мистер Хэллис, у вас есть улики против этого мальчика, о которых я не знаю? — спрашивает офицер Вебстер.

— Директор Чен, пожалуйста, — говорит мистер Хэллис, не обращая внимания на офицера Вебстера, — я был более, чем терпелив. Давайте просто опустим это и будем двигаться дальше.

— Конрад? — говорит директор Чен.

На долю секунды мне кажется, что Конрад собирается все отрицать, несмотря на присутствие в комнате офицера полиции. Он бы, наверно, так и сделал, если бы здесь не было его мамы.

— Коррадо, — еле слышно из-за шипящего рядом с ней радиатора говорит она, — это сделал ты?

Выясняется, что ахиллесова пята Конрада — его мама. Кто бы мог подумать?

Конрад кивает.

— Ладно, хорошо, — говорит директор, довольная хоть каким — то результатом. — Конрад, ты объяснишь нам, что тебя к этому подтолкнуло?

— Я не совсем готов это пересказывать, — говорит он.

— Но это в твоих же интересах, — решительно отвечает она.

Конрад ерзает на стуле.

— Парни из команды по плаванию решили, что я гей. Когда я не стал говорить им обратное, они смешали меня с дерьмом...

— Коррадо!

— ... извини, мам... они доставали меня на вечеринке команды. Потом тренировки превратились в ночной кошмар. Мэтт угрожал мне почти каждый день, поэтому я дал ему то, чего он хотел, и ушел. Потом я раскрасил баллончиком его машину, — говорит Конрад. — И это было самым веселым из всего, что я когда — либо делал.

Теперь каждый боится и пальцем пошевелить. Даже мистер Хэллис, который внимательно рассматривает свои скрипучие ботинки.

— Я не гей, — говорит Мэтт Конраду.

— Это называется ирония. Поищи в словаре.

Директор Чен поворачивается ко мне:

— Роуз, ты расскажешь нам, что случилось на вечеринке?

Нет. Нет, нет, нет. У меня и так было достаточно неприятностей с Мэттом и Конрадом, и честно говоря, я бы многое отдала, чтобы наши жизни переплетались чуть меньше. А рассказ полной комнате взрослых о том, что случилось между ними на вечеринке, вызовет прямо противоположный эффект.

— Конрад довольно подробно все описал, — говорю я.

Мама тянется ко мне и прикасается к моей руке.

— Я бы хотела слышать твою версию, — говорит она.

Я смотрю на нее, думая о том, как она защищала меня от Питера на терапии — даже после того бреда, что я ей наговорила.

Я могу отдать ей должное.

— На вечеринке Мэтт и другие плавательные гиганты...

— Плавательные кто? — говорит мистер Хэллис.

Чувствую, что краснею.

— Ой. Ну, плавательные гиганты. Так называется команда по плаванию в «Юнион Хай».

Мистер Хэллис смотрит на своего сына недоверчиво. Мэтт уже достиг точки стыда и просто пожимает плечами. Я продолжаю, пытаюсь сохранить голос настолько нейтральным, насколько это в человеческих силах.

— Они давали Конраду гомофобные прозвища, кидали пивные кружки в его голову, заливали ему в рот воду из шланга, он начал задыхаться и упал в бассейн. Дважды.

Мисси Деладдо рыдает. Конрад закатывает глаза, но, так или иначе, берет ее за руку.

— Мэтт, Роуз все правильно описала? — спрашивает директор Чен.

Часть меня ждет, что он сейчас потребует присутствия адвоката, но он кивает.

— Мне пришлось поверить, что Мэтт и Конрад потенциально могут оказать положительное влияние на «Юнион Хай», каждый по — своему. Вместо того, чтобы исключить их или отстранить от занятий — хотя это лучше вписалось бы в школьные правила — я бы хотела попросить их расплатиться за то, что они сделали. Вот что я предлагаю, если мистер Хэллис и миссис Деладдо согласятся. У Конрада есть год, чтобы возместить семье Хэллисов причиненный автомобилю ущерб. Деньги на это он заработает, помогая полиции бороться с граффити. Мистер Хэллис уже согласился, что ущерб будет возмещаться по графику платежей.

— А наказание Мэтта? — спрашивает миссис Деладдо так громко как это возможно.

— Мэтт отстранен от спорта на оставшуюся часть года

Мэтт вскакивает со стула.

— Подождите! Это не...

Мистер Хэллис рывком усаживает его обратно.

— Сам виноват, — холодно говорит он.

Мэтт опускает голову, закрывает лицо руками и начинает стонать, как раненый зверь. Через его пальцы просачиваются слезы и капают на оранжевый ковер. Директор Чен терпеливо ждет, пока не стихнет шум, чтобы продолжить.

— Мы с офицером Вебстером считаем, что для мальчиков важно сделать что —нибудь

вместе, и в связи с этим у мистера Доннелли, нашего преподавателя драмы, появилась блестящая идея. Мистер Доннелли, поделитесь со всеми, пожалуйста, — просит директор Чен.

Мистер Доннелли встает.

— Этой весной, в рамках года толерантности в школе, новый Союз Геев и Натуралов вместе с драматическим кружком собираются поставить «Проект Ларами» в память о Мэттью Шепарде.

Он делает паузу для большего эффекта, но потом, похоже, вспоминает, что это не лучшие подмостки для драматических пауз. Он быстро продолжает:

— Мэтт и Конрад получают роли в этом спектакле.

Голова Мэтта резко отрывается от его ладоней.

Я слышу, как миссис Деладдо шепчет Конраду:

— Кто такой Мэттью Шепард?

— Потом, мам, — отвечает Конрад, не сводя глаз с Мэтта.

— Я не буду играть, — говорит Мэтт.

— Предпочитаешь, чтобы тебя исключили? — живо спрашивает директор Чен.

— Нет, не предпочитает, — отвечает за него мистер Хэллис.

— Чудесно. Итак, все решено? У кого —нибудь есть вопросы? — когда никто не отвечает, директор Чен улыбается и хлопает в ладоши. — Тогда мы пришли к общему решению.

— Йо, йо, йо, Юнион Хай, как дела? С Днем Святого Валентина! С вами только ваи Энджело Мартинез — также известный, как DJ Болтун ин да хаус! Вы готовы? Это ваш Дискотека Толерантности, йоу, а значит пора ЗАЖИГАТЬ! О, и отдельный респект прекрасной девушке Стефани!

Поднимается одобрительный шум, когда Стефани хихикает и взмахивает своими идеальными рыжими волосами в знак приветствия Энджело. Энджело стучит по своей груди, изображая что — то вроде сердечного приступа, а потом включает трек Ашера и Питбуля «DJ Got Us Fallin' In Love».

Ушам своим не верю — в буквальном смысле. Это же парень, который привык быть ходячей рекламой «Металлики» и «Нирваны», если не считать того дня, когда он пришел в футболке с Неко Кейс. Но он, похоже, знает свою аудиторию, потому что практически весь школьный спортзал аплодирует, следуя за Стефани на танцпол и начиная дергаться. Если Стефани так популярна в десятом классе, не могу даже представить, что будет твориться к нашему выпуску. Половина парней «Юнион Хай» умоляют Стефани с ними встречаться. А другая половина ждет, что Холли прозреет и бросит Роберта.

Поднимаю взгляд на полутораметровые черные пластиковые буквы, из которых сложено слово «Толерантность», болтающееся над нашими головами рядом со спонсорскими плакатами Студенческого Совета «Юнион Хай» и «Списка Шика».

Не знаю, что именно делает эту дискотеку «толерантной», но парочки на ней запретили — нужно было придти либо одному, либо с друзьями. Продавались билеты только на одно лицо, и не было скидок для пар. А когда Студенческий Совет пригласил Энджело на роль DJ, его заставили пообещать, что он поставит только одну медленную композицию за весь

вечер.

Суть в том, чтобы в День Святого Валентина было весело всем, а не только парам. Неплохая попытка, но влюбленные старшеклассники не могут слишком долго быть друг без друга. Я уже насчитала три пары, которые прижимаются друг к другу и медленно покачиваются, хотя играет быстрая музыка, и вокруг них все отплясывают как ненормальные.

Разве на такой дискотеке не должны приветствоваться все виды пар вместо того, чтобы притворяться, что пар не существует?

Если не принимать во внимание странную политическую подоплеку, зал выглядит неплохо. Студенческий Совет изо всех сил старался превратить его в клуб, арендовав осветительное оборудование и гигантский зеркальный шар, который вращается, отбрасывая островки серебристого света на стены и пол. Танцпол окружают красные круглые столики, на которых стоят маленькие красные лампы, с красными пластиковыми стульями. Несмотря на то, что все красное, сердечек нет нигде.

Я не планировала идти, но Стефани теперь в Студенческом Совете, и она меня уговорила, сказав, что это будет отличная тусовка для нас с ней и Трейси. Стефани работает даже сверхурочно, пытаясь улучшить мои отношения с Трейси. Хотя мы с Трейси вместе занимаемся «Списком Шика», ни одна из нас так и не извинилась за канун Рождества. Я знаю — она думает, что я должна извиняться за то, как я с ней разговаривала. Но я думаю, что извиняться должна она за... то, что Питер обратился к ней. А не ко мне.

Не самая рациональная причина.

Стефани и Трейси приехали за мной как раз, когда Питер пришел домой со своей работы в видеомагазине, который того и гляди закроется. Он выглядел дерьмово, но Трейси настойчиво утверждала, что у него потрясающий свитер, и ей нужна его фотография для «Списка Шика».

Полная ложь. Она хочет его фотографию для себя, чтобы смотреть на него в любое время.

Меня все еще бесит, что она ни разу не поместила меня в «Список», даже когда сама выбирала мне одежду. Клянусь, если Питер окажется в «Списке Шика» раньше меня, я никогда больше не заговорю с Трейси.

Странно — Трейси всегда была влюблена в Питера. Но сейчас что-то изменилось. Мне кажется, теперь она по-настоящему верит, что он может ответить ей взаимностью.

Похоже, это и называется уверенностью в себе.

Я должна радоваться за нее — она же уверена, что может понравиться парню, который учится в колледже. Но это не совсем легко, когда парень из колледжа — мой брат.

Вспышка новой, супер-навороченной цифровой камеры Трейси мелькает как сумасшедшая. Она делает одну фотографию за другой, практически ослепляя меня и всех остальных. Стефани занята проверкой волонтеров из девятого класса, сидящих за столиком с билетами — хочет убедиться, что все идет нормально. А я решаю поздороваться с Энджелю.

На Энджелю темные очки, наушники и гарнитура с микрофоном. Он безостановочно дергается на месте, уставившись в светящийся ноутбук, который настолько исцарапан, помят и облеплен стикерами, что было бы лучше положить его в тихое место и оставить умирать. Никогда не видела его таким счастливым.

— Свитер! — выкрикивает он, и мое прозвище грохочет на весь зал, потому что он забыл выключить микрофон.

Народ с озадаченным видом переглядывается, а он показывает всем поднятые большие пальцы, словно так и было задумано. Он отключает микрофон, снимает свои наушники, вешая их на шею, и дает мне «пять».

— Столько всякой хрени буду сегодня ставить, — говорит он. — Хорошо выглядишь, Свитер!

Стефани дала мне поносить свое прошлогоднее красное платье-халат. Мама больше не выпускает ее в нем из дома — она так выросла, что платье стало слишком коротким. А на мне оно, конечно же, висит ниже колен.

Энджело снова надвигает наушники и начинает говорить, не понимая, что забыл включить микрофон. Он ухмыляется и начинает заново.

— «Юнион Хай», это все о любви, йоу. Живи и давай жить другим, так? И верь. Просто послушайте Кэти — она знает в этом толк.

Он включает «Firework». Мне становится смешно.

— Кэти Перри? Серьезно?

У меня нет проблем с поп-музыкой — более того, она занимает, наверно, больше половины места на моем телефоне — но меня шокирует, что Энджело ее ставит.

— А? — говорит он, приподнимая наушники с одной стороны, чтобы меня слышать.

— С каких пор тебе нравится Кэти Перри?

— Слушай, Свитер, хорошая музыка есть хорошая музыка. Жанр — ничто, одно название, — он ухмыляется, глядя на меня поверх темных очков. — К тому же, если хочешь быть диджеем, ставь хиты. Но ты не переживай — я и хорошие треки приготовил. Ты под них будешь отжигать.

Постукивая кулаком по столу в ритм музыке, он возвращается к пристальному изучению своего экрана. Я все еще потрясена его трансформацией. Единственное, что выдает в нем Энджело Мартинеза — грязь под ногтями от работы в гараже его папы.

Я оглядываюсь и вижу всеобщее помешательство. Стефани в центре всего и вся — вокруг нее целый круг парней, наблюдающих, как она танцует. Кристин и еще несколько чирлидеров пробираются через толпу в своей униформе с охапками гвоздики, доставляя заказы — они устроили распродажу цветов, чтобы заработать деньги для отряда. Кристин останавливается перед Стефани и вручает ей целую охапку. Стефани ухмыляется и держит цветы в руках, как гигантский букет, пытаясь продолжать танцевать.

Люди, не умеющие — или не желающие — танцевать, болтаются на периферии со своими обычными компаниями, посмеиваясь над остальными. Мистер Кэмбер и мисс Масо сидят под плакатом «Толерантность для всех», следя за порядком из-за стола, заваленного брошюрами, к которым никто не рискнет прикоснуться на виду у своих друзей: «Альянс Геев и Натуралов Юнион Хай», «Опасности незащищенного секса», «Травля — отстой», «Смесь энергетиков и алкоголя УБИВАЕТ».

Под восторженные возгласы Кристин устраивает целое шоу, направляясь к Кэмберу с охапкой цветов — ежегодный ритуал. Энджело останавливает музыку и включает звуковой эффект с визгом автомобильных тормозов.

— День Святого Валентина, мистер Кэмбер, — нараспев произносит Энджело растягивая каждый слог для максимального эффекта.

Весь зал издает звук: «О-о-о-о-о!», когда Кристин пытается отдать Кэмберу цветы, а потом оставляет их на столе с брошюрами, потому что он вежливо отказался даже прикасаться к ним. Кристин уходит, затем драматично останавливается и смотрит на

карточку, которая привязана к последнему оставшемуся у нее цветку. Она разворачивается и отдает ее мисс Масо, а толпа сходит с ума.

— О, мисс Масо, вы же прочитаете вслух? — говорит в микрофон Энджело.

Она качает головой и пронзительно кричит на весь зал:

— Ты бы лучше включил музыку, Энджело Мартинез. Я все еще могу пересмотреть твои оценки и исправить аттестат.

Энджело ухмыляется.

— Ладно, Юнион, а теперь зацените — вернемся в прошлое. Это для Роуз Царелли, — говорит он. — Свитер, встречай «The Runaways». Шери Кэрри и «Cherry Bomb»!

Понятия не имею, о чем он. Я застываю, когда все головы поворачиваются в мою сторону, ведь обычно меня выделяют из толпы не по самым хорошим причинам, поэтому мое первое побуждение — убежать или спрятаться. Но потом Стефани издает громкое: «Розиииии!», и Энджело включает песню.

Поначалу никто не танцует. Песня звучит старомодно и слишком просто — как будто кто — то записал ее в гараже или типа того. В начале голос певицы довольно низкий, и я даже не могу сказать, парень это или девушка. Затем она начинает кричать, и когда доходит до первого припева, танцпол уже полон извивающихся и дергающихся тел.

Все визжат, когда певица стонет под гитарное соло в середине песни. Я смотрю на мистера Кэмбера и мисс Масо, ожидая, что у Энджело будут неприятности, но мисс Масо вслух читает карточки на цветах мистера Кэмбера, а он искренне смеется. Похоже, никого из них не волнует, что зал сейчас взорвется под эту самую “Cherry Bomb”.

Внезапно Стефани прорывается через столпотворение, образовавшееся вокруг нее, и бежит ко мне. С визгом она подбрасывает в воздух свой букет красных гвоздик, и они падают, осыпая меня дождем из красных лепестков и любовных записок, которые она даже не читала, словно на церемонии какой — то коронации.

Стефани хватает меня за руки, трясет волосами и заставляет меня прыгать вверх — вниз вместе с ней. Энджело не сводит с нее взгляд, словно никогда в жизни не видел ничего, столь же красивого. Я не могу перестать смеяться. Он показывает на меня, как будто все это должно чему-то меня научить.

Стефани подпевает во весь голос. У нее классный голос, но для такой музыки он не подходит. Я понимаю, что ее голос... милый. Слишком милый для такого. Я тоже начинаю подпевать — просто, чтобы услышать, чем отличаются наши голоса. По сравнению со Стефани, в моем голосе нет ничего милого — в нем есть что-то грубое и жесткое, раздраженное и неровное.

Прямо как «Cherry Bomb».

Когда песня подходит к концу, я поворачиваюсь и кричу Энджело: «Cherry Bomb!» Он ухмыляется.

— Поняла, что я имел в виду? — говорит он в микрофон, как будто он беседует со мной наедине, а не ведет дискотеку для старшеклассников. — И «The Runaways» — это только начало! Есть еще Ким Гордон и Сьюзи Сью...

— Чувак, ставь то, что мы знаем! — выкрикивает кто-то во внезапной тишине зала.

— Да, типа, из этого века! — говорит кто-то еще.

Даже не дрогнув, Энджело ставит Пинк «Raise Your Glass», и удовлетворенные массы снова начинают скакать. Пинк крутая, но я почти ее не слышу — у меня в голове до сих пор гремят «The Runaways».

Я не оперная певица. Я не актриса мюзикла.

Я солистка группы.

Все-таки не так уж я была права.

К следующей песне Стефани бегом возвращается в толпу. Хоть она и скачет на каблуках последние несколько минут, она почему-то даже не потеет. А я наоборот, насквозь мокрая. Решаю, что меня это не волнует, и уже собираюсь попросить Энджело еще раз поставить «Cherry Bomb», когда вижу Джейми рядом со столом Энджело.

Меня настолько прет, что мое первое побуждение — помчаться к нему, наброситься, взять его лицо в руки и целовать, словно близится конец света.

Но побеждает моя практичная сторона. Не могу позволить ему видеть меня в таком виде, особенно, после того, что было во время нашей последней встречи. Вдруг я стану ему отвратительна, и он больше не захочет ко мне прикасаться?

Я бегу в туалет, в венах пульсирует адреналин, а воображаемый iPod в моей голове играет «Cherry Bomb». Резко открываю дверь и вижу мисс Масо в сверкающем золотистом платье-свитере. Она проверяет кабинки, чтобы убедиться, что никто не делает ничего запрещенного.

— Привет! — громко кричу я, заставляя ее подпрыгнуть.

Отрываю кусок грубого бумажного полотенца, от которого наверняка останутся царапины на лице, встаю перед зеркалом и пытаюсь вытереться. Я вижу в зеркале кого-то безумно счастливого. И только через пару секунд узнаю себя.

— Роуз! — отвечает мисс Масо, глядя на меня восторженно и обеспокоенно одновременно.

Она никогда меня такой не видела — уверена, ей интересно, я под чем — то или нет.

— «Cherry Bomb», — пою я, не в силах устоять на месте.

К счастью для меня, мисс Масо смеется.

— Вот что я должна петь! — говорю я своему отражению. — Забудь про «ла-ла-ла»! Забудь про «У-у-у» и «О-о-о»! Забудь про мюзиклы!

Мисс Масо просто качает головой, а я начинаю кружиться, махая руками над головой.

— Мисс Масо, когда вы начнете встречаться с мистером Кэмбером? — когда срабатывают мои уши и мозг, я захлопываю рот ладонью.

Адреналин нанес серьезный ущерб моему самоконтролю.

— А я не считала тебя девочкой, перемалывающей сплетни, — ворчит она, улыбаясь одними глазами. — Не прыгай тут одна слишком долго.

— Мне нравится ваше платье! — пронзительно кричу я, когда за ней закрывается дверь.

Я вытираю пот, но сдаюсь, когда понимаю, что он появляется на лице быстрее, чем я его убираю — возможно, потому что я все еще пританцовываю.

Ну и что? Какое мне дело?

Судьба нашла меня в спортзале «Юнион Хай».

Бегом возвращаюсь на дискотеку и вижу, что Джейми так и стоит рядом со столом Энджело, засунув руки в карманы зеленой камуфляжной куртки и наблюдая за всеми.

Под звуки «Cherry Bomb», до сих пор эхом отдающиеся у меня в голове, я хватаю его за руку и тащу на танцпол. Он так удивлен, что даже не сопротивляется. Чувствую, как по лицу бежит капля пота — вероятно, уносящая с собой остатки моего макияжа — но меня это просто не волнует. Я просто начинаю танцевать. Несколько секунд он наблюдает за моим припадком, а потом тоже начинает танцевать.

И все дело в том, что Джейми умеет танцевать.

Он не делает всех этих странных штучек с прикусыванием губы или размахиванием кулаками, которые вытворяет большинство других парней — он просто танцует. И это... сексуально. Я практически перестаю двигаться, чтобы ничто не мешало мне им любоваться.

Вокруг меня все так стараются, чтобы было жарко — чирлидеры со спортсменами изображают странные бутерброды, где девочка в центре трется своей мини-юбкой о парней впереди и сзади нее. А пары, которые решили сделать этот День Святого Валентина романтичным, делают вид, что играет медленная музыка, и так прижимаются друг к другу, словно они склеены вместе.

Но все самое сексуальное в этом зале происходит прямо передо мной, и это не демонстративно, не вульгарно и не очевидно. Это... Джейми.

Я думаю о нашей встрече на моей кухне в канун Рождества и о том, что было той ночью — как он переживал, ведь он мог бы вести себя по — другому, если бы знал, что со мной раньше такого не было. Когда я смотрю, как он двигается, у меня появляется это странное ноющее чувство, которое я испытываю при его прикосновениях. Хотя сейчас он меня даже не трогает. А еще я понимаю, что наши действия на кухне — это, возможно, все, что я могу вынести. Если бы у нас было нечто большее — если бы было это вместо тех мелочей, которыми мы занимались — я, наверно, вообще бы с ума сошла.

Ты хочешь большего, ты хочешь всего, но в то же время боишься. Это все так странно.

Джейми берет меня за руку и несколько секунд ее держит, словно намекая, что нужно замедлиться. Когда я понимаю, в чем дело, он притягивает меня чуть ближе. Он ждет, пока я не начну двигаться еще медленнее, и снова притягивает меня к себе. Дистанция между нами сокращается, и я уже вне себя от радости, я чувствую его взгляд, наблюдающий за тем, что мы делаем, и как двигаемся вместе. Словно он смотрит через мое красное платье, словно он видит мое тело.

Словно он хочет того, что я не могу дать.

В момент, когда он уже готов прижать меня к себе, я вижу Конрада. Он стоит, опершись на стену, около одного из выходов. На долю секунды мне кажется, что он пристально смотрит на меня, но на самом деле, он смотрит на Джейми. Он отходит от стены и направляется к нам.

Я вижу его приближение, а Джейми — нет. Но я так же удивляюсь, как Джейми, когда Конрад хватает его за плечо и тянет к себе. Джейми спотыкается, удерживает равновесие и оборачивается, готовый к драке, но когда он видит, кто это, в его взгляде появляется смущение.

— Что ты делаешь? — Джейми берет Конрада за лацканы пальто и чуть приближает к себе.

— А ты что делаешь, Джейми? — блестяще отвечает Конрад.

И тут я понимаю, что он пьян. Если бы Конрад, мастер оскорблений, был трезвым, такой ответ был бы для него недостаточно хорош.

Джейми оглядывается — не заметил ли кто-нибудь, что Конрад едва может ровно стоять. Могу сказать, что он сейчас пытается найти способ вывести Конрада из спортзала.

— Пошли, — говорит он, небрежно закидывая руку на плечи Конрада и пробуя его развернуть.

— О, ты уже уходишь? Но мы же еще не танцевали! — настойчиво заявляет Конрад, хватая Джейми за руку.

Джейми отступает, поднимая руки.

— Тебе нельзя здесь быть в пьяном виде.

— Я хочу с тобой потанцевать! — пронзительно кричит он в лицо Джейми.

Запах алкоголя чувствуется даже с того места, где стою я. Мисс Масо и мистер Кэмбер уже смотрят в нашу сторону.

— Конрад, помолчи, или из — за тебя у Джейми будут неприятности, — говорю я.

— Вся эта хрень крутится вокруг Джейми. Все хотят Джейми. Наверно, тяжело быть Джейми, — говорит Конрад с горящими глазами. — Хотя тобой быть еще тяжелее.

Я ждала чего — то подобного.

— Что ты имеешь против Деладдо, а? В прошлом году ты плакалась директору из-за Регины, а в этом плачешься директору из — за меня?

— Я ничего не говорила про Мэтта Хэллеса! — кричу я на него, понимая, что формально я говорю правду — но лишь формально.

— Я уверен, что мы именно поэтому оказались в кабинете у Чен, — отвечает он, закатывая глаза. — Ты знаешь, что ты тупая и предсказуемая?

— А ты хоть подумал о Джейми, когда просил его пойти с тобой к Мэтту? А если бы его снова арестовали? — я зло выплевываю слова, заставляя его отойти на шаг назад. — Ты эгоист.

— Пошли, — еще раз говорит Джейми, когда Кэмбер встает и начинает пробираться к нам.

— Ты не понимаешь во мне самого главного, — невнятно говорит он. — Ты ни хрена не понимаешь в этой хрени.

— Не такой уж ты сложный для понимания, Конрад.

— Так давай, расскажи мне, что ты понимаешь.

— Я понимаю, почему ты всегда был таким придурком по отношению ко мне.

— Придурком, — он хохочет и фыркает. — Ты хоть можешь сказать «мудаком»? Или это тебя пугает?

— Роуз, — предупреждает Джейми, глядя на Кэмбера.

Я продолжаю. Ненавижу себя за это, учитывая, что теперь я больше знаю о жизни Конрада. Но все — таки продолжаю.

— Сначала я думала, что ты ненавидишь меня, потому что я увела Джейми у Регины. Но сейчас...

Я сомневаюсь — слова, которые я собираюсь произнести, вызывают у меня в голове практически воздушную тревогу. Пытаюсь к ней прислушаться, и прислушиваюсь, но просто не могу иначе.

— Что? Говори то, что собиралась!

— Сейчас я знаю, что ты думаешь, будто я забираю Джейми у тебя.

Я попала в точку — в самое яблочко. Я не была уверена, что я права, но теперь я вижу — так и есть. И Конрад даже не думал, что кто-то знает его секрет.

Джейми закрывает глаза, словно желая вернуться во времени на десять секунд назад и не дать мне этого сказать.

Он знал. Джейми уже знал.

Первый раз в жизни я вижу Конрада, лишившегося дара речи. Он шатается пару секунд, а потом разворачивается и идет к выходу. Кэмбер говорит, что если он уйдет, то не сможет вернуться, но Конрад проходит мимо него. Кэмбер наблюдает за его походкой, а потом

направляется за ним.

У Джейми темнеет в глазах, и между нами будто встает стена.

— Меня бесит, как он со мной разговаривает, и с тобой тоже, — говорю я, притворяясь более злой, чем на самом деле, потому что я смущена своим дерьмовым поступком.

Но меня тошнит от Конрада — так было с того самого момента, когда я впервые увидела его, стоящим на трамплине бассейна.

Если уж говорить о судьбе.

— У него сейчас отстойная жизнь, — говорит Джейми.

— Ну да, как и у меня, — отвечаю я.

— Да неужели? — говорит Джейми, ясно намекая, что он не понимает отсутствия у меня сострадания.

Если честно, я тоже не понимаю.

Джейми уходит вслед за Конрадом. Мне пойти за ним? Извиниться?

Или Джейми должен передо мной извиняться?

Я задаюсь этими вопросами, наблюдая, как он опять уходит от меня — после того, как мы были так близко, и он ко мне прикасался — заботиться о Деладдо.

Хватит с меня толерантных дискотек.

Стефани отплясывает от всей души перед столом Энджело, но Трейси нигде не видно. Я беру свое пальто и надеваю, хотя я все еще вспотевшая от танцев — не хочу больше видеть ни кусочка своего красного «валентиновского» платья.

Я направляюсь в холл, где располагался фотограф, думая, что Трейси тоже может там фотографировать. Но фотограф уже собрал свои вещи и ушел.

В холле тихо и немного жутковато, горит только аварийное освещение, но я вижу, что там кто — то есть. Делаю несколько шагов, чтобы лучше разглядеть, и понимаю, что это Трейси — стоит, опершись на шкафчики, с кем — то еще.

Я слышу, как она смеется своим особым кокетливым смехом, который доводила до совершенства последние пару лет, и разворачиваюсь, чтобы отправиться домой в одиночестве.

А потом слышу Питера.

Теперь я понимаю, почему Трейси была так уверена насчет парней из колледжа.

Я поворачиваюсь обратно и стою очень тихо, прислушиваясь и пытаюсь убедиться, что я слышу именно то, что мне кажется. Потом иду по холлу. Когда я оказываюсь в нескольких шагах от облачка красного света, идущего от лампы над аварийным выходом, и Трейси наконец видит меня, ее кокетливое выражение лица исчезает. На какой-то момент даже Питер кажется шокированным моим появлением.

— Какие же вы обманщики, ребята.

— Розы, мы не... — начинает Трейси.

— погоди, — говорит ей Питер. — Ты о чем, Розы?

Он вдруг становится супер-бешеным.

— Мы тебя ни в чем не обманывали.

— Вы вместе, а мне не сказали. Это похоже на большой и толстый обман.

— Это не твое дело, — выпаливает он в ответ.

— Не мое? — ошеломленно спрашиваю я.

Трейси похожа на олененка, напуганного ярким светом:

— Розы, я клянусь, мы не виделись с Рождества. Это первый раз.

— Какая же я идиотка. Пошли вы оба на фиг, — говорю я.

— Будет здорово, когда ты наконец повзрослеешь, — сердито говорит Питер.

Я бреду по холлу, у меня вибрирует телефон, я яростно вытаскиваю его из кармана, порвав подкладку пальто, и вижу сообщение от Вики.

«В этот День Святого Валентина желаю тебе романтики размером с Техас. А теперь иди и поцелуй кого-нибудь!»

истина(сущ.): действительность, правда

(см. также: однажды узнал или сказав что-то, ты не можешь забыть или забрать свои слова обратно)

Сегодня первый день весны, и идет снег.

Моя мама ходила на свидания с Дирком Тейлором три раза. Как минимум.

Я потеряла лучшую подругу из-за своего брата. И потеряла брата из-за лучшей подруги. Даже не уверена, что меня больше беспокоит.

Джейми ненавидит меня за то, что я наговорила Конраду. Честно говоря, до сих пор не могу разобраться, почему я это сказала.

По идее я должна бить кулаками в стену из-за всего этого.

Но сегодня... у меня все отлично.

Я не против снега. Меня не бесит, что Кэтлин с Дирком. И меня не волнует, чем занимаются Питер и Трейси.

Потому что сегодня после школы у меня прослушивание для новой группы Энджело.

Я готова встретиться со своим призванием.

Мой шкафчик в раздевалке спортзала открывается с третьей попытки. Хотелось бы списать все на то, что у меня дрожат руки от всплеска эндорфинов после физкультуры — мы бегали на короткую дистанцию — но я не могла вспомнить код своего замка, хоть и использовала его уже около тысячи раз.

Я нервничаю.

Но в хорошем смысле. Я выучила «Cherry Bomb» вдоль и поперек. Я могу спеть ее во сне. А, может, уже и пою ее во сне.

Энджело скидывает мне на почту MP3 олдскульного панка, чтобы меня «обучать», как он это называет, после того, как «НЭД» распалась. Их солист подписал контракт с компанией звукозаписи, в отличие от остальных участников группы. Энджело говорит, что его это не волнует, потому что тот парень был неудачником, но я — то знаю, как он разочарован на самом деле. Поэтому теперь он создает новую группу и хочет найти «крутую девчонку — солистку», потому что «завязал с пацанами».

Он думает, что я могла бы ею стать.

Я тоже думаю, что могла бы ею стать.

Поначалу в MP3, которые он присылал, пели девушки, но теперь там и парни тоже. Группы «Bad Brains», «Social Distortion», «Black Flag», «The Dead Kennedys», «The Se Pistols», «The Clash». До этого момента за мой музыкальный вкус отвечал Питер — Эми Уайнхаус, Снуп Дог, «Led Zeppelin» — но Питер — ничто, по сравнению с Энджело. Он наверно, и не слышал о половине этих групп.

По правде говоря, я не всегда знаю, что делать с вещами, присланными Энджело. Я имею в виду, что не знаю, как этому научиться или заставить себя так же петь. Мне даже не все нравится. Но это бешеная музыка, а бешеные исполнители взрывают мне мозг. Я спускаюсь в подвал и целый час пою до хрипоты перед тем, как лечь спать — как будто кто-то открывает мне голову, как кастрюлю, и весь гнев уходит в атмосферу. Когда я заканчиваю, становлюсь такой спокойной, что могу уснуть за пару минут, и почти никогда

больше не вижу всякие бредовые вещи.

Пока-пока, Бессоница; прощайте, Шоу Ужасов. Получайте, лошары.

В конце урока раздается звонок, а на мне почти нет одежды. Я так вспотела от бега, что пришлось принять душ, и хоть я и старалась, чтобы вода не попала на лицо, мне все равно нужно подправить макияж. Похоже, я серьезно опоздаю на французский. Слышу, как шуршит толпа, выходя из раздевалки и направляясь на последний урок. Хватаю свою сумку и бегу к зеркалу.

Оттуда на меня пристально смотрит девочка с черной подводкой в стиле «кошачий глаз» и толстым слоем туши, с неровной короткой челкой, которую вчера вечером она подстригла сама филировочными ножницами, и волосами с единственной синей прядью.

Стоит ли говорить, что мама этой девочки сегодня утром обалдела.

Я сказала маме, что синий цвет смывается, а челка отрастет. Она заставила себя успокоиться — думаю, я даже видела, как она беззвучно произносила числа, считая до десяти — а потом оглядела меня сверху вниз. Я сказала, что собираюсь на мероприятие в стиле Иксен Червенки.

Я ждала, что она спросит, кто это или о чем я вообще говорю, но через пару секунд она кивнула — может, она и так знает, кто такая Иксен Червенка? — и стало ясно, что она решила ничего не говорить о черных колготках с дырками, мартенсах и винтажном платье, которое я одолжила у Холли.

Холли сказала, что я могу оставить себе платье, потому что оно никогда ей не подойдет. Это был вежливый способ сказать, что платье ей слишком велико.

Я выгляжу по — другому. Я другая.

Готова поспорить, что сегодня Трейси включит меня в «Список Шика».

Хотя я ей не позволю.

На самом деле, между мной и Трейси все не так ужасно. После Дня Святого Валентина такое ощущение, что мы отдыхаем друг от друга. Мы с Питером ведем себя так, словно едва знакомы, и это не так уж отличается от его поведения после возвращения домой, если не считать одного вечера.

Должна признать, что я скучаю по Трейси больше, чем по нему. Возможно, потому что я и так долго скучала по нему и успела привыкнуть. Но я просто не хочу находиться рядом с ней. Я не знаю, как теперь все устроено. Например, если я что-то рассказываю Трейси, она автоматически пересказывает Питеру? А Питер рассказывает обо мне — то, что я сама ей не говорила?

Думаю, она это понимает, потому что перестала присылать мне «Список Шика». Если честно, не работать больше на нее — это такое облегчение.

Когда я задумываюсь об этом, я понимаю, что должна радоваться за них. Ей всегда нравился Питер, а у него, похоже, второй самый ужасный год в жизни. Ему нужен кто — то прямо сейчас, а она помогает ему так, как мы с мамой не можем. Или не хотим.

Я хочу поступить зрело, по — взрослому, и порадоваться за них. Но не могу. Пока что.

Я подправляю подводку и надеюсь, что месье Леверт не будет волноваться, если я опоздаю на пару минут — главное, чтобы я смогла объяснить на французском, почему. И тут в раздевалку начинает заходить следующий класс.

— Оно черное с очень открытой спиной — мне придется приклеивать его двусторонним скотчем, чтобы не показывать попу, — слышу я голос Лены. — А ты в чем будешь?

— Пока не выбрала. Но Энтони нравится, когда я в красном, — отвечает Регина с энтузиазмом человека, говорящего о наполнителе для кошачьего туалета.

Они заходят за угол и внезапно останавливаются, увидев меня.

— Знаешь, чтобы подстричься, можно заплатить профессионалам, — говорит Лена, глядя на мою неровную челку. — И покрасить тебя они тоже могут.

Когда я ничего не говорю, она спрашивает, даже не пытаясь скрыть отвращение:

— Почему ты так выглядишь?

Регина стоит тихо, не сводя с меня глаз.

— У меня прослушивание, — отвечаю я.

— Для шоу уродов? — самодовольно говорит Лена, глядя на Регину в поисках одобрения.

— Она сама по себе — шоу уродов, — говорит Регина.

В зеркале я вижу, что она идет между рядов шкафчиков, собираясь начать переодеваться. Лена следует за ней, как преданная домашняя зверюшка. Входят другие девочки, видят Регину и Лену вместе и решают найти себе шкафчик в другом ряду.

— Вот такого типа, — говорит Лена, показывая Регине что — то на телефоне.

Регина почти не смотрит. Когда Лена видит, что я за ними наблюдаю, она с наигранной невинностью спрашивает:

— Пойдешь в этом году на выпускной?

Регина безжизненно смеется. Делаю вид, что не слышу, роясь в сумке в поисках средства для снятия макияжа — нужно убрать пятна от туши под глазами. Лена кладет телефон в свой шкафчик, снимает свитер — на ней бюстгальтер «пуш-ап», делающий ее грудь огромной — и трясет волосами, будто она в кино или вроде того.

— Хотите с нами поехать на лимузине? — спрашивает она у Регины.

Я разворачиваюсь, не задумываясь.

— Минутку, — говорю я Регине. — Вы с Энтони идете на выпускной с Леной и Мэттом?

Думаю, я впервые в жизни сама заговорила с Региной.

Теперь ее очередь притворяться, что не слышит.

— После того, что Мэтт сделал с твоим братом? — продолжаю я.

Она начинает разуваться.

Сама себя удивляю, когда добавляю:

— Ты же помнишь его, да? Конрад?

Лена демонстративно закатывает глаза:

— Все проходят посвящение, когда вступают в команду. Конрад просто много шума поднял из — за этого. И ты тоже.

— Все, что я сделала — помогла Конраду вылезти из бассейна, — говорю я. — Я ни из — за чего не поднимаю шум.

Она поправляет свой «пуш-ап», словно недовольная тем, как он выполняет свою функцию.

— Все знают, что ты рассказала Чен про Мэтта, — говорит она. — Не можешь держать рот на замке, когда доходит до Чен.

Я смотрю на Регину, чтобы понять, собирается ли она вступить в дискуссию, но она странно сосредоточена на подготовке к уроку. Она выглядит сдержанной по сравнению с Леной, которая стянула с себя леггинсы и выделяется перед зеркалом в кружевном

нижнем белье, делая вид, что не замечает, как на нее смотрят.

Регина, снимая джинсы, поворачивается к нам спиной.

Я снова смотрю в зеркало, закончив стирать пятна от туши и нарочито медленно поправляя свою беспорядочную челку, чтобы не казалось, будто я хочу убежать от Регины с Леной. Убираю в сумку подводку и средство для снятия макияжа и уже собираюсь уйти, когда Регина снимает блузку.

У нее на спине бледные синяки. Вообще — то, если бы не отвратительные лампы дневного света в раздевалке — которые наверняка созданы, чтобы ученики не разглядывали друг друга, а скорее шли на урок — я бы, наверно, их не заметила. Но здесь и сейчас их невозможно не заметить. Они большие. Можно сказать, размером с кулак.

Из-за них мне становится интересно, что она скрывает на передней части тела.

Теперь Лена без умолку болтает об афтепати после выпускного, рассуждая, что лучше — снять коттедж на пляже или просто поехать в отель, как в прошлом году. Когда она наконец замечает мое молчание, она смотрит на меня, а потом поворачивается туда, куда пристально смотрю я. Она бросает короткий взгляд, а потом Регина надевает спортивную футболку и вытаскивает светлые волосы из-под ворота.

Глаза Лены становятся огромными, она не может ничего сделать, кроме как повернуться ко мне, чтобы удостовериться, что мы видели одно и то же. Мы долго смотрим друг на друга, пытаюсь понять, что думает другая, и сообразить, как поступить.

Лена принимает решение быстрее, чем я, разворачивается и срывается с места, бормоча что — то о том, как она облапошит родителей с арендой коттеджа на пляже. Но я не такая быстрая. Когда Регина видит мое лицо, она сразу же понимает, что я заметила. Или думаю, что заметила.

— Энтони нравится жестко, — говорит она.

— Что жестко? — спрашиваю я, не переставая думать.

— Секс. Знаешь, что это такое? — спрашивает она наигранным голосом маленькой девочки.

Она вошла в режим стервы и собирается сделать все, чтобы отвлечь меня от увиденного. Я морально готовлюсь.

— Ты бы лучше соображала быстрее, если хочешь остаться с Джейми. Потому что ему нужны некоторые вещи, — говорит она, растягивая слова, чтобы это звучало максимально оскорбительно. — Я впервые дала это Джейми, когда он жил с нами. Так что я знаю.

Мне хочется закрыть уши руками — я не могу обсуждать это с ней. Не хочу слышать подробности. Не хочу знать, как это было. Не хочу ничего об этом слышать. Не хочу тратить ни секунды на мысли о том, что она уж точно лучше, чем я, умеет обращаться с парнями — с Джейми — и я никак не могу с ней соревноваться.

Впервые я задумалась об этом в прошлом году, когда сбила ее с ног на беговой дорожке. «Дыши», — внушаю я себе.

Регина точно знает, как меня задеть — у нее всегда получалось. Так же хороша в этом, как ее брат. Должно быть, унаследовали этот особый талант от отца. Потому что я была в одной комнате с миссис Деладдо — от нее Конрад и Регина никак не могли научиться подавлять людей.

Регина с безжизненной улыбкой на лице ждет, когда я заговорю.

Как это возможно — так сильно ненавидеть человека и чувствовать вину перед ним одновременно? От напора этих двух противоречащих чувств у меня чуть не трескается

голова.

— Почему ты так сильно хочешь разлучить меня с Джейми? — спрашиваю я так спокойно, как только могу, пытаюсь не дать своим рукам сжаться в кулаки.

Я хочу услышать, как она это говорит — просто хочу, чтобы она призналась, что все еще любит его.

Она бросает свою сумку в шкафчик и громко хлопает дверцей.

— Потому что ты завралась, Роуз, — говорит она.

Это даже близко не стояло с тем, чего я ожидала услышать.

— Что это значит? — спрашиваю я.

Она совсем не торопится, набирая код на замке шкафчика, затем берет толстовку и поворачивается ко мне лицом.

— Ты никогда не будешь с Джейми. Ты можешь переспать с ним или начать с ним встречаться, чтобы позлить родителей, — говорит она, прекрасно зная, что мой отец погиб. — Но ты уедешь — ты же думаешь, что Юнион недостаточно хорош для тебя. И про Джейми ты думаешь так же.

Ее слова проникают мне под кожу как крошечные осколки разбитого стекла.

Все происходит так быстро, что я почти ничего не осознаю.

Почти.

Звенит звонок на последний урок.

Лена идет в зал, украдкой бросив на меня взгляд, который я не могу расшифровать.

Регина идет вслед за ней.

— Но ты ничем не лучше нас, — шипит она на меня.

Ее голос тверд, но в глазах печаль — настоящее, неподдельное горе.

Она не верит тому, что сама сказала.

Когда за ней закрывается дверь, я все еще стою, пытаюсь собраться с силами и отбросить волны смущения, страха и бешенства, которые всегда накатывают при общении с Региной.

Осколки ее слов пульсируют у меня под кожей.

Я бросаюсь бежать — никогда еще так не опаздывала — и вижу в зеркале, как мелькает моя синяя прядь волос.

На долю секунды я не узнаю сама себя.

Снежинки падают на мою голую шею, пока я стою на грязной парковке и жду Энджело, который опаздывает на пятнадцать минут. Я не надела шапку, пальто и шарф — они не вписываются в мой образ.

Мне холодно.

На французском мой мозг застрял в какой-то уродливой петле и до сих пор не может из нее выбраться. Я представляю синяки Регины. Потом думаю о том, как их однажды увидел Джейми, крупным планом и при тесном общении; Джейми жил у нее дома; Регина лишилась с ним девственности. А потом пытаюсь представить себя на ее месте. С ним. И думаю о том, каково это — отдаваться человеку, а затем видеть его с кем — то другим. И понимаю, почему Регина старается сделать больно Джейми, встречаясь с Энтони.

Мысли об Энтони возвращают меня к синякам. И все начинается сначала.

Эти синяки — дело рук Энтони. Должно быть так.

Вспоминаю, как он схватил ее за руку на вечеринке плавательной команды — достаточно сильно, чтобы кожа изменила цвет. Мне хотелось оторвать от нее его пальцы. Хотелось помочь ей, а я не знала, почему.

Я понимала — что — то было не так.

Знает ли Джейми? Он именно поэтому так защищает ее?

Он не может знать. Если бы он знал, давно бы уже наехал на Энтони.

Стоит ли что — то говорить?

Если я расскажу Джейми, у Джейми что-нибудь начнется с Энтони, и возможно, они в прямом смысле слова поубивают друг друга. А если я неправа? Если Регина сказала правду, и они с Энтони делают некие вещи — ни малейшего понятия не имею, какие — и это заканчивается синяками? Тогда я буду выглядеть, как полная и совершенная неудачница.

Такое возможно? Люди занимаются чем — то в таком духе?

Но если я все-таки права, и я не скажу Джейми, Энтони продолжит бить Регину, а Регина продолжит ему это позволять... потому что рядом нет никого лучше? Потому что думает, что заслужила? Потому что она не знает другого обращения?

Вдруг ей нужна помощь, а я ничего не делаю?

Дело в том, что в начале года я обещала себе держаться подальше от забот других людей и лишний раз не открывать рот. И один раз уже нарушила обещание, из-за Конрада.

Разве я чем-то обязана Регине после всего, что она мне сделала и как она со мной обращается?

Я пинаю огромную гору серого подтаявшего снега, отправляя в воздух грязное ледяное крошево. Почему ко мне все время попадает информация, которая должна быть у других людей? Информация, которую я не могу передать, не вызвав неизбежный провал?

Не могу сейчас думать об этом. Мне нужно думать о прослушивании — обо всей музыке, которую я слушала неделями, о том, что это мой шанс стать певицей, которой я хочу быть.

Выталкиваю Регину из своих мыслей.

Я ищу вдохновения в самом угнетающем, безнадежном и сером мартовском небе в моей жизни, когда ко мне подъезжает машина Джейми.

— Энджело попросил тебя забрать, — говорит он, наклоняясь, чтобы поговорить со мной через окно со стороны пассажира.

Я однажды слышала от кого-то, что парни не должны быть красивыми — девочки красивые, а парни привлекательные. Джейми определенно привлекательный, горячий и все такое. Но он еще и красивый, даже когда злится на меня.

Если Джейми удивлен моим новым образом, он этого не показывает. В глубине души, за всем остальным, происходящим между нами, я разочарована, что он ничего не говорит и не замечает, как я изменилась.

— Где Энджело? — спрашиваю я.

— Еще на работе. Готова?

Я замерзла — нет ничего лучше, чем сесть в машину и почувствовать прилив тепла — но нет, я не готова. Я злюсь, смущаюсь и паникую. Я не ожидала, что увижу его. У меня нет объяснений тому, что я сказала Конраду на дискотеке в День Валентина. Я не могу ничего рассказать о Регине, потому что не уверена в том, что видела, и не хочу казаться невежественной или глупой.

Петля в голове затягивается еще туже.

Джейми наклоняется еще сильнее и открывает пассажирскую дверь изнутри.

— Нам нужно поговорить, — произносит он.

Моя прическа и наряд весь день казались мне довольно классными, но в ту же секунду, когда за мной закрывается дверь машины, я чувствую себя самозванкой, наряженной в чужой костюм. Пока мы выезжаем с парковки, я опускаю солнцезащитный козырек, чтобы посмотреться в маленькое зеркало и напомнить себе, как я сегодня выгляжу и какой я стала.

От меня не укрылось, что за последние 24 часа я смотрела в зеркало чаще, чем за последние два года. Но я больше не имею ничего против своего отражения — более того, не могу перестать на него смотреть. Может, потому что мне наконец нравится то, что я вижу. Или оно просто перестало мне не нравиться.

Это пример двойного отрицания, которое позволяет яснее донести мысль? Надо будет спросить у Кэмбера.

Глядя в зеркало, я ощущаю, что Джейми на меня смотрит. Я не обращаю на него внимания и поднимаю козырек обратно, пальцы холодные и красные от того, что я была на улице без перчаток или карманов. Я их почти не чувствую, когда начинаю растягивать дырки на колготках, чтобы сделать их еще больше.

— Ты очень хреново поступила, — говорит он.

У меня краснеет лицо. Я слишком сильно дергаю свои колготки, и две небольшие дырки становятся одной большой. Натягиваю платье пониже, чтобы ее прикрыть.

— Ты на меня злишься?

— Да, можно и так сказать, — говорит он.

Ненавижу осознавать, что совершила поступок, из-за которого я ему не нравлюсь. Хотя что — то удерживает меня от извинения.

— А что случилось, когда вы ушли? — говорю я, пытаюсь притвориться, что меня не особо это волнует.

— Я отвел его домой.

— Ты привел его домой в таком виде?

— Миссис Де видала и похуже, — говорит Джейми.

— Как ты прошел мимо Кэмбера?

— С Кэмбером все в порядке, — отвечает он, словно это все объясняет.

Мы останавливаемся на светофоре, и он вытирает рукавом лобовое стекло, запотевшее от нашего дыхания. Потом он опирается на свою дверь и просто смотрит на меня, пока у меня не лопается терпение.

— Я так сказала, потому что это правда. И ты это знаешь.

— И? — говорит он с неподдельным замешательством, будто не понимает, почему влюбленность Конрада в него — такое большое дело.

Загорается зеленый.

Он трогается с места.

И я понимаю, что это не большое дело. Даже не малейшее.

Один любит другого, который не отвечает ему взаимностью. Такое бывает — возможно, постоянно, если ты Джейми Форта. Волноваться не о чем.

Так с чего я взяла, что это большое дело? Потому что Конрад — гей? Потому что Джейми — не гей?

Мне-то какое дело?

Независимо от ответа на этот вопрос, ясно одно: Джейми Форта гораздо лучше, чем я.

Может быть, Регина пыталась сказать мне именно это.

Я вдруг занимаю оборонительную позицию:

— Конрад вел себя как придурок. Я хотела, чтобы он заткнулся.

— Хорошо поработала. Он до сих пор со мной не разговаривает.

— Ну, может, ты теперь сможешь зажить своей жизнью вместо того, чтобы заботиться о Деладдо, — ворчу я.

Как только я произношу эти слова, я словно вижу спину Регины под резким освещением в раздевалке.

— Я могу включить радио? — спрашиваю я.

— Не хочешь говорить со мной, да?

Я отворачиваюсь от него и начинаю рисовать пальцем кружочки на запотевшем стекле. Чем больше кружочков я рисую, тем больше я вижу. В серой дымке облаков, грязи, дорог и зданий появляется странная пятнистая версия Юнион. Я никогда не задумывалась о Юнион, о том, хорошее это место или плохое. Оно просто... есть. Когда-нибудь я уеду — у меня всегда было чувство, что настоящая жизнь идет где-то еще, и моя задача — найти это место.

Но я не одна такая. Могу поспорить, что Юнион покидает больше людей, чем сюда приезжают. Какая между ними разница? Что заставляет одного уехать, а другого — провести здесь остаток жизни? И чем один выбор лучше другого?

Считаю ли я себя лучше, чем Юнион? Лучше, чем Джейми?

Я знаю, что поеду в колледж, когда окончу школу. Не знаю, что собирается делать Джейми — возможно, и он не знает.

А это имеет значение?

— Никогда тебя такой не видел, — говорит он.

От внезапного прилива стыда меня начинает подташнивать.

— Нет, видел. В прошлом году, когда не дал мне избить Регину.

Мне по-настоящему хотелось сделать ей больно. Но и она хотела сделать мне больно — тем способом, до которого додумалась. Это оправдывает мой поступок?

Я разглядываю узоры, которые нарисовала на окне Джейми.

— Ты с ней лишился девственности?

Джейми требуется столько времени на ответ, что я задумываюсь, произнесла ли я этот вопрос вслух.

— Откуда ты это взяла? — спрашивает он.

— Сегодня она мне сказала, что лишилась ее с тобой, когда ты у нее жил.

Он кажется ошарашенным, будто не верит, что она могла такое сказать.

— Ты тогда впервые узнал? О ее папе? — спрашиваю я.

По тому, как его челюсть движется взад-вперед, я могу сказать, что он злится, но не уверена — на меня или на нее.

— Какого хрена она тебе такое рассказывает?

Теперь моя очередь злиться — меня бесит, что он вообще задает такие вопросы.

— Джейми, потому что она меня ненавидит, а тебя любит, совсем как Конрад! Насколько мне известно, миссис Деладдо тоже.

Джейми вдруг сворачивает направо, и я хватаюсь за ремень безопасности, чтобы ни во что не врезаться. Он заезжает на парковку за каким — то зданием и дергает рычаг, ставя его в парковочное положение. А потом долго и упорно смотрит на меня.

— Тебе ничего не известно о миссис Деладдо и о том, что она для меня сделала.

Отлично. Еще одна тайна Деладдо.

— Ну, может, расскажешь мне как — нибудь, — огрызаюсь я. — Иначе просто узнаю от Регины в следующий раз, когда она захочет использовать против меня то, что знает о тебе.

Джейми трет лицо руками, словно пытается стереть весь этот разговор, а потом скрещивает руки на груди.

— Ты знаешь, какая ты вредина?

— Я? — в полном шоке спрашиваю я. — Я вредина? Это ты поцеловал меня, пригласил на свидание, чтобы сказать, что у нас не будет больше свиданий, а потом приехал ко мне домой, засунул руки под мою кофту и поцеловал меня — опять!

В полной тишине снег, превратившийся в дождь со снегом, постукивает по машине, отскакивая от капота. Джейми тяжело вздыхает и запускает руку в волосы.

— Я не девственник с тринадцати лет.

Эта информация оказывается настолько неожиданной, что все мое тело обжигает безумной волной, и начинает кружиться голова. Такое ощущение, что температура в машине поднялась до миллиона градусов.

— Тебе было тринадцать? — шепчу я.

— Угу.

— С кем?

— Девчонка на вечеринке. Она была под кайфом. Мы все были.

— Ты был... Когда ты... Но...

Не знаю, какой вопрос задать первым. Я не понимаю этот мир, в котором тринадцатилетний мальчик под кайфом на вечеринке занимается сексом.

Это доказывает, как «много» я знаю о мире.

— Сколько ей было? — спрашиваю я.

— Семнадцать.

— Это же... незаконно?

— Возможно.

— И ты был под кайфом? Когда тебе было тринадцать?

— Да, — решительно говорит он, будто хочет, чтобы я перестала задавать вопросы.

Это срабатывает. Я замолкаю, смущенная ревностью, желанием и трепетом, соревнующимися у меня в голове, когда я пытаюсь представить Джейми Форта в тринадцать лет, под кайфом, занимающегося сексом с семнадцатилетней девушкой.

Я в свои тринадцать собирала наклейки с лошадами.

Я молчу так долго, что он придвигается чуть ближе, чтобы лучше видеть мое лицо.

— Тебе понравилось? — спрашиваю я единственное, что смог придумать мой растерянный мозг.

— Там нечему было нравиться.

То, как он это говорит, не объясняет мне, что он чувствует по этому поводу, но от самих слов мне хочется взять его за руку и почувствовать тепло его кожи.

— Как ты попал на ту вечеринку?

Он пожимает плечами, словно не совсем уверен.

— Я тогда был предоставлен самому себе. Делал всякое дерьмо, которого не стоило делать.

— А ты... занимался сексом после этого? — тихо спрашиваю я, со страхом и возбуждением от того, что уже знаю ответ.

Он слегка улыбается.

— Да, без остановки, — поддразнивает он.

Я слишком заинтригована его сумасшедшей историей, чтобы смущаться из — за этого подкола.

— Тебе это нравится?

В этот момент Джейми замечает, что я выгляжу по-другому. Его внимательный взгляд изучает меня от макушки до пяток, не упуская ни челку, ни синюю прядь, ни платье, ни колготки, ни ботинки. Могу сказать, что ему нравится увиденное — это очень заметно по выражению его лица. Когда он снова встречается со мной взглядом, он протягивает руку и проводит пальцами по синей пряди.

— Иногда.

Ему это нравится. Иногда.

Мой желудок делает небольшое странное сальто, и мне хочется открыть окно, чтобы впустить воздух и позволить снегу с дождем падать мне на лицо. У меня звенит в голове от ощущения его пальцев на моих волосах и хочется закрыть глаза.

— Например, когда? — умудряюсь спросить я.

— Когда это с тем, кто что-то для меня значит.

— А много людей, которые что — то значат?

— Нет.

— А Регина?

Он не сомневается:

— Да.

Я вдруг осознаю, что Джейми — возможно, единственный парень за всю жизнь Регины, который хорошо к ней относился.

За всю жизнь.

— А я что — то значу для тебя?

Его теплая ладонь проскальзывает мне на затылок и остается там.

— А ты как думаешь, Роуз?

Снег с дождем становится сильнее, а стук — громче.

— Ты помнишь, на кухне в Рождество, рядом с домом Трейси перед началом года, и в прошлом году — День Святого Валентина и встреча выпускников?

Он кивает.

— Почему ты всегда потом исчезаешь?

Он смотрит на меня, как будто я должна уже знать ответ на свой вопрос.

Мне внезапно становится интересно, рассказывала ли Регина свою теорию обо мне Джейми — о том, как я считаю себя слишком хорошей для него и никогда не буду с ним.

Все, что я говорю:

— А если бы я сказала, что... я люблю тебя.

Красивые ореховые глаза Джейми останавливаются на мне, и все его тело застывает — кажется, он даже не дышит. Потом он медленно убирает руку с моего затылка и слегка отворачивается от меня, но его взгляд по — прежнему прикован ко мне, словно он не уверен, что правильно расслышал, но если я сказала то, что он думает, тогда со мной что — то очень сильно не так.

— Ты так смотришь на меня, будто я сдурела, — шепчу я.

— Да, ну...

— Только не говори, что ты не знал.

Джейми поворачивается и кладет руки на руль, как будто хочет уехать от нашего разговора быстрее, чем я еще что-нибудь скажу.

— Нет, Роуз.

— Что нет?

— Скоро все изменится. Оно того не стоит.

— Для тебя?

— Для тебя. Ты не любишь меня, Роуз. Поверь мне.

В один миг весь воздух покидает мои легкие.

У него вибрирует телефон, и он лезет за ним в карман.

— Да, — отвечает он. — Да, мы едем.

Я слышу голос Энджелло, но не разбираю, что он говорит.

— Все в порядке.

Он убирает телефон обратно в карман, сдает назад, оглядываясь через плечо, и выезжает на шоссе, словно мы и не говорили о любви.

Словно я о ней не говорила.

надоедливый(прил.): всюду сующий свой нос; назойливый
(см. также: моя мама, и — да — я)

Мама что-то планирует на мой День Рождения.

Сегодня субботнее утро, и она протягивает мне свою кредитку со словами:

— Сходи в торговый центр и купи себе платье. Какое тебе нравится, — а потом добавляет с озорной улыбкой: — Тебе хорошо в синем. Подходит к твоим глазам.

Пытаюсь вытянуть из нее еще информацию, но она молчит. Шагая в торговый центр, я думаю о том, чтобы позвонить Трейси и позвать ее с собой в этот беспрецедентный момент моей жизни, когда у меня мамина кредитка и разрешение купить то, что я хочу. Но не звоню.

Я больше не редактор «Списка Шика», и если я хочу посмотреть, кого она в него включает, мне приходится заходить на сайт. Этим утром я как раз туда заглянула и обнаружила «Список Шика в формате колледжа!». Ее выбором стал, конечно же, Питер, что показалось мне довольно ироничным в свете того, что ему сейчас нельзя посещать колледж. К тому же она неслабо схитрила — сама одевала его и делала якобы «непостановочные» фотографии. Я поняла это по тому, что он выглядит как модель магазина J.Crew, а мой брат ни в одной вселенной не мог бы — и не хотел бы — выглядеть в стиле J.Crew по своей воле.

Когда я оказываюсь в торговом центре, я брожу по обычным магазинам, но во всех нормальная, базовая, скучная одежда — это же Юнион. Есть еще один магазин, куда можно заглянуть, в самой глубине торгового центра, называется Tried & True. Он наполовину винтажный, наполовину — с вещами, сделанными «под винтаж». Я однажды сюда заходила, когда училась в восьмом классе, и мне ничего не понравилось, но я тогда не вылезала из леггинсов и толстовок, так что это ни о чем не говорит.

В витрине Tried & True стоит манекен, одетый в короткое черное платье с пайетками, высокие ботинки на шнуровке и чулки с узором — паутиной. У нее на руках татуировки с черепом и костями, ярко-розовый маникюр и светло — синие тени для век. Перед ней стоит стойка с микрофоном, и кто — то так изогнул ее руку, что кажется, будто она сейчас схватит его и начнет петь.

Интересно, пойдет ли мне, как солистке группы Энджелло, этот образ. Но сначала, конечно, нужно получить приглашение на концерт.

Мое прослушивание прошло не блестяще. На самом деле, оно прошло ужасно. Я пыталась спеть «Cherry Bomb» целую кучу раз, но так и не смогла сделать это так, как хотел Энджелло. Он все время останавливал группу и подходил, чтобы меня проинструктировать, но я не понимала, какой стиль ему нужен.

— Она, типа, опасная, совсем дикая, — постоянно говорил он. — Она взрывная! Она горячая! — кричал он, пока группа играла вступление снова, и снова, и снова.

Мне стало нехорошо, и я начала хуже петь. Это продолжалось до тех пор, пока Энджелло не спросил, все ли со мной нормально, и я поняла, что совсем нет.

А я всего лишь призналась в любви Джейми. Я не знала, что собираюсь ему сказать, и совсем не уверена, что сказала это по правильным причинам, но я это произнесла.

Никогда и никому раньше этого не говорила.

А он сказал, что я не люблю это, и оно того не стоит.

Думаю, с тех пор я в шоке.

Когда прослушивание закончилось — а может, просто, когда у Энджелю с группой лопнуло терпение — Энджелю отвез меня домой.

— Что это, черт возьми, было, Свитер? — спросил он, подъехав к моему дому и хлопая меня по плечу, как он любит делать.

Этого было достаточно. Я расплакалась.

Я рассказала Энджелю все — почти. Регина говорит, что лишилась девственности с Джейми; я признаюсь Джейми в любви; Джейми говорит, что я не должна этого делать.

Я ничего не сказала о синяках Регины.

Я уже не в первый раз плакала перед Энджелю, но он в первый раз не знал, что с этим делать.

— Смотри, Свитер, — сказал он мне, оглядываясь, словно боится, что его поймают. — Я не могу об этом говорить. Но скажу тебе одно — девушка говорит Форта слово на букву «л»? Неважно, любит он ее или нет. Игра окончена — он уже не может иметь с ней дело.

Потом он практически вытолкнул меня из машины, словно поняв, что сказал лишнее. По пути к дому он сказал мне посмотреть на YouTube, как Шери Кэрри поет «Cherry Bomb», сорок раз как минимум, потому что хочет снова устроить прослушивание через пару недель.

Через секунду я осознала, что он дает мне еще один шанс. Вытирая растекшуюся тушь и сморкаясь, я сказала ему, что в следующий раз я точно ее добыю.

Собираюсь так и сделать. Каким бы плохим ни было мое прослушивание, оно научило меня тому, что я должна буду сделать в следующий раз. Я чувствую в себе это знание, чистое и цельное. Оно сводит на нет смущение, стыд, сомнения — и остается лишь план действий.

Когда я зашла в дом, я позвонила Вики и рассказала о том, что я сказала Джейми и что сказал Энджелю. Она сразу же спросила, был ли у нас с Джейми секс, таким тоном, будто спрашивала, регулярно ли мы с ним говорим по телефону. Я сказала «нет», а она ответила:

— Послушай маленький совет от девчонки, которая залетела в пятнадцать. Большинство девочек теряют девственность с тем, кому они до задницы броненосца. Они делают это только ради парней, а потом ходят с расстроенными мордами, когда парень сразу же переключается на кого-то другого. Прежде, чем что-то сделать, спроси себя, можешь ли ты доверить этому мальчику свою душу и тело. И даже не собирайся врать себе хоть об одном.

Вики, вроде бы, не поняла самого главного, но я все равно задумалась о ее словах. Я могу полностью доверить Джейми свое тело — я чувствую себя в абсолютной безопасности, когда он меня трогает. Но я, наверно, не могу доверить душу тому, кто говорит, что я не должна его любить, и неважно, как я доверяю ему в плане тела.

Не знаю, что с этим делать, поэтому откладываю решение.

Дверь «Tried & True» оставлена открытой, а из колонок магазина гремят «Sleigh Bells». Я захожу внутрь и начинаю копаться в вещах — здесь много потрясающих платьев. Вещи распределены по цвету: красная секция, черная секция, зеленая секция...

Направляюсь в синюю секцию — это меньшее, что я могу сделать для мамы, доверившей мне свою кредитку. Рассматриваю платья, пытаюсь сообразить, как я буду в них выглядеть, и слышу:

— Могу я вам помочь?

Увидев Регину, я удивляюсь так же, как она, увидев меня.

Ее лицо бледнеет.

— Что ты здесь делаешь? — шипит она, как будто у нее будут неприятности из — за

меня или что-то в этом роде.

— Я... Ты здесь работаешь?

Она показывает на свой бейджик с именем и надписью «Tried & True» и скрещивает руки на груди. Она смотрит на меня со злостью, но выглядит нервно — хочет выставить меня из магазина прямо сейчас. Я смотрю на ее ярко-красное платье в стиле 1950-х, идеально к нему подходящий кардиган с блестящими пуговицами и овальный пучок. Такое ощущение, что я в параллельной вселенной.

— Я ищу платье. Синее платье.

Она показывает на стойку, которую я уже видела, и возвращается за прилавок, не говоря ни слова.

Я начинаю с первого платья, сдвигаю его вправо. Потом сдвигаю и второе платье тоже. Прodelываю то же самое еще с пятью и осознаю, что понятия не имею, что я ищу.

Я встаю перед Региной за прилавком, не вполне понимая, что делаю.

Она ставит печать с логотипом магазина на простые коричневые пакеты из бумаги. Я не произношу ни слова — просто смотрю на нее. Это совсем не тактика. Я действительно не знаю, что стоит сказать или сделать, я всего лишь стою и смотрю на нее.

На долю секунды, когда она смотрит на меня в ответ, кажется, что она может сказать нечто важное. Но она просто тянется под прилавок и делает музыку погромче.

— Ты такая странная, — нахмурясь, говорит она.

Я все еще стою и жду, когда она скажет мне проваливать. Судя по ощущениям, проходит целый час. Не представляю, где я беру мужество, чтобы продолжать стоять и смущать ее взглядом, но где — то оно находится.

Наконец она заканчивает, ставит последнюю печать и пачкает чернилами прилавок.

— Это ни хрена не твое дело.

Слова злые, но ее голос — нет.

Она не смотрит на меня.

И в этот момент я понимаю, что была права насчет Энтони.

Она берет охапку одежды, которую должна повесить на вешалки, и оставляет меня на своем месте. Я отхожу в угол с синими платьями и снова начинаю в них рыться. Нахожу простое, темно — синее шифоновое платье без рукавов с плиссированным подолом, высоким воротником на пуговицах и супер-драматичным овальным вырезом сзади. Снимаю его с вешалки и поднимаю вверх.

— Можно его примерить? — спрашиваю я у Регины, которая ушла так далеко от меня, как это только возможно в магазине.

— Ну, попробуй, — отвечает она, не глядя на меня.

Иду в примерочную и снимаю свою одежду.

Все, что я пытаюсь сделать, было бы гораздо легче, если бы я могла сказать Регине, что знаю про ее отца — тогда она бы не смогла от меня отмахнуться. Но, возможно, она бы разозлилась еще сильнее, обнаружив, что я знаю о ней такие личные факты — то, что Джейми не должен был никому рассказывать. То, что делает ее менее агрессивной — она же хочет, чтобы все ее такой считали.

Вообще-то, она и есть агрессивная. Но догадываюсь, что не со всеми.

Интересно, злится ли Регина на отца. Не знаю, как это работает у тех, с кем жестоко обращались — злятся ли они на людей, которые это с ними делают? Или это происходит намного позже, когда они уходят?

Что для нее хуже — злиться на отца или скучать по нему?

Думаю, что мне сложно злиться на моего папу.

На прошлой неделе Кэрон мучила меня на тему злости на папу. Я признала, что злилась на него, потому что его здесь нет, и он не придумал лучший способ заработать денег, чем поехать в Ирак, и не сказал мне, что решил остаться там надолго. Я не назвала другие причины, поскольку не думаю, что смогла бы объяснить, как злюсь, думая о том, как он всегда называл меня красивой, а теперь я знаю, что он говорил так просто, чтобы поднять мне настроение.

Когда я задумываюсь о жизни Регины, чувствую себя идиоткой, потому что вообще злилась на папу за что угодно.

Я надеваю через голову синее платье, и оно садится так, словно было на меня сшито. Оно совсем непохоже на все, что я покупала раньше, и, увидев свое отражение в зеркале, я в ту же секунду понимаю, что возьму его.

Переодеваюсь и выхожу из примерочной. Регина опять за прилавком, не отводит взгляд от витрины. Хотя музыка в магазине стала потише, я не уверена, что она слышит, как я иду.

Я кладу платье на прилавок, достаю мамину кредитку и жду.

Не глядя на меня, она берет платье и считывает сканером ценник.

— Скажи Джейми, — говорю я.

Я наблюдаю, как она аккуратно складывает платье втрое и заворачивает его в шелковистую бумагу. Она, не торопясь, заклеивает оберточную бумагу стикером с логотипом магазина, а потом тянется за карточкой.

— Если бы ты лучше его знала, ты бы поняла, что тогда случится.

Она вставляет карту в терминал, и мы вместе ждем. Кассовый аппарат начинает жужжать и трещать, печатая чек.

— Готова поспорить на что угодно, он бы предпочел, чтобы ты сказала ему правду, а не защитила от драки.

Она отрывает чек и кладет на прилавок вместе с ручкой, чтобы я на нем расписалась. Я наклоняюсь и расписываюсь, затем она разделяет чеки, откладывает мой экземпляр и протягивает руку за ее экземпляр.

Но не берет его.

Я оставляю его на прилавке.

— Он и так достаточно сделал, — говорит она.

Пока мы смотрим друг на друга, я понимаю, что она пытается сообразить, как много мне известно. Я не даю ей подсказок.

— Пожалуйста, ты должна...

В ее глазах вспыхивает огонь.

— Не говори мне, что я должна. Не лезь в то, что себе навывдумывала, и не говори ни хрена. Мне от тебя ничего не нужно.

Она берет с прилавка сверток с платьем и кидает его в коричневый пакет со свежим штампом, который толкает по прилавку ко мне.

— Это неправильно, то, что он делает, — говорю я.

Ее глаза наполняются слезами, и она выглядит еще злее.

— Тебе-то какая разница, — говорит она, поворачивается ко мне спиной и делает вид, что занята с компьютером, который стоит на столе позади нее, а сама яростно вытирает слезы. — Иди отсюда.

Я беру пакет и разворачиваюсь, чтобы уйти, но замираю, когда вижу Конрада, стоящего у входа. Понятия не имею, сколько он здесь пробыл, но он переводит взгляд с Регины на меня, смущенный, обеспокоенный и, может, даже напуганный.

— Что ты имела в виду? — спрашивает он у меня.

Первый раз Конрад обратился ко мне без злой интонации.

От звука голоса ее брата Регина поворачивается. Ее взгляд перескакивает на меня, и она молчит, чтобы узнать, что я собираюсь делать.

Даже я жду, чтобы узнать, что я собираюсь делать.

— Что-то не так? — обращается ко мне Конрад.

Глядя на него, я вижу его в День Святого Валентина и его любовь к Джейми, которую я обнаружила, хорошо это или плохо... Я вижу Трейси, использовавшую свое место в «Списке шлюх» для создания «Списка Шика»... Я вижу себя, пытающуюся соединить все это и разобраться, чего я не делаю, не могу или не хочу.

И у меня наступает... думаю, это можно назвать «момент истины».

Иногда люди помогают друг другу и вмешиваются в дела других людей; иногда мы держимся в стороне и позволяем другим самим выбирать свой путь. Всегда правильно предложить помощь, но не всякая помощь правильна.

Я продолжу говорить Регине, что знаю о том, что делает Энтони, и это неправильно, и есть люди, которые могут ей помочь. Но я не оскорблю ее, рассказав ее брату или кому —нибудь еще о том, во что, по ее словам, я не должна лезть. Только Регина может рассказывать об этом людям. Если она не станет, вдруг она потом снова окажется в таком же положении с другим парнем?

Я не отвечаю на вопрос Конрада. Вместо этого я говорю: «Конрад, извини за то, что я сказала на дискотеке».

Конрад выглядит еще более ошарашенным и смущенным. Я выхожу из магазина со своим красивым платьем, оставив Деладдо одних.

Я все время поглядываю на светящуюся кухню ресторана, когда официанты в смокингах проскальзывают через откидные дверцы. Шеф-повар с помощью большого кондитерского мешка наносит последний цветок на огромный шоколадный торт, лежащий на одном из столов из нержавеющей стали, а его помощник придумывает идеальное расположение для каждой из моих шестнадцати свечек.

Я могла бы пропустить первые четыре блюда из ужина, организованного для нас Дирком, и просто съесть кусок праздничного торта. Ведь утиное консоме и фуа-гра — совсем не моя тема, хотя честно говоря, я не вполне знаю, что это. Но после сегодняшнего просмотра «Проекта Ларами» я решила, что смогу быть вежливой и благодарной и просто на один вечер поплыть по течению — даже, если это означает мой День Рождения в компании Кэтлин, Дирка, Холли и Роберта.

Мама возвращается из похода в уборную, а Дирк встает из-за стола, чтобы отодвинуть ее стул, игнорируя крутящуюся рядом официантку, которая бросается на помощь в ту же секунду, когда ему что-то нужно. Она подходит к нашему столу под любым возможным предлогом, и я могу сказать, что Дирка это раздражает. Зато мама почти не замечает эту суетливую женщину. Она просто взволнована тем, что этот вечер происходит по-

настоящему.

Я догадывалась, что мама хочет устроить в мой День Рождения нечто особенное, зная, что в день моего четырнадцатилетия я сидела с ней дома и смотрела телевизор, а в день пятнадцатилетия — болела моноклеозом и плакала на кухне, тоже с ней. Но я была в бешенстве, когда сегодня выяснилось, что секретный мамин план — пойти с Дирком смотреть на Роберта и Холли в «Проекте Ларами», а потом поехать на ужин в Нью-Хейвен — оказался планом Дирка.

Дело в том, что план Дирка гениален в своем роде, потому что супер-сложно оставаться в бешенстве во время спектакля типа «Проекта Ларами».

Постановка была красивой и душераздирающей. Это спектакль о людях из Ларами, знавших Мэттью Шепарда, включая тех, кто убил его, и тех, кто пытался его спасти. О том, как случившееся с Мэттью, изменило их и перевернуло все, во что они верили. По сути, это постановка, заставляющая людей быть добрее друг к другу. Похоже, она действует и в перспективе — не думаю, что кто-то выйдет с «Проекта Ларами» и продолжит считать, что глупые ссоры с друзьями, братьями и сестрами, того стоят. Готова поспорить, что Дирк понимал, что это сыграет в его пользу в маминых глазах.

Себе на заметку: Дирк Тейлор не тупой.

В спектакле все были хороши. Холли была как всегда очаровательна, а Роберт проделал супер — серьезную работу. Даже Мэтт сыграл нормально — говорил свои реплики в нужный момент и не намеревался все испортить, что было даже удивительно. Очевидно, мистер Доннелли — чудотворец.

Но Конрад оказался просто звездой. Все актеры в труппе играли несколько разных ролей, и Конрад, как никто другой, перевоплощался в каждого из своих персонажей. Самый поразительный момент был, когда он играл врача скорой помощи, и произносил очень тяжелый монолог о состоянии Мэттью, поступившего в больницу. То, как Конрад это сделал, было невероятно. У меня побежали мурашки, не только из-за сюжета или игры Конрада, но и из — за того, что Конрад стал актером прямо у нас на глазах. Он нашел то, чем может заниматься, и идеально с этим справляется.

Первый раз в жизни я даже завидую Конраду Деладдо.

К моменту окончания спектакля я чувствовала себя так, словно побывала в Ларами и поговорила с людьми, лично знавшими Мэттью Шепарда. После поклонов была конференция, на которой актеры отвечали на вопросы, а мистер Доннелли объяснил, как он надеется, что постановка поможет людям понять, что значит — принимать других такими, какие они есть.

Думаю, ползала как минимум шмыгали носами, если не вытирали слезы.

Пока мы ждали Роберта и Холли, я наблюдала, как все поздравляют Конрада. Он кажется совсем другим человеком и выглядит счастливым.

— Книга такая же интересная, — говорит Дирк, наполняя мамин бокал. — Что думаешь о сценарии, Роуз?

Откидная дверь кухни снова открывается, и на этот раз я вижу кого-то с горстью настоящих цветов, раскладывающего их между свечками на торте.

— Очень умный ход — разные люди говорят, но не обязательно друг с другом. Было ощущение, что реплики говорят друг другу, хотя люди на самом деле не говорили друг с другом.

Мама улыбается мне, будто ее впечатлил мой комментарий.

— Но тебя это тронуло? — спрашивает Дирк. — Работает ли такая структура, в конце концов?

— Пап, — ворчит Холли, — мы не на уроке. У Роуз День Рождения.

— Прости, Роуз, — извиняется он со своей фирменной улыбкой, которая может дать ему все, что угодно — например, помешанных официанток, от восторга падающих в обморок по всему залу.

— Нет, все нормально, — говорю я. — Меня тронула структура спектакля. И сама постановка тоже. Особенно Конрад. Не верится, что это его первый спектакль.

— Конрад и правда был хорош, — говорит Холли. — На репетициях он старался больше всех.

Роберт встает на дыбы еще до того, как она заканчивает предложение:

— Он долго вникал в процесс. Ему все время нужно было помогать.

— Ну, он же никогда раньше не играл, — объясняет Холли. — Я думаю, он натурален. А ты, пап?

— У него отличный...

— Он не натурал, — усмехается Роберт, перебивая Дирка.

Дирк удивленно смотрит на него, очевидно, не привык, чтобы его прерывали.

— Стоп, — тихо говорит Холли Роберту.

Роберт не отвечает.

Я перевожу взгляд с одного на другую. И в раю не все хорошо.

— Что ты имела в виду под словом «натурален», Холли? — спрашивает Дирк.

Холли не имеет возможности ответить, потому что внезапно появляются десять парней в костюмах и окружают наш стол. Они начинают петь сложную акапельную версию «С Днем Рождения» в гармонии из, наверно, шести частей. Пока они поют, официант приносит гигантский торт, освещенный свечками и покрытый розами — настоящими и сделанными из глазури. Когда они перестают петь, я наклоняюсь, задуваю свечи, и весь ресторан аплодирует.

— Спасибо, ребята. Спасибо, что пришли, — говорит Дирк певцам, вставая и пожимая им руки, некоторые из них убегают в ресторан.

— У тебя совершенный голос, Кэл, — говорит он одному из самых молодых парней в группе. — Кэл учится у меня на первом курсе, — объясняет он нам.

— Спасибо, сэр, — говорит сияющий Кэл, забыв выпустить руку Дирка, а его взгляд устремляется к Холли.

— Роуз? — говорит мама, поднимая брови и напоминая, что я должна быть вежливой.

— Ой! Спасибо. Было очень мило, — говорю я группе, слегка привстав и сделав странный небольшой поклон на слове «спасибо».

Хотя от пения а капелла мне хочется вырвать свои волосы с корнем, должна признать, что довольно круто, когда тебе поет серенаду толпа парней в костюмах из колледжа. Кэл улыбается мне, а потом его внимательный взгляд снова перескакивает на Холли.

— Привет, Холли, — с ухмылкой говорит он.

— Привет, Кэл, — отвечает Холли, слегка помахав рукой. — Очень классный звук. Спасибо, что спели для моей подруги.

Несмотря на то, что Кэл супер-симпатичный, с растрепанными светлыми волосами и ярко — зелеными глазами, Холли приветствует его совсем невинно. Но Роберту так не кажется.

Дирк провожает певцов до дверей ресторана, мама вступает в стратегические переговоры со старшим официантом на тему разрезания гигантского торта, а Роберт поворачивается к Холли.

— Где ты познакомилась с этим парнем? — спрашивает он.

— Папа же сказал. Он у него на первом курсе.

— Это так и не объясняет, где ты с ним познакомилась.

Она долго на него смотрит, словно он испытывает ее терпение.

— Ты не имеешь права обвинять меня в том, что я сейчас с кем — то флиртую.

Роберт делает глубокий вдох.

— Извини.

Когда она не принимает его извинения, он говорит:

— И долго ты собираешься на меня злиться?

— Не знаю. Может, стоит спросить у Роуз, долго ли я собираюсь на тебя злиться.

— Скажи ей, — говорит он, сверкая кристально — голубыми глазами. — Просто скажи ей.

— Ладно, — резко говорит Холли, поворачиваясь ко мне. — Роберт сказал, что ты ему нравилась в прошлом году, а не наоборот.

— Он так сказал? — говорю я, не в состоянии скрыть удивление от того, что Роберт наконец рассказал Холли правду.

— Роуз, почему ты мне не говорила?

Холли кажется обиженной, а я чувствую себя ужасно.

— Я, м-м... я чувствовала, что он должен тебе сказать. И я ему это говорила. Холли, клянусь, говорила, — думаю, добавлять ли факт, что Роберт просил ничего не говорить, но понимаю, что ему и так достаточно неприятностей. — Просто это не мое дело, что-то рассказывать.

Мама идет к дверям ресторана попрощаться с певцами, а старший официант начинает резать торт и накрывать стол на шесть человек.

Шесть?

— Ну, теперь я знаю, почему он иногда так странно к тебе относится, — говорит мне она. — Ты выбрала другого, а не его.

В этот момент Роберт нас не слышит. Он уставился на Дирка, который закинул руку на плечи Кэлу и рассказывает маме что — то явно очень лестное о нем. Кажется, Роберт обдумывает наилучший способ убийства Кэла.

— Нет, Холли, все было не совсем...

— Ты хочешь быть с этим парнем из колледжа? — вмешивается Роберт. — Потому что, если хочешь, просто иди.

Холли смотрит на Роберта, а потом оглядывается на Дирка, болтающего с Кэлом. Медленно — угрожающе медленно — она разворачивается к Роберту.

— О, и стоит пойти? — саркастично спрашивает Холли.

Никогда раньше не видела, как она злится. Надо отметить, что она такая же хорошенькая, когда злится, как и когда радуется.

Роберт говорит:

— Да, стоит.

Мне хочется поймать эти слова и запихнуть их обратно ему в рот.

Он не ведает, что творит.

Холли медленно берет свой блестящий серебристый клатч и встает, как раз когда старший официант кладет на ее тарелку кусок торта. Она идет к своему отцу, что-то ему говорит, а потом направляется прямо к двери.

Дирк и мама не вполне уверены, как на это реагировать, в отличие от Кэла. Он не теряет ни секунды — сразу же идет за ней.

Не успеваю я сказать Роберту, что он идиот, как он вскакивает с места и оказывается уже на полпути к выходу. Дирк останавливает его и передает моей маме, которая все еще общается с певцами, а сам идет за Кэлом и Холли. Мама отправляет Роберта обратно за стол — видимо, чтобы ему не пришлось терпеть холодные оценивающие взгляды парней из колледжа, не понимающих, что такая красавица как Холли делает с этим десятиклассником.

Роберт тяжело опускается на свое место и закрывает лицо ладонями.

— Прости, что испортил тебе День Рождения.

Официант кладет передо мной кусок идеального торта.

— Роберт.

— Да?

— Что ты здесь делаешь?

Он смотрит на меня.

— В каком смысле?

Я качаю головой.

— Зачем ты послушался Дирка и мою маму?

Ему требуется пара секунд, но он встает и убегает. Потом возвращается.

— Роза, извини, я...

— Да, знаю-знаю. Иди.

Его не приходится упрашивать.

Я опускаю взгляд на свой шоколадный торт с настоящей красной розой на нем, беру вилку и задумываюсь, может ли именинница начать есть первой, пока никто за столом еще не начал.

— Вот это платье, Роуз.

Я поднимаю голову и вижу Джейми, стоящего рядом со мной, в костюме.

В настоящем костюме.

Он черный, и идеально на нем сидит. На нем галстук. Волосы влажные, как после душа, а в руках — что-то тонкое и аккуратно завернутое в коричневую бумагу с бантом из ленты и моим именем, старательно написанным тщательным разборчивым почерком. Я чуть ли не тянусь его потрогать, чтобы убедиться, что это не какая-то странная галлюцинация.

— Меня пригласила твоя мама. Я не мог прийти на спектакль и ужин, но она сказала, что можно придти на десерт.

Из ниоткуда появляется старший официант с еще одним стулом и ставит его перед шестым прибором на столе.

— Моя... мама?

Как она вообще додумалась ему позвонить? Я уже несколько месяцев не говорила с ней о Джейми.

Джейми отодвигает стул, стоящий рядом с моим, и садится.

— Сладкие шестнадцать, да?

— Похоже на то.

— Все нормально? — спрашивает он, глядя на стойку у входа, возле которой стоит

мама, с головой ушедшая в разговор с Дирком, который вернулся с улицы.

— У Роберта и Холли какая-то драма, — говорю я.

Джейми кивает.

— Как спектакль?

Делаю паузу, сомневаясь, стоит ли упоминать Конрада, но знаю, что Джейми хотел бы о нем узнать. Если Конрад с ним не разговаривает — благодаря мне — это меньшее, что я могу сделать.

— Потрясающе, — говорю я, — спасибо Конраду. Он классно сыграл. Правда, очень классно.

— Да? — говорит Джейми с удивлением. И гордостью.

Теперь я, как никогда раньше, понимаю, что Джейми пытался объяснить мне весь этот год.

Конрад — это его семья.

И Регина тоже.

Я должна ему рассказать. Если я не расскажу, а с ней что-то случится, он никогда больше со мной не заговорит.

— Так он может играть, да? — задумчиво спрашивает Джейми.

— Да, — говорю я. — Во время его монолога все плакали.

Пару секунд взгляд Джейми блуждает по моему лицу.

— Мне не нравится слышать, что ты плакала, — говорит он, и я понимаю, что мы теперь говорим не о спектакле.

— Иногда такое случается, — говорю я, представляя, как Энджело рассказывает Джейми про сопле-фест, который я устроила в его машине после того, как провалилась с «Cherry Bomb».

Делаю глубокий вдох и говорю:

— Извини за то, что я тогда сказала. О своих чувствах.

— Не извиняйся, Роуз.

— Все равно буду. Я знаю, что мы не...

— Хорошо, что ты мне сказала, — говорит он, когда я оставляю предложение неоконченным.

— Могу сказать, что для тебя это было странно.

Пару секунд Джейми смущает меня взглядом своих красивых ореховых, с золотистыми проблесками, глаз, потом протягивает мне подарок, о котором я успела забыть, наклоняется ко мне и шепчет на ухо:

— Прекрасно выглядишь.

Мое сердце замирает. Джейми встает поздороваться с мамой и Дирком, которые вернулись к столу без Холли и Роберта. Мне даже не нужно распечатывать свои подарки, чтобы понять, что на свой шестнадцатый День Рождения я получила лучший подарок, о котором могла только мечтать.

— Джейми, — улыбается мама, обеими руками сжимая его ладонь. — Это Дирк Тейлор.

— Очень приятно, — говорит Дирк, пожимая руку Джейми. — Рад, что ты смог к нам присоединиться.

— Спасибо, что пригласили, — отвечает Джейми.

Он садится, а Дирк одобрительно мне подмигивает. Мама ловит мой взгляд, и я не могу

ей не улыбнуться. Даже не верится, что она это сделала.

Теперь я знаю, почему она отправила меня покупать платье — точнее, синее платье.

— Думаю, стоит начинать, — говорит она, осторожно намекая, что Холли с Робертом потребуется какое — то время.

Если бы два года назад кто-нибудь сказал, что я буду отмечать шестнадцатилетие в модном ресторане с моей мамой и кинозвездой, я бы назвала его чокнутым. А если бы мне сказали, что рядом со мной будет Джейми Форта, в своем идеальном костюме, вежливо разговаривающий с моей мамой и кинозвездой, я бы сказала, что этот человек совсем невменяемый.

— Готова открывать подарки? — спрашивает мама.

В центре стола лежит небольшая горка красиво упакованных коробочек, но больше всего меня интересует то, что у меня в руках.

— Начну с этого, — говорю я и тяну за конец ленты с бантом.

Сверток очень легкий, словно в нем ничего нет. Я просовываю палец под коричневую бумагу, разворачиваю ее и вижу нечто, похожее на кусок тонкого картона. Когда я замечаю потрепанный край с одной стороны и узнаю в этом заднюю обложку тетради, я уже точно знаю, что я вижу.

Я переворачиваю картонку — на ней красивый дом, который Джейми рисовал на уроке самоподготовки в прошлом году, в день, когда мы впервые заговорили. Я ему говорила, что мне нравится этот рисунок. Он закончил его — дом стал гораздо больше, и теперь его окружают густо посаженные деревья — и подписал.

«С 16-летием, Роуз. От Джейми с любовью».

От Джейми с любовью.

— Что это? — спрашивает мама.

Я поднимаю рисунок.

— Твоя работа, Джейми? — спрашивает она, как будто он профессиональный художник.

Когда он кивает, мама говорит:

— У тебя настоящий талант. Красиво.

— Эффектная конструкция, сынок. Ты не думал об архитектурной школе?

Я делаю вторую за этот вечер мысленную заметку о Дирке: он настроен благосклонно. И это искренне.

— Видишь? — ухмыляясь, говорю я Джейми. — Не только я так считаю.

Джейми благодарит маму и Дирка, но совсем не смотрит на меня, вместо этого сосредоточившись на размешивании сахара в своем кофе. Я прощаю ему это, беру вилку и отделяю кусочек идеального торта из темного шоколада, стараясь не задеть настоящую красную розу. Я уже готова его попробовать, когда Джейми под столом берет меня за руку.

резня(сущ.): жестокость; зверство; кровопролитие
(см. также: происходит неизбежное)

— Роуз.

Слышу, как по коридору раздается стук каблуков Трейси.

— Роуз! — снова зовет она, когда я притворяюсь, что не слышу из-за скрипа, с которым открывается дверца моего шкафчика.

Я поправляю волосы, когда позади меня в зеркале появляется ее лицо.

— Можно с тобой поговорить пару минут?

Еще пару секунд поправляю новые синие пряди, потом беру свои вещи и захлопываю дверцу. Поворачиваюсь к ней.

Трейси больше не похожа на ученицу старших классов. Она одевается так, будто работает в модном журнале, что она, вроде как, и делает, хотя с этим можно поспорить. «Список Шика» теперь читают по всей стране, не только в Юнион. Думаю, даже некоторые репортеры из Нью-Йорка следят за ее блогом. По словам Стефани, ее родители в таком восторге, что наняли профессионального веб-дизайнера для работы над сайтом.

Все это происходит с ней. Уже.

Но она по —прежнему нервничает перед разговором со мной.

— Волосы круто смотрятся, — говорит она, оценивая мой образ на автомате.

Сегодня я снова пробуюсь для группы, и я надела рваные черные джинсы с булавками в дырках и почти все браслеты, которые нашла дома. Холли одолжила мне супер-крутую камуфляжную блузку с открытым плечом, а утром, перед первым уроком, в туалете помогла мне с макияжем, поэтому моя толстая черная подводка выглядит гораздо лучше, чем в прошлый раз.

Мне повезло, что Холли готова мне помочь.

После ужина в мой День Рождения я позвонила ей и извинилась. Только Холли могла сказать, чтобы я не переживала, и что Роберт не должен был меня в это вмешивать. Я сказала, что Роберт совершенно точно любит ее целиком и полностью, и хоть иногда и бывает идиотом, но в целом он хороший парень.

Потом она сообщила мне, что они решили сделать «перерыв в отношениях».

Уверена, что Роберт сейчас сидит в какой-нибудь темной комнате, рвет на себе волосы и раскачивается взад-вперед, пытаюсь понять, как он умудрился испортить лучшее, что когда-либо с ним случилось.

Собираюсь ему попозже позвонить — узнать, как он.

— Ты сегодня занята? — спрашивает Трейси.

— Снова пробуюсь для группы Энджело.

— О, ну ладно, — несколько разочарованно говорит она. — Чен попросила сделать специальный пост про выпускной в «Списке Шика», поэтому мне нужно до завтрашнего вечера купить платье.

Я жду, не понимая, как это относится ко мне.

— М-м, Питер меня встретит на парковке, и пойдем по магазинам. Думала, может, ты тоже пойдешь. А потом можно будет всем втроем поесть пиццу?

— Извини. Не могу, — говорю я.

Даже мне кажется, что мой голос звучит холодно.

— Может, в другой раз, — говорит Трейси, собираясь уйти.

«Дай ей хоть что-нибудь», — произносит голос в моей голове.

— Я сейчас иду на парковку, — говорю я, и взгляд Трейси возвращается ко мне. — Хочешь, пойдем вместе?

Ее лицо озаряет улыбка.

Мы выходим в идеальный майский день, а я пытаюсь разобраться, что же хочу ей сказать.

Начинаю вот так:

— У меня просто странное ощущение.

Она настолько хорошо меня знает, что для меня не проблема — начать с того, что стоило бы поставить в середину разговора.

— Я знаю, — говорит она.

— Почему вы мне не рассказали?

— Все было совсем не так, как ты думаешь.

— Ладно, и как же все было?

— Когда он написал мне в декабре, ему просто нужна была помощь. Он боялся разговора с тобой и твоей мамой и подумал, что если бы я была при этом, все прошло бы проще. Он просил не рассказывать тебе, потому что знал, как ты расстроишься из-за того, что он не тебе позвонил первой. Но я решила — ты бы хотела, чтобы я ему помогла. Поэтому я согласилась.

— Ну а между Рождеством и Днем Святого Валентина...

— Ничего, Роуз. Клянусь. Мы просто много говорили по телефону. Он был несчастен и чувствовал, что ему не с кем поговорить, поэтому звонил мне, — на этот раз краснеет Трейси. — Ты же знаешь, что я всегда была в него влюблена. А от стольких разговоров все стало... еще хуже. И потом, когда я больше не могла это выносить, я предложила ему встретиться под конец дискотеки в День Валентина. И поцеловала его. Роуз, мне так неудобно было, что ты нас увидела. И Питеру тоже.

— Ему тоже?

Она удивляется моему удивлению:

— Разве он тебе не говорил?

— Он так себя ведет, будто не сделал ничего плохого.

Трейси кажется озадаченной, но не предлагает никаких объяснений.

— Видишь? Вот почему это странно. У тебя в голове есть вся информация о том, что происходит, но ты не можешь ничего мне рассказать из-за него.

— Я хочу быть твоей лучшей подругой, а еще хочу быть девушкой Питера, — говорит она. — И как мне это сделать?

Мы замолкаем, поднимаясь по склону.

Девчонки «Юнион Хай» зовут Трейси, говоря ей, что она наверняка захочет сфотографировать их завтра вечером, потому что они придут на выпускной в одежде от того или другого дизайнера. Девчонки, которые хотят стать моделями, уже начали дарить Трейси небольшие подарки за то, что она помещает их на сайте, и благодарить за первые снимки для их портфолио.

Для меня до сих пор странно, что Трейси привлекает такое внимание, но она

справляется с этим как профи.

Я горжусь ей.

Может, мне стоит ей это сказать.

— Я тобой горжусь.

Трейси реагирует немного замедленно, словно не понимает, о чем я.

— Сайт. Все, что ты с ним делаешь. Все твои читатели. Когда ты уедешь из Юнион, ты сможешь работать везде, где захочешь. Круто.

Трейси улыбается.

— Думаю, это самое приятное из всего, что ты мне говорила.

— Это правда. «Список Шика» потрясающий.

— Ты начнешь снова над ним работать? Без тебя такие плохие тексты.

— Только, если ты меня хоть раз туда поместишь, — пытаюсь сказать это в шутку, но она не обращает внимания.

Она поднимает камеру, которая теперь постоянно живет у нее на шее, и делает мое фото, не давая времени на подготовку.

— Постой...

— Знаешь что, Рози? Ты привыкла носить все, что я говорила тебе носить, и не пойми меня неправильно — ты выглядела хорошо, благодаря мне. Но я просто никогда не чувствовала, что у тебя есть свой стиль — до этого момента. Обожаю такие синие пряди. И как бы мне ни хотелось выдать их за свою идею, я не могу.

Пока мы идем по склону, она все время щелкает камерой.

— Теперь ты не можешь остановиться. Ты меня смущаешь.

Трейси смеется и опускает камеру.

— А как тебе мой подарок на День Рождения? — спрашивает она.

Мысленно возвращаюсь к своему Дню Рождения, к горе подарков на столе в ресторане. Не могу вспомнить подарок от Трейси.

— Ты дарила мне подарок?

— Ты же не думаешь, что твоя мама сама додумалась пригласить Джейми на твой День Рождения, так ведь?

Хватаю ее за руку, чтобы она остановилась.

— Подожди. Так это была ты? Ты это устроила?

— Мы с Питером. Она пригласила нас. Мы сказали ей, что лучше было бы, чтобы пришел он, и она поняла, что мы были правы.

Ощуаю тепло, вспоминая, как подняла взгляд и увидела рядом с собой Джейми в костюме и с подарком. Все, что я могу сказать:

— О Господи, Трейс.

— Холли сказала, что ты была в каком-то невероятном платье. Я должна его увидеть.

— Джейми сказал, что я прекрасно выгляжу. Это лучший подарок на День Рождения за всю мою жизнь.

Трейси улыбается.

— Пожалуйста, Рози.

Она обнимает меня. Каким-то образом я понимаю, пока мы так стоим, что мы никогда не вернемся к тем отношениям, какие у нас были до того, как она стала встречаться с моим братом. Но, может, это и не плохо.

Мы добираемся до вершины холма и слышим безумный шум. Там стоит большая группа

людей и наблюдает за чем — то, происходящим в центре круга. Подходя ближе, я вижу мелькающие кулаки.

Внезапно к нам бежит Стефани — так быстро, как только возможно в туфлях с высокими каблуками — и кричит, но я не могу разобрать, что. Когда она останавливается и начинает махать нам, чтобы мы поспешили, меня прошибает пот, хоть я еще и не побежала.

Проталкиваюсь через толпу. На площадке сцепились Джейми и Энтони. У Энтони хлещет кровь из носа, а у Джейми начал опухать глаз, но они продолжают драться, словно не намерены останавливаться, пока кто-то из них не погибнет.

Поднимаю глаза и вижу с другой стороны круга Энджелю, не отрывающего взгляд от Джейми. Кажется, что ему до смерти хочется ему помочь, но он сдерживает себя.

Это значит, что Джейми сказал Энджелю не вмешиваться.

Это значит, что Джейми это затеял.

Это значит, что он знает.

Рядом с Энджелю Конрад и Регина, и Регина плачет. Я лишь однажды видела, как она плачет, и была уверена, что никогда больше этого не увижу. Но она по-настоящему рыдает, а Конрад практически держит ее вертикально. Конрад смотрит на меня — не могу понять выражение его лица. По другую сторону от Регины стоит Лена с ошарашенным видом. Когда наши взгляды встречаются, я точно понимаю, что случилось.

Лена рассказала Джейми. Сказала ли она ему, что я знала?

Должна ли я это спрашивать?

Энтони поднимает руку и валит Джейми на землю, делая хороший удар Джейми в живот. Джейми умудряется сбросить Энтони с себя и подняться.

Вдруг в круг проникают двое парней из «Вест Юнион». Они хватают Джейми сзади.

Вся толпа из «Юнион» думает, что это несправедливо. Теперь у Энджелю есть причина вмешаться, которую он так ждал. Он начинает надвигаться на Энтони. Один из товарищей Энтони отпускает Джейми и переключается на Энджелю. А потом Питер неожиданнс проталкивается в круг.

Он захватывает Энтони за шею и оттаскивает его назад. Джейми отталкивает парня Энтони и подходит к Энтони, его кулаки сжаты, лицо окровавлено, от него исходят волны ярости. Питер разворачивает Энтони так, чтобы Джейми не мог его ударить.

— Хватит, чувак, хватит! — говорит Питер Джейми, задыхаясь от усилий.

Хотя Питер и старше, он с трудом удерживает Энтони, который гораздо крупнее. И пока Питер сидит в комнате с другими наркоманами и говорит о своих чувствах, Энтони тренируется в спортзале со своими дебильными друзьями.

Джейми игнорирует Питера и с легкостью освобождает Энтони от захвата Питера. Питер чуть спотыкается, но быстро разворачивается, чтобы они с Энджелю успели помешать товарищам Энтони, а Джейми и Энтони начинают все сначала.

Джейми делает сильный удар, и Энтони падает на землю. Через секунду Энтони встает и набрасывается на Джейми. Он каким — то образом ухитряется прижать Джейми к припаркованной машине и начинает наносить удар за ударом. Кажется, что Джейми уже не в состоянии защищаться, и я понимаю, что он ничего не видит, потому что один глаз уже совсем заплыл, а второй тоже выглядит не очень хорошо.

Думаю, Конрад тоже это понял, потому что он отпускает Регину и делает огромный скачок к Энтони, пытаясь помешать ему избивать Джейми. Конрад прижимает руки Энтони к машине, и этого оказывается достаточно, чтобы Джейми соскользнул вниз по машине и

оказался на земле.

— Какого черта здесь творится? Прекратите!

Пока мистер Кэмбер бежит к группе, все наблюдатели начинают исчезать, скрываясь в рядом стоящих машинах или магазинах.

— Ты! — говорит Кэмбер Энтони, который борется с Конрадом. — Отойди от этой машины и не двигайся. Конрад, иди и стой здесь. Царелли! — зовет он моего брата и указывает на Энтони. — Следи за ним!

Кэмбер садится на корточки перед Джейми и смотрит на его разбитое лицо.

— Это не закончится для тебя хорошо, Форта, — говорит он, а его голос полон бешенства и разочарования.

Кажется, Джейми даже не слышит Кэмбера. Он сосредоточен на Регине, которая все еще рыдает.

— Пошла ты на хрен, Роуз! — пронзительно кричит она на меня. — На хрен иди!

Открываю рот, чтобы сказать, что это не я, но начинает кричать Кэмбер:

— Кто-нибудь начнет рассказывать — сейчас же!

— Форта не нравится, что я встречаюсь с его бывшей девушкой, — говорит Энтони странным голосом из — за сломанного носа.

Вся его рубашка покрыта кровью и соплями.

— Это правда? — спрашивает Кэмбер у Джейми.

Джейми более — менее уцелевшим глазом смотрит на Лену, а потом на меня.

Этого не может быть. Не может быть так, как все происходит.

— Ты должен что — то сказать, Джейми, иначе я не смогу тебе помочь, — говорит Кэмбер.

Джейми сплевывает кровь на землю и продолжает молчать.

Кэмбер все допрашивает его, а Лена пытается ускользнуть. Я хватаю ее за руку.

— Ты ему рассказала? — шепчу я.

Она выдергивает руку.

— Конечно, я. У тебя что-то не так? — говорит она.

Такой ироничный ответ — это уж слишком для меня в этот момент. Отхожу от нее, и она исчезает.

Скорая и копы приезжают одновременно, и все начинает происходить очень быстро. Бобби Пассео, который играл в хоккей с Питером и Джейми — и с которым я целых два раза виделась в прошлом году — выпрыгивает из машины скорой помощи, открывает заднюю дверь и берет свой красный чемоданчик.

— Привет, Царелли! — говорит он моему брату таким тоном, будто видеть двух парней с окровавленными лицами гораздо более нормально, чем видеть моего брата в Юнион. — Прямо как в старые времена, да? Дебилы вечны.

Он осматривает нос Энтони и вставляет в ноздри марлю, чтобы остановить кровотечение, заставляя Энтони вздрогнуть от боли. Бобби нажимает ладонью на лоб Энтони.

— Если хочешь остановить кровотечение, держи голову запрокинутой, — говорит он.

Измеряя пульс Энтони, он замечает меня.

— Роуз! С ума сойти — два Царелли по цене одного. Эй, сделай мне одолжение, дай Форта пакет со льдом. Его нужно сжать, чтобы он стал холодным, — наставляет он меня, протягивая пакет.

Я беру пакет и несколько раз сжимаю его, чувствуя, как холод начинает проникать через пластик к моим пальцам. Он распространяется по венам и проходит через все тело. Я собираю все свое мужество, чтобы сделать два шага к Джейми, но замираю от ярости в его внимательном взгляде.

Вот уж не думала, что узнаю, каково это — быть адресатом такого взгляда.

— Я говорила ей, чтобы она тебе рассказала, — начинаю я, стараясь говорить нормально. — Я говорила, что ты хотел бы знать. Она сказала, что это не мое дело...

Джейми даже не утруждает себя ответом — я вижу, что между нами встала стена, и он скрылся за ней.

В машине офицера Вебстера потрескивает и оживает рация. Вебстер идет к патрульной машине и достает ее через открытое окно. Через секунду он садится в машину и закрывает дверь, чтобы мы не слышали разговор.

Джейми наблюдает за Вебстером. Когда Вебстер через минуту выходит из полицейской машины, он идет к Джейми и опускается перед ним на корточки. Я застываю на своем месте, в нескольких шагах от него, с ледяным пакетом в протянутой руке.

— Твой папа хочет, чтобы я тебя задержал.

Не могу поверить, что это опять происходит из-за Регины. Просто не могу. Конрад пытается увести ее, но она не двигается. Она просто снова и снова повторяет:

— Извини, Джейми, прости меня.

Но я не думаю, что он ее слышит.

Вебстер протягивает руку и помогает Джейми подняться. Но когда офицер проходит к машине и открывает дверь для Джейми, Джейми не идет за ним.

— Джейми, — говорю я, хоть и не уверена, что сказать после этого.

Это и неважно, потому что происходит следующее — он подходит ко мне и говорит:

— Знать тебя не хочу.

А потом уходит с парковки.

Никто не знает, что делать. Офицер Вебстер смотрит на Кэмбера, который, похоже, борется с каким — то решением. Наконец он кричит вслед Джейми.

— Форта, если ты уйдешь, ни черта не надейся, что закончишь школу!

Но Джейми все идет. Он уходит — от офицера Вебстера, от Кэмбера, от «Юнион Хай», от меня.

Такое ощущение, что я сейчас упаду. И на самом деле, начинаю падать.

Энджелло хватается меня за руку. Кто-то другой — за другую руку. Это Питер. Они ведут меня к бордюру и усаживают на него.

— Все будет нормально, Роуз, — говорит Питер откуда-то издалека. — С Джейми все хорошо. Он не так сильно пострадал.

— Да, за него не переживай. Ты же знаешь, что он сможет о себе позаботиться? — говорит Энджелло. — Хотя о школьном аттестате он никогда не заботился.

Они не знают. Не знают, что я сделала.

Передо мной вдруг оказывается Трейси. Она роется в сумочке, извлекая оттуда бумажные салфетки. И только, когда Трейси убирает от моих глаз волосы и начинает вытирать тушь и подводку, бегущие у меня по лицу, я понимаю, что плачу.

— Раз, два, три, четыре!

Группа играет вступление к «Cherry Bomb».

Я закрываю глаза. Мои руки так крепко сжимают микрофонную стойку, что я не чувствую пальцев. Музыка вибрирует у меня в руках, в шее и проникает прямо в мозг, где она уничтожает все остальное. Нет ничего, кроме гитары, бас-гитары, барабанов — и меня.

Я не думаю о парковке...

Не думаю о том, как Энджело и Стефани дотащили меня до машины, где я рухнула на заднее сиденье...

Не думаю о Джейми...

Потому что это — то, что происходит здесь и сейчас — мое. И у меня это есть.

Я начинаю почти неслышно, как делает Шери, потому что это низко для моего диапазона, но на четвертой строке куплета я поднимаюсь на октаву, прямо на мою «золотую середину», и двигаюсь к припеву с такой энергией, о которой даже не догадывалась.

Снимаю со стойки микрофон и начинаю скакать — не могу устоять на месте. Краем глаза вижу Энджело, наблюдающего за мной и трясущего головой в такт ритм-секции. Во время соло его глаза практически выкатываются из орбит. Когда я дохожу до следующего припева, налетаю прямо на него.

Песня становится чуть выше, и теперь я даже не пою, а кричу под музыку. Я размахиваю микрофоном по кругу и путаюсь в проводе, как делала Шери, от чего Энджело ухмыляется. В конце песни я стою на коленях и стучу кулаком по полу со всей силой, на которую я способна. Песня заканчивается, и я падаю на спину, ударяясь головой об пол, ноги подогнуты под себя, а руки раскидываю в стороны.

Не могу перевести дыхание. Руки трясутся и болят. Дерет в горле. Я нереально устала.

Это потрясающе.

Никто ничего не говорит.

А потом Стефани начинает визжать. Она подпрыгивает со своего места на полу и визжит так, словно ее убивают.

— Роза! Это невероятно! Ты просто удивительная!

Она вприпрыжку бежит ко мне, поднимает меня с пола и заключает в объятия. Мы практически падаем, а потом она снова пронзительно кричит и прыгает на Энджело, берет его лицо в руки и целует его снова и снова.

— Ты гений! Она идеальна!

Я опираюсь на микрофонную стойку, чтобы устоять на ногах. Наклоняюсь, все еще пытаюсь отдышаться. Энджело снимает свою гитару и кладет на усилитель. Подходит ко мне с высоко поднятой рукой. Я даю ему пять.

— Вот это я и имел в виду, Роуз.

Теперь его очередь обнимать меня — похоже, его не волнует, что с меня капает пот.

И в первый раз в жизни меня это тоже не волнует.

— Подожди здесь, — говорит он мне и жестом приглашает свою группу в другую комнату.

Стефани до сих пор подпрыгивает от возбуждения.

— О Боже, ты правда это сделала, Роуз! Ни одна из девчонок на прослушивании даже близко с твоей крутизной не стояла, — должно быть, я нетвердо держусь на ногах, потому что она вдруг говорит, — Ой, давай сюда! Иди сюда, садись.

Она протягивает мне руку. Я опускаю микрофон на стойку и позволяю ей отвести меня

на потрепанный матрас в углу репетиционной комнаты. Я валюсь наполовину на матрас, наполовину на пол.

— А ощущения при этом такие же невероятные, как кажется? — спрашивает Стеф.

— Как будто... не знаю даже. Это кайф.

— Хочешь пить? Хочешь водички или еще чего-то?

— Да, спасибо, Стеф.

Она бросается к грязному старому холодильнику в углу комнаты. Пока она разгребает заплесневевшие коробки из — под пиццы, чтобы что-нибудь найти, я достаю из сумки свой телефон.

На нем целая куча пропущенных звонков. Но нет того, на который я надеялась.

У меня нет сил перезванивать. Я закрываю глаза и сворачиваюсь клубочком на матрасе.

Пока я лежу там, я не могу выбросить из головы разбитое лицо Джейми и его слова, все еще звенящие у меня в ушах.

На этот раз я потеряла его по-настоящему. Я поступила неправильно, и действительно его потеряла.

Но поступила ли ты неправильно? Джейми думает что это неправильно. А ты?

Нет, я так не думаю

Я не сделала то, чего хотел бы от меня Джейми, но это не значит, что я поступила неправильно.

Моя сумка лежит на полу рядом со мной. Я тянусь к ней, даже не глядя, и нащупываю кусок картона, который ношу с собой с моего Дня Рождения. Пробегаю по нему пальцами и ощущаю вмятины, сделанные рукой Джейми, когда он писал с сильным нажимом: «От Джейми с любовью». Его руки засели у меня в голове... то, как они выглядят, как чувствуются, как прикасаются ко мне.

Если он даст мне шанс объяснить, что я верила в то, что поступаю правильно, все может быть нормально.

А если он не даст тебе этот шанс?

Если он не даст мне этого шанса... это будет его потеря.

Что-то внутри меня обрывается, а что — то остается крепким, сдерживающим и бесстрашным. Но и оно крошится, дробится и исчезает.

Это будет его потеря.

Мне требуется пара секунд, чтобы понять, что Энджело склонился ко мне, пытаюсь привлечь к себе внимание. Я смотрю на его лицо и замечаю синяк, темнеющий на щеке — должно быть, в драке ему тоже досталось. Я сажусь, даже не представляя, сколько прошло времени.

— Ну что тебе сказать, Роуз, хочешь стать рок-звездой? — говорит он, протягивая мне руку.

Впервые в жизни я хочу чего — то окончательно, абсолютно и бесповоротно.

Я беру за руку Энджело и позволяю ему поднять меня на ноги.

— Да, это так.

Он улыбается.

— Офигенно, Свитер, ты в деле. Добро пожаловать в группу. Начинаю репетировать сегодня вечером.

Не то, чтобы все плохое, случившееся раньше, перестало существовать. Но появилось что-то еще, далекое от всего этого. Что-то большее, чем желание, большее, чем смущение и

страх, большее, чем случайные и не совсем случайные приступы жестокости, большее, чем любовь к Джейми Форта.

Это я. Это то, чего я хочу. Это то, кем я являюсь.

И я наконец-то здесь.

Больше книг на сайте — Knigolub.net